This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PROPERTY OF

The University of Michigan Libraries

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

No. 785.
F
6

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Kazan, Russia (City) University

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

къ 100-лѣтію

Императорскаго Казанскаго Университета.

БЫЛОЕ

ИЗЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

Изданіе С.-Петербургскаго Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Казанскаго Университета.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1904.

Digitized by Google

LF
7 ~ 1.5
4..

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 февраля 1904 года.

Digitized by Google

105-36248

Вмѣсто предисловія.

«Стѣны гимназіи и университета, товарищи—вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства. Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество.... Я ва все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда». (С. Т. Аксаковъ. Семейная хроника и воспоминанія. Университетъ).

„Каждый годъ, 5-го Ноября, собираются въ небольшомъ числѣ, 20—30 человѣкъ, бывшіе воспитанники Казанскаго университета. Проведя нѣсколько часовъ въ оживленной бесѣдѣ, они разстаются на годъ, иногда на болѣе продолжительное время, погружаются въ водоворотъ обыденной жизни и годъ спустя опять вспоминаютъ о возможности провести вечеръ вмѣстѣ, опять собираются и живутъ нѣсколько часовъ, вспоминая о быломъ, невозвратномъ, но, очевидно, дорогомъ для каждаго“.

„Не велико число людей, собирающихся такимъ образомъ, всѣ они далеко не въ молодомъ возрастѣ, большинство ихъ получило отъ жизни все, что могло или хотѣло получить,—очевидно, не личные интересы собираютъ ихъ, ихъ собираетъ воспоминаніе о Казанскомъ университетѣ, день основанія котораго они празднуютъ, и воспоминаніе о которомъ оживляетъ ихъ на нѣсколько часовъ, заставляя забыть обыденные хлопоты и труды будничной жизни“.

„5-го Ноября 1904 года исполняется 100 лѣтъ со дня основанія Казанскаго Университета—изъ всѣхъ рус-

Digitized by Google

скихъ университетовъ лишь одинъ, Московскій, отпраздновалъ столѣтіе своего существованія. Исторія полезной и почетной дѣятельности нашей „alma mater“, ея значенія въ жизни востока Европейской Россіи и всей Сибири, разумѣется, уже готова или готовится ко дню столѣтняго празднества. Я предложилъ бы тѣмъ сорока, примѣрно, лицамъ, адресы которыхъ находятся въ Отчетѣ о дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Казанскаго Университета за 1901—1902 годъ, составить сборникъ небольшихъ статей, посвященныхъ воспоминаніямъ о Казанскомъ Университетѣ, которыя появлялись въ различное время въ журналахъ и другихъ изданіяхъ: статьи эти во многихъ случаяхъ принадлежатъ не литераторамъ, а просто людямъ талантливымъ, согрѣтымъ любовью къ родному университету, своимъ товарищамъ и профессорамъ; иногда, въ свободную минуту, въ минуту раздумья, брались они за перо и повѣряли бумагѣ то, что было въ душѣ ихъ предметомъ многолѣтнихъ думъ, часто въ средѣ, которая менѣе всего отвѣчала ихъ внутреннему настроенію. И чѣмъ суровѣе относилась къ этимъ людямъ жизнь, тѣмъ теплѣе и симпатичнѣе имъ представлялась университетская среда, гдѣ, проведя четыре года, они запаслись силами безропотно переносить испытанія всей остальной жизни“.

„Лица, по добровольному соглашенію, могли бы взять на себя обязанность пересмотрѣть старые журналы и сборники, выбрать изъ нихъ статьи и отрывки наиболѣе, по ихъ мнѣнію, интересные, и расположить ихъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ—такимъ образомъ, можно было бы составить книжку“....

„Старые казанскіе студенты, читая этотъ сборникъ,

Digitized by Google

были бы благодарны тѣмъ, кто оживилъ въ ихъ памяти воспоминаніе о дорогомъ прошломъ. Молодые студенты узнали бы, что въ жизни университета искони свѣтлою струею пробивалось знаніе, иногда среди весьма неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій: эта свѣтлая струя, проникая въ самыя отдаленныя и глухія мѣста нашего востока, утоляя умственную жажду многихъ поколѣній, развивала уваженіе къ наукѣ и къ роднику знанія, Казанскому Университету".

Строки эти взяты изъ письма студента 70-хъ годовъ къ студенту 50-хъ годовъ: мысль, развитая въ нихъ была сочувственно принята затѣмъ бывшими студентами Казанскаго Университета, образующими Комитетъ Общества. Вотъ при какихъ условіяхъ возникло начало составленія и изданія литературнаго сборника, къ 100-лѣтію Казанскаго Университета. Стремясь къ тому, чтобы изданіе этого сборника, имѣющее цѣлью по преимуществу торжество дня основанія Университета, не послужило причиною какихъ либо неудовольствій, кромѣ того, желая, чтобъ статьи, имѣющія особый, быть можетъ, интересъ, не ускользнули отъ вниманія составителей сборника, Комитетъ напечаталъ въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ слѣдующее письмо:

„Комитетъ С.-Петербургскаго Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Казанскаго Университета, желая съ своей стороны содѣйствовать сохраненію памяти о торжествѣ празднованія 100-лѣтняго юбилея Казанскаго Университета, предполагаетъ напечатать ко дню празднества, 5 ноября 1904 года, сборникъ, состоящій изъ статей бывшихъ студентовъ Казанскаго Университета, посвященныхъ воспоминаніямъ о своей „alma mater" въ различные періоды

Digitized by Google

ея жизни. Комитетомъ въ настоящее время уже намѣченъ рядъ такихъ статей и отрывковъ, и онъ выражаетъ свою увѣренность въ томъ, что авторы этихъ статей или ихъ наслѣдники не найдутъ препятствій къ перепечатанію ихъ въ сборникѣ въ полномъ видѣ или въ выдержкахъ. Комитетъ проситъ также бывшихъ студентовъ Казанскаго Университета не отказать въ сообщеніи ему съ своей стороны указаній, гдѣ и когда были напечатаны статьи, содержащія свѣдѣнія и воспоминанія, главнымъ образомъ, о бытовой жизни Казанскаго Университета. Изданіе предполагаемаго сборника, помимо своей непосредственной цѣли, напомнить лицамъ, которымъ дорогъ Казанскій Университетъ, о его бытовой жизни въ истекающемъ столѣтіи, имѣетъ въ виду также цѣль благотворительную".

Къ сожалѣнію, этотъ призывъ остался безъ какихъ либо послѣдствій. Тѣмъ пріятнѣе для Комитета выразить свою глубокую благодарность заслуженному профессору Казанскаго Университета Дмитрію Александровичу Корсакову и Александру Георгіевичу Князеву за любезную готовность, съ которою они предоставили въ распоряженіе Комитета, для напечатанія въ сборникѣ, свои статьи съ измѣненіями и дополненіями, соотвѣтственно цѣлямъ изданія, а А. А. Дормидонтовой, И. А. Шляпкину и А. К. Кулагину за сочувственное отношеніе къ изданію.

Приготовляя сборникъ къ 100-лѣтію Казанскаго Унтверситета, Комитетъ стремится выразить ту мысль, которая 5-го Ноября 1904 года объединитъ всѣхъ его студентовъ бывшихъ и настоящихъ: „да здравствуетъ, да развиваетъ свои силы, да процвѣтаетъ родной Университетъ"!

С.-Петербургъ.
Ноябрь 1903 года.

Digitized by Google

Основаніе Казанскаго Университета и первые годы университетской жизни*).

Уже около года носились слухи, что въ Казани будетъ основанъ университетъ. Слухи стали подтверждаться, и въ декабрѣ 1804 года получили оффиціальное извѣстіе, что уставъ университета 5-го ноября подписанъ Государемъ. Попечителемъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Степанъ Яковлевичъ Румовскій, который и пріѣхалъ въ Казань. Это событіе взволновало весь городъ, еще болѣе гимназію и преимущественно старшій классъ. Конференція собиралась каждый день, въ ней предсѣдательствовалъ Румовскій и засѣдали пріѣхавшіе съ нимъ два профессора, Германъ и Цеплинъ, директоръ гимназіи Яковкинъ и всѣ старшіе учителя. Что происходило тамъ—я и товарищи ничего не знали. Вдругъ въ одинъ вечеръ собралось къ Григорію Ивановичу (Карташевскому) много гостей: двое новыхъ пріѣзжихъ профессоровъ, правитель канцеляріи попечителя, Петръ Иванычъ Соколовъ, и всѣ старшіе учителя гимназіи, кромѣ Яковкина; собрались довольно поздно, такъ

*) Изъ «воспоминаній» С. Т. Аксакова.

Digitized by Google

что я ложился уже спать; гости были веселы и шумны; я долго не могъ заснуть и слышалъ всѣ ихъ громкіе разговоры и взаимныя поздравленія; дѣло шло о новомъ университетѣ и о назначеніи въ адъюнкты и профессоры гимназическихъ учителей. На другой день Евсеичъ сказалъ мнѣ, что гости просидѣли до трехъ часовъ, что выпили очень много пуншу и вина, и что многіе уѣхали очень навеселѣ. Онъ прибавилъ, что „нашъ“ (такъ онъ называлъ Григорія Иваныча) принужденъ было много пить, но что онъ не былъ хмеленъ ни въ одномъ глазѣ, У насъ въ домѣ никакой пирушки никогда не бывало, и мы съ Евсеичемъ очень дивились такой новости, хотя причина теперь была очевидна: Евсеичъ самъ вслушался, да и я разсказалъ ему, что Григорій Иванычъ былъ назначенъ адъюнктъ—профессоромъ въ новомъ университетѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Ипатычемъ Левицкимъ и Эрихомъ. Изъ разговоровъ ихъ я также узналъ, что Яковкинъ былъ прямо сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи и назначался инспекторомъ казенныхъ студентовъ, о чемъ всѣ говорили съ негодованіемъ, считая такое быстрое возвышеніе Яковкина незаслуженнымъ, по ограниченности его ученыхъ познаній. Я вслушался также, что, говоря о студентахъ, Григорій Иванычъ громко сказалъ: „за своего Телемака, господа, я ручаюсь“! Я догадался, что и меня хотятъ сдѣлать студентомъ, чего я никакъ не могъ надѣяться, потому что еще не дослушалъ курса въ высшихъ классахъ и ничего не зналъ по математикѣ. На другой день поутру Григорій Иванычъ еще спалъ, когда я уѣхалъ въ гимназію. Я спѣшилъ сообщить новость своимъ товарищамъ, но тамъ уже всѣ знали черезъ сына Яковкина, который былъ

Digitized by Google

страшный толстякъ и весьма ограниченныхъ способностей. Онъ хвастался, что и его сдѣлаютъ студентомъ, надъ чѣмъ всѣ смѣялись. Лучшіе ученики въ высшемъ классѣ, слушавшіе курсъ уже во второй разъ, конечно, надѣялись, что они будутъ произведены; но обо мнѣ и нѣкоторыхъ другихъ никто и не думалъ. Въ тотъ же день сдѣлался извѣстенъ списокъ назначаемыхъ въ студенты, изъ него узнали мы, что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступятъ въ университетъ; между ними находились и мы съ Яковкинымъ. Въ строгомъ смыслѣ, человѣкъ съ десять, разумѣется, въ томъ числѣ и я, не стоили этого назначенія по неимѣнью достаточныхъ знаній и по молодости; не говорю уже о томъ, что никто не зналъ по-латыни, и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣе шумная радость одушевляла всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ намъ не стыдно было назваться настоящими студентами.— Сейчасъ былъ устроенъ латинскій классъ, и большая часть будущихъ студентовъ принялась за латынь.

Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ просвѣщенію, къ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ,

Digitized by Google

тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ. Григорій Иванычъ читалъ на дому для лучшихъ математическихъ студентовъ прикладную математику, его примѣру слѣдовали другіе учителя.

Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія! Я могу безпристрастно говорить о немъ, потому что не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи, которое одушевляло преимущественно казенныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ: своекоштные какъ то мало принимали въ этомъ участія, и мое ученіе шло своей обычной чередой, подъ руководствомъ моего воспитателя. Конечно, университетъ нашъ былъ скороспѣлка, потому что, черезъ полтора мѣсяца, то-есть 14-го февраля 1805 года, его открыли. Преподавателей было всего шестеро: два профессора—Яковкинъ и Цеплинъ, и четыре адъюнкта:—Карташевскій, Запольскій, Левицкій и Эрихъ.

Воспитанникамъ, назначеннымъ въ студенты, не произвели обыкновенныхъ экзаменовъ, ни гимназическихъ, ни университетскихъ, а напротивъ все это время употребили на продолженіе ученья, приготовительнаго для слушанія университетскихъ лекцій; не знаю, почему Григорій Иванычъ, за нѣсколько дней до акта, отправилъ меня на вакацію, и мы съ Евсеичемъ уѣхали въ Старое Аксаково, Симбирской губерніи, гдѣ тогда жило все мое семейство.—Отецъ и мать очень обрадовались

Digitized by Google

моему назначенію въ студенты, даже съ трудомъ ему вѣрили и очень жалѣли, что Григорій Иванычъ не оставилъ меня до акта, на которомъ было предположено провозгласить торжественно имена студентовъ и раздать имъ шпаги.

Въ гимназіи шли большія хлопоты о назначеніи студентамъ особыхъ комнатъ отдѣльно отъ гимназистовъ, помѣщавшихся въ томъ же зданіи гимназіи, объ устройствѣ студентамъ особеннаго стола въ другой небольшой залѣ и объ открытіи новыхъ университетскихъ лекцій. Наконецъ, въ исходѣ августа, все было улажено и лекціи открылись въ слѣдующемъ порядкѣ: Григорій Иванычъ читалъ чистую, высшую математику; Иванъ Ипатычъ (Запольскій)—прикладную математику и опытную физику; Левицкій—логику и философію; Яковкинъ—русскую исторію, географію и статистику; профессоръ Цеплинъ—всеобщую исторію; профессоръ Фуксъ—натуральную исторію; профессоръ Германъ—латинскую литературу и древности; Эрихъ—латинскую и греческую словесность, и пріѣхавшій адъюнктъ Эвестъ—химію и анатомію. Былъ еще какой-то толстый профессоръ, Бюнеманъ, который читалъ намъ право естественное, политическое и народное на французскомъ языкѣ; лекцій Бюнемана я рѣшительно не помню, хотя и слушалъ его. Вотъ въ какомъ смѣшеніи факультетовъ и младенческомъ составѣ открылся нашъ университетъ. Яковкинъ, для соблюденія благочинія, съ позволенія попечителя, назначалъ камерныхъ студентовъ и дѣлалъ другія необходимыя распоряженія. Многіе воспитанники, въ томъ числѣ и я, не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали

Digitized by Google

учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ тоже время университетскія лекціи.

Наступилъ 1807 годъ. Шла рѣшительная война съ Наполеономъ. Впервые учредилась милиція по всей Россіи; молодежь бросилась въ военную службу, и нѣкоторые изъ пансіонеровъ, особенно изъ своекоштныхъ студентовъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ изъ университета для поступленія въ дѣйствующую армію; въ томъ числѣ и мой другъ, Александръ Панаевъ, съ старшимъ братомъ своимъ, нашимъ лирикомъ, Иваномъ Панаевымъ. Краснѣя, признаюсь, что мнѣ тогда и въ голову не приходило „летѣть съ мечемъ на поле брани", но старшіе казенные студенты, всѣ черезъ годъ назначаемые въ учителя, рвались стать въ ряды нашихъ войскъ, и поприще ученой дѣятельности, на которое они охотно себя обрекли, вдругъ имъ опротивѣло; обязанность прослужить шесть лѣтъ по ученой части—вдругъ показалась имъ несноснымъ бременемъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ непродолжительномъ времени, исполнилось ихъ горячее желаніе: казеннымъ студентамъ позволено было вступать въ военную службу. Это произошло уже послѣ моего выхода изъ университета. Многихъ замѣчательныхъ людей лишилась наука, и только нѣкоторые остались вѣрны своему призванію. Не одинъ Перевощиковъ, Симоновъ и Лобачевскій попали въ артиллерійскіе офицеры, и почти всѣ погибли рановременною смертью.

Въ январѣ 1807 года подалъ я просьбу объ увольненіи изъ университета для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Подавъ просьбу, я пересталъ ходить на лекціи, но всякій день бывалъ въ университетѣ и проводилъ все

Digitized by Google

свободное время въ задушевныхъ живыхъ бесѣдахъ съ товарищами. Иногда мы даже разыгрывали сцены изъ „Разбойниковъ“ Шиллера: привязывалъ себя Карлъ Мооръ (Васильевъ) къ колоннѣ, вмѣсто дерева, говорилъ онъ кипучую рѣчь молодаго Шиллера; отвязывалъ Карла отъ дерева Швейцеръ (Балясниковъ), и громко клялись разбойники умереть со своимъ атаманомъ.... Въ мартѣ получилъ я аттестатъ, по истинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета, не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы.

Наканунѣ дня, назначеннаго къ отъѣзду, пришелъ я проститься въ послѣдній разъ съ университетомъ и товарищами. Обнявшись, длинной вереницей исходили мы всѣ комнаты, аудиторіи и залы. Потомъ крѣпко, долго обнимались и цѣловались. Прощаясь навсегда, толпа студентовъ и даже гимназистовъ высыпала проводить меня на крыльцо; медленно сходилъ я съ его ступеней; тяжело, грустно было у меня на душѣ; я обернулся, еще разъ взглянулъ на товарищей, на зданіе университета— и пустился почти бѣгомъ... За мною неслись знакомые голоса: „прощай, Аксаковъ, прощай“.

Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь. Прощайте первые невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! Ни свѣтъ, ни домашняя жизнь со всѣми ихъ дрянностями еще не помрачили вашей ясности! Стѣны гимназіи и университета, товарищи—вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворя-

Digitized by Google

лись стремленія и чувства. Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество. Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ разчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости—и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и непримѣтно для него освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіи цѣлой жизни. И куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и въ тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда. Я убѣжденъ, что у того, кто не воспитывался въ публичномъ учебномъ заведеніи, остается пробѣлъ въ жизни, что ему не достаетъ нѣкоторыхъ, неиспытанныхъ въ юности ощущеній, что жизнь его не полна....

С. Аксаковъ.

Digitized by Google

Университетъ въ 1830-хъ годахъ.

„Заволжскій Муравей“ *).

Съ 1826 года Казанскій университетъ начинаетъ оживать: умственная дѣятельность, временно подавленная въ немъ обскурантизмомъ Магницкаго, снова пробивается наружу: въ средѣ профессоровъ (Фуксъ, Рыбушкинъ, Полиновскій, Эрдманъ и др.) возникаетъ мысль объ изданіи частнаго періодическаго органа. И вотъ, въ январѣ 1832 года, изъ университетской типографіи вышелъ первый номеръ „Заволжскаго Муравья“. Эта была тоненькая, сѣренькая книжечка въ 4 печатныхъ листа, въ восьмую долю. На заглавномъ листѣ ея, вмѣстѣ съ названіемъ журнала, между двумя лавровыми вѣтками, изображенъ былъ и самъ муравей, а ниже значился эпиграфъ:

„За трудъ мой не ищу себѣ похвалъ и славы.
„Люблю трудиться лишь для пользы иль забавы“.

Съ этого времени и сталъ „Муравей“ неутомимо производить свою работу, выпуская ежемѣсячно по два номера.

---

*) Изъ «Казанскаго Литературнаго Сборника» 1878 года.

Digitized by Google

Издатели-редакторы, „Заволжскаго Муравья“, адъюнктъ-профессоры университета Рыбушкинъ и Полиновскій, очень просто объяснили своимъ немногочисленнымъ читателямъ цѣль своего предпріятія: „Поводомъ къ изданію въ здѣшнемъ городѣ періодическаго сочиненія— говорили они,—послужило во-первыхъ, собственное наше желаніе употребить досуги на полезное и непосредственно къ нашему званію относящееся дѣло, во-вторыхъ, поощреніе начальства къ составленію историческихъ записокъ какъ о городѣ Казани, такъ и вообще о Заволжскомъ краѣ. Угождая, съ одной стороны, желанію нашему и нѣкоторыхъ города Казани просвѣщенныхъ особъ, а съ другой—исполняя волю начальства, рѣшились мы, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1831 года, съ наступленіемъ 1832 г., приступить къ изданію журнала, назвавъ его: „Заволжскій Муравей“, съ тѣмъ намѣреніемъ, что въ немъ преимущественно помѣщаемы будутъ статьи, къ Заволжскому краю относящіяся“.

Такимъ образомъ, задача изданія была поставлена очень опредѣленно—писать о родномъ „Заволжьѣ“, подъ именемъ котораго издатели разумѣли всю восточную Россію отъ Волги до Камчатки. Судя по нѣкоторымъ статьямъ, можно предполагать, что слова „родина“, „родной край“ не были для мѣстныхъ писателей непонятнымъ сочетаніемъ звуковъ и принимали въ ихъ воображеніи довольно опредѣленный образъ.

„Что родина, что милый край? „спрашиваетъ одинъ изъ нихъ и отвѣчаетъ:
„Пускай красой онъ не блистаетъ,
Но онъ пріятенъ мнѣ, какъ рай,
Онъ нашу душу восхищаетъ....

Digitized by Google

Все лучше мнѣ въ странѣ родной:
Въ ней солнце ясное свѣтлѣе.
Въ ней краше мѣсяцъ молодой,
Лазурь небесная яснѣе;
Прохладнѣй дуетъ вѣтерокъ,
Шумитъ пріятнѣй ручеекъ;
Снѣговъ громады на вершинахъ
Рифейскихъ исполинскихъ горъ;
Ручьи, бѣгущіе въ долинахъ,
Непроходимый мрачный боръ;
Цвѣты, кусточки на равнинахъ,
Стекло прозрачное озеръ,
Все кажется милѣй, пріятнѣй,
Все восхищаетъ быстрый взоръ,
И зелень рощи ароматнѣй,
И сладкогласнѣй птичекъ хоръ"....

Въ томъ же направленіи, говоря о любви къ отечеству, высказывается и настоятель казанскаго успенскаго монастыря, архимандритъ Гавріилъ.

„Находимся-ли мы,—говоритъ онъ между прочимъ,—въ удаленіи отъ роднаго края? Нашъ духъ отъ странъ чуждыхъ невольно переносится на мѣсто нашей родины—и мы съ удовольствіемъ размышляемъ о родительскомъ кровѣ, въ которомъ въ первый разъ узрѣли свѣтъ солнца, о храмѣ Божіемъ, въ которомъ посвятили себя на служеніе Господу: о цвѣтахъ, поляхъ, лѣсахъ, горахъ и источникахъ, при которыхъ раскрылись наши силы, которые были позорищемъ нашихъ невинныхъ забавъ, свидѣтелями нашего веселія и нашихъ восторговъ".

Но еще сильнѣе и съ нѣкоторою даже страстностью высказался по тому-же самому вопросу сибирякъ

Digitized by Google

Ибрагимовъ, оторванный отъ „тѣхъ лицъ“, подъ которыми прошло его дѣтство.

Не вижу я твоихъ степей;
Мнѣ только вспомнится былое—
И льются слезы изъ очей....
Сибирь, ужели не увижу
Твоихъ я горъ, твоихъ снѣговъ,
Ужель свистъ бури не услышу
Въ ущельяхъ Ленскихъ береговъ?“....

Привязанность къ своему краю, къ своему родному углу у нѣкоторыхъ сотрудниковъ „Муравья“ доходятъ до того, что они сравнивая „тихую жизнь уединенныхъ провинціальныхъ городовъ“ съ „шумною жизнью“ столицъ, отдаютъ первымъ полное предпочтеніе. „Москва величественна, огромна, удивительна“—говоритъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ А. А. Фуксъ.—„Сколько въ ней занимательнаго и важнаго для путешественника, сколько старины, любезной и драгоцѣнной для сердца русскаго. Проживешь въ ней годъ и всякій день найдешь что-нибудь любопытное. Москву называютъ матерью Россіи. Названіе справедливое. Но я никакъ не хотѣла бы жить въ объятіяхъ этой маменьки. Ужасная громада рождаетъ въ душѣ какое то уныніе, а узкія улицы сжимаютъ сердце. Сады, дачи—все искусственное Здѣсь можно совсѣмъ раззнакомиться съ природой“. „Счастливъ имѣющій какихъ-либо давнишнихъ знакомыхъ въ Петербургѣ,—замѣчаетъ П. Аноровъ,—въ кругу ихъ онъ можетъ облегчить свое одиночество; въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ довольствоваться сухимъ знакомствомъ жителей столицы или такихъ-же странниковъ, какъ и онъ самъ. Правда, здѣсь можно найти очень много искреннихъ, даже пре-

Digitized by Google

данныхъ друзей между тѣми, которые усмотрятъ исправность вашего стола и узнаютъ или ощутятъ полновѣсность вашего кармана,"—„Наскучившему тихою жизнью уединенныхъ провинціальныхъ городовъ или деревень,—говоритъ онъ нѣсколько дальше,—или кому хочется со вкусомъ промотаться,—никуда не должно ѣздить, кромѣ столицы".—„Однако, заканчиваетъ онъ, искусственныя удовольствія наскучиваютъ скорѣе, чѣмъ свободная жизнь въ удаленіи отъ столичной суеты. И по этой только причинѣ я нахожу вѣтренную моду необходимой въ большихъ городахъ, ибо она сколько-нибудь подкрашиваетъ собою невыгоды городской жизни противъ природы сельской; она дѣлаетъ здѣсь такую-же пользу людямъ, какую полуда на мѣдной посудѣ".

Что касается взгляда „Муравья" на литературное дѣло вообще, то онъ, по свойственной ему скромности, проводитъ его не прямо, а косвенно. Въ теоретическихъ воззрѣніяхъ „Муравья" довольно ясно можно прослѣдить два основныхъ элемента: симпатичное отношеніе къ краю и стремленіе дѣльно послужить ему путемъ періодической прессы Нельзя не согласиться, что задача „Муравья" была не легка.... Какъ онъ выполнилъ ее—будетъ видно изъ обзора его трехлѣтняго подвижничества.

Матеріаловъ для характеристики общественной жизни Заволжья 30-хъ годовъ „Муравей" даетъ немного, но они довольно любопытны, не смотря на свою отрывочность: передъ вами очень ясно выступаютъ и личности самихъ корреспондентовъ, людей своего времени, а отчасти и прошлая общественная жизнь городовъ Заволжья. Не менѣе живо обрисовывается и все тогдашнее

Digitized by Google

провинціальное общество, съ головы до ногъ, опутанное самыми мелочными интересами. „Муравей“ не оставался безучастнымъ зрителемъ темныхъ сторонъ современной ему жизни, далекой отъ всякихъ умственныхъ проблесковъ. Сатирой и возбужденіемъ жизненныхъ вопросовъ онъ старался воздѣйствовать на своихъ современниковъ и пробудить въ нихъ болѣе человѣческія стремленія. Сатирическія стрѣлы „Муравья“ вылетали изъ „Черемисскаго телеграфа“ и въ свое время, конечно, попадали по назначенію. Сатира „Муравья“ не глубока, но условія того времени были настолько неблагопріятны для обличительнаго направленія, что едва-ли она и могла быть глубже.

Гораздо выше стоитъ „Муравей“ въ области публицистики. Главное вниманіе свое онъ сосредоточиваетъ на гигіэническомъ состояніи Казани. Одинъ изъ его публицистовъ, докторъ Тиле, цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ, доказываетъ поразительную смертность мѣстнаго населенія: затѣмъ, обстоятельно разсмотрѣвъ причины этого явленія, указываетъ мѣры для устраненія неблагопріятныхъ условій и, между прочимъ, создаетъ грандіозный проэктъ проведенія черезъ Казань рѣки Меши, основанный на барометрическихъ измѣреніяхъ профессора Симонова.—Почти къ тому-же выводу, по отношенію снабженія Казани чистой и здоровой водой, приходитъ и другой публицистъ—казанскій старожилъ И. Яковкинъ, а профессоръ университета Аргольдтъ, научно разсмотрѣвъ вопросъ „о вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣческое“ и указавъ на печальное положеніе Казани въ этомъ отношеніи, призываетъ все казанское дворянство и купечество различными спосо-

Digitized by Google

бами содѣйствовать улучшенію гигіэническихъ условій города. „Не устрашайтесь сего важнаго предпріятія“, восклицаетъ онъ въ заключеніе.—Усилія одного человѣка часто побѣждали необоримыя, повидимому, препятствія; чего-же не въ состояніи преодолѣть общія силы“?

Но „общія силы“ Казани, понятно, не шевельнули и пальцемъ. Съ неослабною энергіею продолжали онѣ загаживать городъ, вполнѣ оправдывая слова современнаго (1878 года) мѣстнаго историка, который замѣчаетъ, что русское общество того времени „не представляетъ доказательствъ способности къ иниціативѣ для осуществленія высшихъ цѣлей и идеаловъ; къ сожалѣнію, оно постоянно представляется неподвижнымъ, мало способнымъ не только къ собственной инициативѣ, но и къ дѣятельности, путь къ которой уже показанъ другими“.

Что касается произведеній беллетристическихъ, то ихъ въ „Муравьѣ“ напечатано очень много. Вы встрѣтите въ немъ и оригинальныя и переводныя повѣсти, и лирическія стихотворенія, и эпиграммы и альбомныя посвященія и пр., и пр., и пр. Очевидно, мѣстная почва и 40 лѣтъ тому назадъ (напечатано въ 1878 году) отличалась уже тучностью и въ избыткѣ и даже, можно сказать, въ излишествѣ производила разнообразные продукты поэтической флоры.

Хотя всѣ эти произведенія не болѣе, какъ „плѣнной мысли раздраженье“, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, но это дается имъ ихъ мѣстнымъ колоритомъ, навѣяннымъ явленіями окружающей жизни.

Просматривая эти немногія произведенія, вы увидите, что мѣстные авторы останавливали вниманіе

Digitized by Google

своихъ читателей на картинахъ роднаго Заволжья, на его топографическихъ и этнографическихъ особенностяхъ и выдающихся событіяхъ и лицахъ.

Для наглядной характеристики содержанія и внѣшней формы заволжской музы, я приведу отрывокъ изъ стихотворенія абаканскаго поэта Петрова „Дума на скалахъ Енисея“.

Обращаясь къ р. Енисею, авторъ задается цѣлымъ рядомъ вопросовъ:

Поэтическою думой
Я привѣтствую твои,
Исполинъ страны угрюмой
Горделивыя струи.
На скалахъ твоихъ высоко
Съ незапамятныхъ временъ
Видѣнъ, взрѣзанный глубоко,
Рядъ таинственныхъ письменъ,
Длань вѣковъ ихъ начертала
Въ эту мрачную скрижаль
Въ память тѣхъ, кого умчала
Неразгаданная даль....

Но подобные вопросы рѣшаются не поэтами.— По этой причинѣ и перейдемъ къ научнымъ отдѣламъ „Муравья“: статистикѣ, топо-этнографіи, археологіи и исторіи.

Со свойственной ему наивностью, „Муравей“ вѣрилъ, что „вѣсти простаго наблюдателя, не вооруженнаго статистическими таблицами, не могутъ быть занимательны“ и на этомъ основаніи преподнесъ своимъ читателямъ 11 статистическихъ статей, большая часть

Digitized by Google

которыхъ обрисовываетъ физіономію казанской губ. голыми цифровыми данными. Большей полнотой выдѣляются изъ нихъ только три: „О лѣсоводствѣ по казан. губ“.—извѣстнаго казанск. профессора и прокурора Г. И. Солнцева: „О вѣроисповѣданіи въ казан. губ“.—редактора „Муравья“ Рыбушкина, который останавливается съ особенной подробностью на монастыряхъ и знакомитъ не только съ ихъ экономическимъ положеніемъ, но и съ исторіей возникновенія и преданіями; наконецъ, послѣдняя статья-самая обстоятельная: „О городѣ Троицкѣ“—даетъ подробную характеристику торговаго значенія этого важнаго пункта.

Убѣжденный въ томъ, что „нельзя оставлять безъ вниманія ни одного уголка, привлекающаго къ себѣ любопытство физическимъ мѣстоположеніемъ“, „Муравей“ тщательно собралъ на своихъ страницахъ значительное количество матеріаловъ, обрисовывающихъ мѣстность Заволжскаго края и ея обителей. Есть въ немъ и бѣглыя замѣтки, и путевыя письма и систематическіе очерки, построенные на научныхъ изслѣдованіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ топо-и этнографическихъ работъ считаются неутратившими своего значенія и въ настоящее время. Фигура его топо-этнографа довольно солидна: въ большинствѣ случаевъ онъ внимателенъ и зорко присматривается даже къ очень мелкимъ характернымъ черточкамъ, скроменъ и держится преимущественно за фактъ, рѣдко пускаясь въ область обобщеній, основателенъ и свои наблюденія пополняетъ наблюденіями другихъ изслѣдователей и, наконецъ, весьма популяренъ, но популярность его заключается не въ болтливости, а въ ясномъ и наглядномъ изложеніи.

Digitized by Google

Лучшими представителями этого типа являются въ „Муравьѣ“ Фуксы—Алекс. Андреевна и Карлъ Федоровичъ, которые въ своихъ письмахъ о поѣздкѣ въ Чебоксары обстоятельно обрисовываютъ чувашскую національность, при чемъ первая основывается исключительно на личныхъ наблюденіяхъ, а второй-и на литературѣ предмета, „Муравей“ устами своего редактора провозглашалъ, что „наблюдательный странствователь, умѣющій дорожить и собственной честью и временемъ, и доставленнымъ ему случаемъ, безъ всякаго сомнѣнія не оставитъ безъ вниманія ни одного уголка, ознаменованнаго какимъ либо важнымъ событіемъ; отъ взора его не ускользнетъ ни малѣйшій памятникъ древности“.

Руководясь подобными соображеніями „Муравей“ приводитъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ матеріаловъ, относящихся къ характеристикѣ прошлой жизни Заволжья: разнообразныхъ документовъ, описаній замѣчательныхъ древностей и историческихъ замѣтокъ. Въ области археологіи и исторіи „Муравей“ является скромнымъ собирателемъ сырыхъ матеріаловъ, относящихся къ его краю. Только въ трехъ статьяхъ: „Болгаре или развалины сего народа“, „Поѣздка въ Болгары и Билярскъ“ и „исторія г. Казани“ онъ производитъ попытку выйти изъ этой узкой сферы,—въ двухъ первыхъ проглядываетъ желаніе разъяснить нѣсколько смутныя данныя о болгарской національности, а въ послѣдней—развернуть передъ читателемъ всю прошлую жизнь г. Казани. со времени покоренія ея Іоанномъ Грознымъ. Нельзя не отдать справедливости г. Рыбушкину, автору послѣдней статьи: онъ сообщаетъ не мало интересныхъ матеріаловъ, но этотъ матеріалъ, не пріуроченный къ извѣст-

Digitized by Google

нымъ центрамъ, а расположенный исключительно въ хронологическомъ порядкѣ, страшно перепутывается: отъ взятія Казани вы переноситесь въ церковь Кипріана и Устиньи, Спасопреображенскій монастырь и Благовѣщенскій соборъ, оттуда въ монастыри Зилантовъ и Дѣвичій; изъ послѣдняго прямо попадаете на Сумбекину башню и сейчасъ же послѣ этого присутствуете при обрѣтеніи мощей и моровой язвѣ 1596 и 1654 годовъ; затѣмъ наталкиваетесь на учрежденія Петра 1-го и, минуту спустя, уже присутствуете при провезеніи черезъ Казань одного изъ тѣхъ гвоздей, которыми пригвождено было къ Кресту тѣло Спасителя; потомъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, попадаете на открытіе семинаріи, новокрещенныхъ школъ, батальоннаго училища и гимназіи. Послѣ этого авторъ знакомитъ васъ съ пребываніемъ въ Казани Екатерины II-й, нашествіемъ Пугачева и страданіями архіепископа Веніамина и сейчасъ-же за этимъ перечисляетъ городскія улицы, церкви и зданія. Прогулявшись по улицамъ, вы попадаете на пожары и остаетесь на нихъ съ 1595 до 1757 года. Съ пожаровъ переноситесь къ возобновленію города послѣ Пугачева, на пороховой заводъ, въ гимназію и на памятникъ по убитымъ при покореніи Казани воинамъ. Послѣ этого авторъ ведетъ васъ въ университетъ. Таково содержаніе этого труда: какъ видите, онъ лишенъ научной обработки, но для будущаго историка г. Казани даетъ значительное количество матеріаловъ.

Въ заключеніе этого обзора необходимо прибавить, что Заволжскій Муравей приложилъ къ изданію 11 рисунковъ, служащихъ иллюстраціей къ нѣкоторымъ статьямъ. Рисунки эти, набросанные и гравированные г. Кафтанниковымъ, довольно интересны.

Digitized by Google

Вотъ и все, что можно найти въ „Заволжскомъ Муравьѣ“ по характеристикѣ Заволжья. „Немного“— подумаетъ читатель, исходя изъ требованій настоящаго времени. „Немало“—скажетъ онъ, если мысленно перенесется въ то далекое прошлое, когда жилъ и дѣйствовалъ „Муравей“.

Не велика была горсть людей, стоявшихъ во главѣ предпріятія, мало было подходящихъ литературныхъ силъ и по другимъ городамъ Заволжья,—вообще, условія, окружавшія журналъ были таковы, что редакторы уже въ первый годъ своей дѣятельности плачутся на затруднительность положенія, которое усложнялось еще болѣе отъ недостатка читателей. Складъ общественной жизни былъ таковъ, что книги и журналы не входили въ кругъ ея потребностей даже и въ той скромной мѣрѣ, какъ теперь.

Въ корреспонденціяхъ изъ Красноярска и Екатеринбурга „Муравей“ даетъ намъ такую характеристику современнаго общества, что понять положеніе провинціальнаго органа того времени до крайности легко. Судя по корреспонденціямъ „Муравья“, провинціальный обыватель того времени или мирно почивалъ подъ „канфетнымъ одѣяломъ“ если онъ былъ человѣкомъ „съ низкимъ состояніемъ умственныхъ способностей“, или съ увлеченіемъ развлекался „благородной игрой“ въ бостонъ, если стоялъ на высотѣ „европейской образованности“ и изучилъ основательно весь циклъ „свѣтскихъ вѣжливостей“. О книгѣ тутъ нѣтъ и помина.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ на бѣднаго „Муравья“ съ его скромной муравьиной работой, почти никто и вниманія не обращалъ, какъ въ „тихихъ, уединен-

Digitized by Google

ныхъ провинціальныхъ городахъ“ такъ и въ „шумныхъ столицахъ“.

Только однажды, въ Москвѣ, С. Н. Глинка сказалъ ему ласковое словцо во время одной ученой бесѣды. По вызову гостей, обращаясь къ присутствовавшему при этомъ редактору „Муравья“, онъ прочелъ слѣдующій экспромптъ:

„Заволжскій Муравей
Свое не тратить время,
Не только въ жатву дней
Онъ собираетъ сѣмя,
Но даже въ зимни вьюги
Полезные досуги
Читателямъ даритъ;
Ихъ мысль туда стремитъ,
Гдѣ дланью Ермаковой
Пріобрѣтенъ край новый,
Гдѣ золотое дно
Въ обилье намъ дано.
А „Муравью“ желанье,
Чтобы его собранье,
За Волгой и вездѣ
Влекло чтецовъ къ себѣ“.

Что касается Петербурга, то онъ отнесся къ „Муравью“ совсѣмъ иначе. Фаддей Булгаринъ не упустилъ случая дать пинка литературному новичку. Въ 26 номерѣ „Сѣверной Пчелы“ за 1832 годъ, печатая объявленіе объ изданіи „Заволжскаго Муравья“, онъ безпощадно глумится надъ нимъ, говоря, между прочимъ, что „смѣсь его слишкомъ перемѣшана“; дѣлаетъ существенные

Digitized by Google

пропуски въ объявленіи и, въ заключеніе, слова „годовое изданіе въ цвѣтной оберткѣ“ замѣняетъ комическимъ выраженіемъ: „годовая цѣна ассигнаціями въ цвѣтной оберткѣ“.

Къ подобнымъ выходкамъ „Муравей“ относился съ достоинствомъ. Только разъ, когда А. А. Фуксъ—дѣятельнѣйшая изъ его сотрудниковъ—подвергалась насмѣшкамъ „Сѣверной Пчелы“, онъ съ грустью замѣтилъ: „съ нѣкотораго времени критика и рецензія потеряли свое благородное значеніе: судить о сочиненіи безпристрастно, взвѣшивать его достоинства и недостатки, поощрять къ дальнѣйшему предпріятію развертывающееся дарованіе и съ вѣжливостью исправлять погрѣшности. Въ наше время издатели журналовъ и газетъ, желая блистать своимъ, либо чужимъ, остроуміемъ, или пошлой бранчивостью увеличивать число читателей такого рода, кои, отъ нечего дѣлать, шатаясь изъ дома въ домъ, разглашаютъ новости; многіе, говоримъ, издатели заблагоразсудили подъ именемъ критики и рецензіи помѣщать низкіе пасквили, которые не дѣлаютъ чести не только литературѣ, но даже базарной промышленности“.

Такимъ образомъ, я указалъ на всѣ условія, окружавшія „Заволжскаго Муравья“. Понятно, что онъ не могъ просуществовать долго. Черезъ три года онъ умеръ. И удивительно не то, что онъ прожилъ такъ мало, а то, какъ онъ могъ просуществовать такъ долго... Только позднѣйшее потомство вспомнило забытаго „Муравья“...

Одинъ изъ знатоковъ мѣстной старины, С. М. Шпилевскій, прямо указываетъ на этотъ журналъ, какъ

Digitized by Google

на областный органъ, „въ которомъ преобладали преимущественно статьи, имѣющія мѣстный интересъ“.

Этимъ и заключается простая и несложная исторія „Заволжскаго Муравья“ и его литературной кучки, скрытой отъ глазъ современнаго поколѣнія слоемъ истлѣвшихъ листьевъ. Осторожными руками старался я приподнять этотъ покровъ времени и показать читателю все внутреннее содержаніе забытаго муравьинаго жилища, гдѣ 50 лѣтъ тому назадъ, шла скромная, но дѣятельная работа....

П. Пономаревъ.

1878 года 14 января.

Digitized by Google

О Н. М. Ибрагимовѣ, Обществѣ Любителей Русской Словесности при Казанскомъ Университетѣ, о Г. И. Солнцевѣ.

Ибрагимовъ, о которомъ упоминается въ статьѣ о „Заволжскомъ Муравьѣ", представляетъ собою личность, заслуживающую вниманія. Нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ о немъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ":

„Въ числѣ другихъ предметовъ, вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, въ среднемъ классѣ преподавалась грамматика славянскаго языка, составленная самимъ преподавателемъ Николаемъ Михайловичемъ Ибрагимовымъ, поступившимъ также (какъ и Карташевскій) изъ Московскаго университета. Этотъ человѣкъ имѣлъ большое значеніе въ моемъ литературномъ направленіи, и память его драгоцѣнна для меня. Фамилія его и наружность ясно указывали на его татарское или башкирское происхожденіе; онъ имѣлъ большую голову, маленькіе проницательные и очень пріятные глаза, широкія скулы и огромный ротъ. Горячо любилъ литературу, былъ очень остроуменъ и вообще человѣкъ даровитый".

Ибрагимовъ, однако, не получилъ мѣста во вновь образованномъ университетѣ: ему предпочтенъ былъ Левицкій, который страдалъ алкоголизмомъ и вскорѣ скончался, затѣмъ назначенъ былъ Городчаниновъ—

Digitized by Google

„человѣкъ бездарный и отсталый“ —по словамъ Аксакова. Когда университетъ былъ открытъ, то „многіе воспитанники, въ томъ числѣ и я—говоритъ Аксаковъ—не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ тоже время университетскія лекціи. Я былъ этому очень радъ, потому что мнѣ было бы больно разстаться съ Ибрагимовымъ“. Мы „должны были явиться на гимназическій экзаменъ, назначенный послѣднимъ, заключительнымъ. Товарищи мои обижались этимъ, а я напротивъ былъ очень доволенъ. Гимназическіе экзамены вообще шли полнѣе, стройнѣе и соотвѣтственнѣе своему назначенію. У Ибрагимова же русскій экзаменъ былъ его блестящимъ торжествомъ: мы читали свои сочиненія, говорили о старой и новой литературѣ и критически оцѣнивали лучшихъ нашихъ писателей. Всѣ волею или неволею, осыпали похвалами Ибрагимова, обиженнаго тѣмъ, что его не сдѣлали адъюнктомъ, и поздравляли съ блестящими успѣхами его учениковъ“.

....„Мы составили маленькое литературное общество, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Ибрагимова. Основателями и первыми членами его были: Ибрагимовъ, студенты: В. Перевощиковъ, Д. Перевощиковъ, П. Кондыревъ (онъ же секретарь), И. Панаевъ, я и гимназическій учитель Богдановъ. Мы собирались каждую недѣлю по субботамъ и читали свои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ. Всякій имѣлъ право дѣлать замѣчанія, и статьи нерѣдко тутъ же исправлялись, если сочинитель соглашался въ справедливости замѣчаній; споровъ никогда не было. Принятое сочиненіе или переводъ вписывался въ заведенную для того книгу. Въ послѣдствіи, уже безъ

Digitized by Google

меня, число членовъ умножилось, сочинили уставъ и съ Высочайшаго утвержденія было открыто: „Общество любителей русской словесности при Казанскомъ университетѣ“. Оно и теперь (въ 50-хъ годахъ) не уничтожено, но пребываетъ въ совершенномъ бездѣйствіи, какъ и всѣ литературныя общества. Я до сихъ поръ имѣю честь считаться его почетнымъ членомъ“.

О дѣятельности этого Общества мы находимъ свѣдѣнія въ статьѣ г.г. Пономарева и Лаврскаго „Карлъ Федоровичъ Фуксъ и его время“:—„Университетъ, упавшій съ неба, по выраженію г. Булича, бодро вступилъ въ борьбу съ окружавшимъ его „тупымъ восточнымъ равнодушіемъ“. Я приведу здѣсь одно описаніе обычныхъ въ то время торжествъ, которыми тогдашній университетъ старался, такъ сказать, завлекать общество къ сближенію съ собою, въ полной увѣренности, что какимъ-бы путемъ оно ни было вызвано, въ концѣ концовъ отъ него можетъ быть только обоюдная польза. 8 іюля 1815 года Общество Любителей Отечественной Словесности созвало массу публики въ стѣны университета праздновать первое свое годовое собраніе. „Актъ торжества—говорится въ его описаніи—открылся большою симфоніею и потомъ хоромъ пѣвчихъ: „Ликуйте музы, чисты дѣвы“ и проч. Послѣ того, первый членъ Общества, Илья Яковкинъ говорилъ посѣтителямъ привѣтствіе, изъяснивъ въ ономъ цѣль торжественнаго собранія. Секретарь Общества Петръ Кондыревъ читалъ краткую историческую записку объ Обществѣ въ теченіе полугода и между прочимъ объ избранныхъ вновь семи особахъ въ иногородные члены, равно объ умершихъ и краткое жизнеописаніе И. И. Запольскаго; послѣ-же того объ избираемыхъ въ почетные

Digitized by Google

члены тринадцати мужахъ, покровительствующихъ и распространяющихъ отечественное просвѣщеніе и словесность. Членъ Общ. Николай Ибрагимовъ читалъ на сей случай сочиненные имъ стихи". Затѣмъ послѣдовалъ (пріятный) кантъ, пѣтый значительнымъ собраніемъ пѣвчихъ и пѣвицъ:

О Боже, дней нашихъ число убави,
И нашему царю ты ихъ прибави и проч.

Членъ Общества Іосифъ Срезневскій читалъ: Оду къ музамъ, соч. графа Д. И. Хвостова. Членъ Общ. Николай Ибрагимовъ читалъ своего перевода съ англійскаго языка: Отрывки изъ сочиненій Оссіана. Членъ Общ. Іос. Срезневскій читалъ три оды изъ Гораціевыхъ сочиненій и стихи изъ Теокритовыхъ, переводъ стихами (первыхъ съ латинскаго, а вторыхъ съ греческаго языковъ) иногороднаго члена Ивана Срезневскаго".—Послѣ того былъ хоръ музыки (важной) и пѣвчихъ:

Ликуй Казань, словутый градъ,
Днесь храмъ наукъ къ тебѣ воздвигнутъ и проч.

Членъ Общ. Городчаниновъ читалъ разсужденіе свое: о первоначальныхъ средствахъ къ преуспѣянію Россійской словесности.—Членъ Общ. Н. Ибрагимовъ переводъ стихами изъ „Превращеній" соч. Овидія басни: превращеніе Дафны въ лавръ.—Членъ Общ. Савва Москотильниковъ читалъ отрывки изъ перевода своего поэмы „Освобожденный Іерусалимъ" соч. Тасса.—Далѣе слѣдовалъ хоръ музыки (громкой) и пѣвчихъ:

Дни славы Россъ благословляй:
Монархъ твой громокъ сталъ тобою,
Тебя возвысилъ онъ собою и проч.

Digitized by Google

И 2-е отдѣленіе:

Цвѣтущими наукъ садами
Украсится тобой Казань, и проч.

—„Чл. Общ. Владимиръ Панаевъ читалъ сочиненную имъ въ стихахъ идиллію: Меналкъ и Тирсисъ.—Чл. Общ. Петръ Кондыревъ читалъ третью пѣснь изъ поэмы: „Сотвореніе міра“ сочиненной Райракомъ и вольно переложенной стихами иногороднымъ членомъ Рындовскимъ“ —Секретарь общества провозгласилъ избранныя изъ четырехъ представленныхъ на разрѣшеніе двѣ задачи касательно отечественной словесности.—Первый членъ общества заключилъ сіе торжественное засѣданіе благодарственной къ посѣтителямъ рѣчью.—Въ окончаніи послѣдовалъ огромный хоръ музыки и пѣвчихъ:

Сей день для насъ блаженный и проч.

„Несправедливо было-бы видѣть во всемъ этомъ одну только „забавную“ сторону: здѣсь во всякомъ случаѣ проявлялась извѣстная система, разсчитанная на сближеніе общества съ университетомъ“. Однако, въ 40-хъ годахъ Общество Любителей Словесности при Казанскомъ университетѣ, повидимому, ни чѣмъ уже не проявляетъ свою дѣятельность. Такъ, столѣтіе рожденія Державина (родился близь Казани въ 1743 году) было чествовано не собраніемъ Общества, а въ тѣсномъ кружкѣ лицъ, группировавшихся около проф. Фукса и его жены—въ числѣ этихъ лицъ, упоминается Левъ Николаевичъ Ибрагимовъ, который „прочиталъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: Памяти великаго Державина“. Это—сынъ Николая Михайловича Ибрагимова: онъ былъ то же человѣкъ даровитый—стихотвореніе его, начинающееся

Digitized by Google

словами: „ты, душа ль моя, красна дѣвица“ положено на музыку Бахметевымъ и составило весьма популярный и любимый романсъ въ свое время. Мы останавливаемся на Ибрагимовыхъ-отцѣ и сынѣ, представляющихъ симпатичный примѣръ ассимиляціи татаръ въ русскихъ людей, любящихъ русскую литературу и, посильно, работающихъ для ея развитія. Изъ другихъ основателей Литературнаго Общества при казанскомъ университетѣ наибольшую извѣстность пріобрѣлъ Д. Перевощиковъ— математикъ и астрономъ; В. Панаевъ писалъ идилліи, которыя въ 20—30 годахъ очень нравились читающей публикѣ, ему принадлежатъ также „Воспоминанія“, напечатанныя въ 70-хъ годахъ въ Вѣстникѣ Европы. Личность Солнцева обрисовывается слѣдующимъ образомъ въ воспоминаніяхъ И. И. Михайлова:

„До назначенія въ должность прокурора, Солнцевъ былъ ректоромъ Казанскаго университета и профессоромъ юридическаго факультета, но за либеральныя мнѣнія былъ вытѣсненъ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ. Между юридическими профессорами того времени онъ былъ свѣтиломъ. Въ то время, въ Казанскомъ университетѣ, считавшемся послѣ Московскаго лучшимъ университетомъ въ Россіи, юридическій факультетъ состоялъ, какъ на подборъ, изъ профессоровъ, отличавшихся бездарностью, большею частью нѣмцевъ, наѣхавшихъ въ Казань одинъ за другимъ, изъ своихъ фатерландовъ. Были между ними такіе талантливые люди, что, проживъ десятки лѣтъ въ Россіи, не умѣли слова выговорить по русски. Таковъ былъ, напримѣръ, профессоръ Винтеръ. Камбекъ также блисталъ незнаніемъ русскаго языка.

Солнцевъ, хотя и оставилъ университетъ, но лю-

Digitized by Google

билъ бывать на диспутахъ и вести ученый споръ. Являясь на эти турниры, онъ посреди юридическихъ профессоровъ игралъ первенствующую роль. Великолѣпенъ онъ былъ въ эти минуты.

Помню, разъ я былъ на диспутѣ магистранта Ратовскаго. Онъ защищалъ диссертацію на тему „Нѣтъ преступленія безъ закона". Весь комплектъ профессоровъ университета былъ въ сборѣ. Диспутъ начался тотчасъ-же по прибытіи попечителя университета Мусина-Пушкина. Началъ его бывшій деканомъ факультета Фогель, началъ вяло, придираясь къ словамъ, не предъявляя ни одного серьезнаго возраженія. По временамъ открывали ротъ и другіе профессора Винтеръ и Камбекъ: эти мудрецы щебетали по французски, возраженія ихъ также были ничтожныя. Диспутъ шелъ крайне скучно. Но вотъ въ собраніи появился господинъ, въ мундирѣ министерства юстиціи, съ звѣздой на груди, средняго роста, но могучаго сложенія; въ волосахъ его свѣтилась просѣдь, но на привѣтливо улыбавшемся лицѣ игралъ румянецъ, какъ у юноши. Глаза весело смотрѣли. Все встало, какъ лѣсъ. Попечитель, ректоръ университета поспѣшили къ нему на встрѣчу и привѣтствовали его съ уваженіемъ. Одинъ отставной профессоръ, умышленно взглянувъ на него, въ тоже время насмѣшливо кивнулъ головою сосѣду на юридическихъ профессоровъ, которые, изображая на лицѣ искуственную радость, раскланивались съ посѣтителемъ. Ему предложено было почетное мѣсто, рядомъ съ попечителемъ и ректоромъ университета. Этотъ гость, принятый ученымъ собраніемъ съ такимъ вниманіемъ, былъ прокуроръ Солнцевъ.

Digitized by Google

Когда всѣ усѣлись, диспутъ начался снова. Фогель съ замѣтнымъ смущеніемъ продолжалъ свою рѣчь. Солнцевъ внимательно вслушивался. Вдругъ онъ обратился къ декану.

—Я несогласенъ съ вами, г. профессоръ,—магистрантъ правъ,—сказалъ онъ такимъ голосомъ, какъ будто громъ по тучамъ прокатилъ, и началъ опровергать положенія Фогеля. Тотъ, краснѣя, попытался защищаться. Солнцевъ слушалъ его съ нетерпѣніемъ. Онъ походилъ на льва, готоваго броситься на свою жертву и растерзать. Давъ Фогелю высказаться, Солнцевъ рядомъ ловко подобранныхъ доказательствъ сталъ снова опровергать его. Могучій голосъ его раздавался, какъ труба, рѣчь лилась свободно. Онъ просто прижалъ къ стѣнѣ Фогеля. Всѣ съ улыбкой переглядывались, слушая интересное ратоборства. Но несчастнаго профессора выручилъ попечитель.

—Позвольте вамъ замѣтить,—сказалъ онъ,—что здѣсь споръ идетъ у профессора съ магистрантомъ, а не съ вами.

Солнцевъ замолчалъ. Освобожденный отъ страшнаго борца, профессоръ снова началъ диспутъ съ Ратовскимъ, но продолжалъ уже не долго. Силы его истощились. Этого только и ждалъ Солнцевъ; голосъ его снова загремѣлъ. Онъ повелъ диспутъ уже съ магистрантомъ, поле битвы было очищено ему безпрекословно. Всѣ глаза обратились на Солнцева, всѣ стали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ; ветеранъ науки, старый ловкій спорщикъ предлагалъ магистранту вопросы, подстерегая его въ отвѣтахъ, сбивалъ его, заводилъ въ лабиринтъ противорѣчій и потомъ самъ отечески выво-

Digitized by Google

дилъ его на дорогу. Онъ переворачивалъ избираемый имъ предметъ для спора на всѣ стороны, блистая при этомъ громадною ученостью. Изумительная память его хранила всѣ свои пріобрѣтенія въ цѣлости. Окончивъ возраженія, онъ началъ, по обыкновенію, дѣлать уже комплименты магистранту, хвалилъ его диссертацію,— хотя, прибавилъ онъ съ любезною улыбкою,—нельзя не признать ее противозаконною. Магистрантъ смутился.— Въ ней гораздо больше тезисовъ,—объяснилъ онъ,— чѣмъ это обыкновенно полагается правилами, вотъ въ какомъ отношеніи я считаю ее противозаконною.

Послѣ такихъ похвалъ въ его присутствіи никто изъ бывшихъ тутъ оппонентовъ не посмѣлъ и рта раскрыть. Декану оставалось только поздравить магистранта со степенью магистра.

Digitized by Google

Изъ воспоминаній Н. И. Мамаева *).

Въ первыхъ числахъ августа 1830 года я подалъ ректору Казанскаго университета прошеніе о поступленіи въ университетъ, по нравственно-политическому факультету. Отъ роду тогда мнѣ не было еще 15 лѣтъ. Во время экзаменовъ было получено распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, чтобы молодыхъ людей ранѣе 16-ти лѣтъ въ университетъ не принимать. Но такъ какъ прошеніе мое о поступленіи въ университетъ было принято до полученія этого распоряженія, и я уже сдалъ экзаменъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ, то и рѣшили совѣтомъ университета изъять меня изъ означеннаго распоряженія на томъ основаніи, что „никакой законъ обратной силы не имѣетъ".

Итакъ, экзамены мои кончились, и я поступилъ въ университетъ, чего въ то время легко было достигнуть, такъ какъ вступительные экзамены были болѣе снисходительны, чѣмъ строги.

Администрацію университета составляли: попечитель Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, назначенный въ эту должность изъ гвардейскихъ полковниковъ, по представленію генерала Желтухина, ревизовавшаго уни-

*) Историческій Вѣстникъ 1901 года. Апрѣль.

Digitized by Google

верситетъ въ 1826 году и низвергнувшаго извѣстнаго Михаила Леонтьевича Магницкаго (Пушкинъ впослѣдствіи былъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа); ректоръ университета Николай Ивановичъ Лобачевскій; инспекторъ студентовъ Иванъ Михайловичъ Симоновъ; оба профессора математическихъ наукъ. Послѣдній извѣстенъ тѣмъ, что дѣлалъ кругосвѣтное путешествіе съ капитаномъ Ф. П. Литке, въ качествѣ астронома. Помощники инспектора, или, какъ ихъ называли впослѣдствіи, субъинспекторы—Иванъ Ивановичъ Протопоповъ, Иванъ Михайловичъ Поповъ, Алексѣй Тимофеевичъ Покровскій. Каждый изъ нихъ, по очереди, дежурилъ и обязанъ былъ ночевать непремѣнно въ университетѣ.

Общее преподаваніе наукъ дѣлилось на факультеты: 1) нравственно-политическій (т. е., юридическій; но я удерживаю названіе того времени), 2) словесный, 3) математическій и 4) медицинскій.

Словесный факультетъ подраздѣлялся на а) словесный простой, съ греческимъ языкомъ, и б) восточный, въ которомъ на мѣсто греческаго языка преподавались татарскій, арабскій и персидскій.

Курсъ ученія въ каждомъ факультетѣ продолжался три года, кромѣ медицинскаго, въ которомъ онъ былъ четырехгодичный.

Годичный періодъ прохожденія наукъ назывался отдѣленіями, а по немъ и студенты именовались 1-го, 2-го или 3-го, а у медиковъ и 4-го отдѣленія, что нынѣ замѣнено словомъ курсъ.

Каждый факультетъ имѣлъ своихъ декана и адъюнкта. Деканомъ нравственно-политическаго факультета

Digitized by Google

былъ профессоръ Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, адъюнктомъ Андрей Филимоновичъ Хламовъ.

Студенты дѣлились на казенныхъ, жившихъ въ университетѣ и получавшихъ все содержаніе отъ казны, за что обязаны были, по окончаніи курса наукъ, прослужить правительству шесть лѣтъ; пансіонеровъ, тоже помѣщавшихся въ зданіи университета и на казенномъ содержаніи, но за опредѣленную плату и своекоштныхъ, жившихъ у родственниковъ или на квартирахъ. За посѣщеніе лекцій они ничего не платили и вмѣстѣ съ пансіонерами не несли никакихъ обязательствъ, въ отношеніи службы правительству. Были еще вольные слушатели, но въ весьма ограниченномъ числѣ. За слушаніе лекцій они, кажется, платили какую-то сумму университету, но не пользовались никакими привилегіями и носили партикулярную одежду.

Во всѣхъ факультетахъ, въ 1830 году, студентовъ было не болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ 1 вольный слушатель.

Нравственность студентовъ вообще была весьма удовлетворительна. Не было крупныхъ, выдающихся проступковъ; не было и никакихъ столкновеній съ полиціей города. А если что и случалось, то въ стѣнахъ университета, слѣдовательно, келейно, въ своей семьѣ.

Форма студентовъ, при моемъ вступленіи въ университетъ, состояла изъ однобортнаго мундира, общаго покроя, двубортнаго сюртука, обоихъ съ бѣлыми гладкими пуговицами, и нижняго платья все изъ сукна темно-синяго цвѣта. При мундирѣ носили трехугольную шляпу и шпагу безъ темляка, висѣвшую на отлетѣ, на двухъ пасмахъ кожаной портупеи. У щеголей портупея была изъ черной шелковой ленты муарэ. Въ слѣдующемъ 1831

Digitized by Google

году цвѣтъ сукна измѣненъ. Воротникъ остался тотъ же синій, но сукно, на всемъ прочемъ, положено имѣть темно-зеленое. Все это вмѣстѣ составляло тогда цѣль стремленій, предметъ желаній учащейся молодежи. Такую форму я носилъ до моего выхода изъ университета.

Университетъ помѣщался въ томъ же зданіи, гдѣ и нынѣ. Постройка его составляетъ торжество искусства архитектора Пятницкаго Первоначально было пріобрѣтено два дома, рядомъ стоящіе, но раздѣленные между собою пространствомъ. Въ это-то пространство Пятницкій ввелъ новое зданіе и придалъ всему одно цѣлое, украсивъ фасадомъ, и понынѣ существующимъ и дѣлающимъ университетъ однимъ изъ красивѣйшихъ зданій города. Надъ срединою зданія воздвигнутъ высокій вызолоченный крестъ, указывающій помѣщеніе подъ нимъ церкви. Церковь помѣщалась (гдѣ и понынѣ) посрединѣ зданія, во второмъ этажѣ, надъ парадными сѣнями. Оригинальнымъ устройствомъ своимъ церковь совершенно соотвѣтствовала тогдашнему религіозному пониманію, которое такъ усиливался Магницкій внести въ среду учащейся молодежи. Свѣтъ, проникая въ церковь черезъ три окна, устроенныя въ алтарѣ и закрытыя иконостасомъ, дѣлалъ бы ее темной, если бы не большое, круглое, сквозное отверстіе въ сводѣ потолка. Въ отверстіе это вставлено стекло, желтаго цвѣта, значительной толщины, съ изображеніемъ всевидящаго ока. И въ сумрачный день отверстіе даетъ достаточно свѣта; но въ день ясный солнечные лучи, врываясь черезъ стекло, проливаютъ въ церковь слабый, нѣжный, золотистый свѣтъ, исходящій, кажется, отъ иконостаса, устроеннаго крестообразно. Такое освѣщеніе, напоминающее собой священный полумракъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства,

Digitized by Google

дѣйствительно представляетъ нѣчто таинственное сильно дѣйствующее на воспріимчивую душу.

Университетъ обладалъ кабинетами: естественнымъ, физическимъ, нумизматическимъ, анатомическимъ, препаратами въ натурѣ и изящныхъ рисункахъ, дѣланныхъ въ Парижѣ

Въ праздничные дни, по окончаніи Божественной литургіи, открывались для любопытства публики кабинеты: естественный и физическій. Въ послѣднемъ иногда производились опыты въ присутствіи постороннихъ зрителей. Въ естественномъ кабинетѣ были чучела разныхъ птицъ, въ банкахъ сохранялись разныя пресмыкающіяся и уродливыя произведенія природы. Но особенное любопытство возбуждали: прекрасно сохранившаяся татуированная голова какого-то индѣйскаго вождя и костюмы разныхъ дикихъ народовъ. Все это вывезъ съ собою профессоръ Симоновъ изъ кругосвѣтнаго путешествія и принесъ въ даръ университету.

Студенты входили въ университетъ черезъ парадное крыльцо и сѣнями, по лѣсницѣ направо, подымались во второй этажъ, проходили залъ, гдѣ нынѣ помѣщается минцъ-кабинетъ, и черезъ дежурную комнату субъинспектора вступали въ довольно темный коридоръ, изъ котораго двери направо и налѣво вели въ аудиторіи.

Въ аудиторіяхъ, посреди продольной стѣны помѣщалась кафедра, сдѣланная изъ цѣльнаго краснаго дерева и состоящая изъ нижней возвышенной отъ пола площадки, на которую входили по приставленной ступенькѣ и стѣнокъ: задней, къ которой ставился стулъ для преподавателя, и передней, выгнутой наружу, надъ которой устроена полка, для помѣщенія книгъ или тетрадей. На этой-то передней, выпуклой къ зрителю стѣнкѣ кафедры

Digitized by Google

было написано славянскими буквами изреченіе: „Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху“. Буквы были позолочены и написаны съ чернымъ оттѣнкомъ, отъ чего издали казались какъ бы выпуклыми. Буквы эти, которыя я постоянно имѣлъ передъ глазами, въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ огненныя буквы Бальтазара, такъ врѣзались въ мою память, что и черезъ 40 лѣтъ я вижу ихъ, какъ бы передъ собой.

Лекціи продолжались одинъ часъ, окончаніе каждой возвѣщалось звономъ колокольчика. Обязанность эта лежала на служителѣ изъ татаръ, Валидѣ Назировѣ, котораго мы обыкновенно называли Валидка-Сатурнъ, намекая тѣмъ на его спеціальность —означать время занятій. Валидка честно и добросовѣстно исполнялъ свою обязанность.

Несмотря ни на горячія наши мольбы, ни на подкупы, онъ никогда не соглашался „дать звонокъ“ ранѣе указаннаго времени, а ему это легко было сдѣлать, потому что никто изъ начальства не слѣдилъ за этимъ. Такъ онъ усердно радѣлъ о нашемъ образованіи и не желалъ, чтобы мы и минуту потеряли на исчерпаніе премудрости.. ..

Лекціи происходили по утрамъ, начинаясь въ 8 часовъ и оканчиваясь въ 2-мъ часу. Послѣ обѣда, и то только въ 1-мъ отдѣленіи, происходила лекція церковно-библейской исторіи, что, кажется, устроено было болѣе для удобства преподавателя,—да занимались обученіемъ искусствамъ: живописи, музыкѣ, танцамъ, церковному пѣнію. Обученіе искусствамъ не было обязательно для всѣхъ студентовъ, а только для желающихъ.

Digitized by Google

Въ нѣкоторые дни недѣли лекціи занимали всѣ пять утреннихъ часовъ, въ другіе—четыре и три часа, никогда менѣе.

Очень немногіе профессора преподавали по печатнымъ руководствамъ; болѣе—или давали записки своихъ лекцій, которыя мы и списывали, возвращая оригиналы; или же просто „говорили". Въ послѣднемъ случаѣ мы записывали со словъ, потомъ—каждый изъ насъ по заведенной очереди, отбиралъ отъ другихъ записанныя такимъ образомъ лекціи, изъ всего составлялъ одну общую и носилъ профессору для просмотра. Въ то время еще не было извѣстно искусство стенографіи, и мы, торопясь записывать лекціи со словъ профессора, тѣмъ очень много портили нашъ почеркъ. По полученіи отъ профессора составленной нами лекціи въ исправленномъ видѣ мы списывали ее въ тетрадки и ими уже руководствовались. Изъ этого можно понять, какъ мы были обременены перепиской. Студенты, имѣвшіе достатокъ, нанимали кантонистовъ для переписки лекцій.

Курсъ ученія начинался съ половины августа, и лекціи продолжались до конца мая. Конецъ мая и первая половина іюня заняты были экзаменами, потомъ наступали каникулы, до половины августа. Кромѣ того, было еще зимнее вакатное время съ 21-го декабря по 9-е января.

Профессора „спрашивали" насъ, какъ это заведено и теперь только въ гимназіяхъ. Обыкновенно, профессоръ, прочитавъ 5—6 лекцій, уходя изъ аудиторіи, говорилъ стереотинную фразу: „Господа, въ слѣдующій разъ мы займемся повтореніемъ пройденнаго". Это означало, что на слѣдующей первой лекціи насъ будутъ „спрашивать" и мы готовились къ отвѣтамъ. Спасибо и за то, что

Digitized by Google

предупреждали. Отмѣтка, или балъ, какъ въ успѣхахъ въ наукахъ, такъ и въ поведеніи былъ слѣдующій: 1 означало - дурно, 2—посредственно, 3—хорошо, 4—очень хорошо, 4+—отлично.

Студентовъ переводили изъ одного отдѣленія въ другое не иначе, какъ по экзамену, который хотя и назывался „публичнымъ", но во все время моего пребыванія въ университетѣ я ни разу не видѣлъ, чтобы его посѣщали постороннія лица; только на экзаменѣ изъ церковно-библейской исторіи и богословія присутствовалъ мѣстный архіерей да ради его нѣсколько духовныхъ лицъ. Обыкновенно же экзамены производились какъ бы келейно. Было то же „спрашиваніе" что и на лекціяхъ, только при другой обстановкѣ, а именно: въ актовомъ залѣ, въ присутствіи попечителя и профессоровъ. Попечитель вызывалъ по списку, предлагалъ имъ вопросы, по заранѣе составленному конспекту, выслушивалъ отвѣты и ставилъ имъ балы.

На публичныхъ актахъ произносились рѣчи, читался отчетъ о состояніи университета за истекшій академическій годъ; провозглашались фамиліи студентовъ, окончившихъ курсъ, съ поименованіемъ, какой ученой степени они удостоены, и студентовъ, переводимыхъ изъ одного отдѣленія въ другое; въ заключеніе вызывали при трубныхъ звукахъ отличившихся въ успѣхахъ и поведеніи и награждаемыхъ медалями. Эти акты происходили въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца, послѣ чего распускали насъ на каникулы. Обрядность университета носила на себѣ еще отпечатокъ постановленій и порядка, заведенныхъ бывшимъ попечителемъ „знаменитымъ" Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ. Многое послѣ него измѣнилось, но многое и сохранилось.

Digitized by Google

Воспитаніе въ духѣ вѣры и благочестія отражалось на всемъ, что входило въ частную жизнь студентовъ, помимо ихъ образованія. Студенты обязаны были непремѣнно посѣщать университетскую церковь во время богослуженій: вечернихъ и утреннихъ. Горе тѣмъ, которые не могли представить уважительныхъ причинъ своего отсутствія. Не быть у всенощной, наканунѣ праздника, или у обѣдни, не говорю уже о ежегодномъ говѣньѣ, исповѣди и св. причащеніи—почиталось чуть не криминальнымъ преступленіемъ. Субъинспекторы зорко слѣдили за посѣщеніемъ студентами церкви, и отсутствующіе тотчасъ были замѣчаемы и заносились въ списки неблагонадежныхъ. Опаздывавшіе къ службѣ каждый разъ подвергались замѣчаніямъ и выговорамъ. Если опаздываніе часто повторялось, то виновные несли отвѣтственность наравнѣ съ отсутствующими. Передъ началомъ каждой обѣдни всѣ студенты обязаны были собираться въ аудиторію, гдѣ одинъ изъ среды ихъ читалъ апостола и евангеліе того дня, а священникъ объяснялъ ихъ смыслъ и значеніе. Потомъ шли въ церковь. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ студентовъ—любителей. Двое обыкновенно прислуживали въ алтарѣ, подавали священнику кадило, теплоту и т. п., выходили съ большими свѣчами, при чтеніи дьякономъ евангелія и выносѣ св. даровъ.

Даже въ устройствѣ карцера, или, какъ его называли, „комнаты уединенія“ проявлялась мистическая идея Божественнаго Промысла. Въ немъ помѣщалась огромная картина, изображавшая „Страшный судъ“. Грѣшники въ страшныхъ корчахъ жарились на медленномъ огнѣ, подвѣшенные крючьями, и все въ родѣ этого,

Digitized by Google

при надлежащемъ числѣ чертей. Таинственный смыслъ картины заключался, видите, въ томъ, чтобы провинившійся, имѣя ее передъ глазами, страшился наказанія другаго, не временнаго только, но вѣчнаго, и, казнясь за учиненный поступокъ, зналъ бы, что ожидаетъ его въ будущей жизни, если онъ не исправится здѣсь.... Такимъ эффектно-театральнымъ зрѣлищемъ разсчитывали вліять на молодое, пылкое воображеніе....

Въ составъ нравственно-политическаго факультета входилъ почти весь словесный, за исключеніемъ языковъ: греческаго и восточныхъ, такъ что юристы изучали, собственно, предметы двухъ факультетовъ. Такимъ образомъ, въ нравственно-политическомъ факультетѣ преподавались науки: а) собственно юридическія: 1) политическая экономія, 2) дипломатика, 3) гражданское право, 4) гражданское судопроизводство, 5) общее государственное право, 6) камеральное право, 7) обозрѣніе правъ (энциклопедія), 8) дѣловодство, 9) государственное устройство, 10) римское право, 11) права присоединенныхъ къ Россіи провинцій (Остзейскія губерніи), 12) уголовное право; б) словеснаго факультета: 13) церковно-библейская исторія, 14) богословіе, 15) всеобщая географія, 16) россійская географія, 17) древняя географія, 18) всеобщая исторія, 19) россійская исторія, 20) всеобщая статистика, 21) россійская статистика, 22) логика, 23) психологія, 24) метафизика, 25) нравственная философія, 26) исторія философскихъ системъ, 27) россійская словесность, 28) исторія россійской словесности; языки: 29) славянскій, 30) латинскій, 31) французскій, 32) нѣмецкій. (Уфъ! позвольте перевести духъ). Названіе предметовъ, мною изученныхъ, списы-

Digitized by Google

ваю съ аттестата или свидѣтельства, выданнаго мнѣ правленіемъ университета. Безъ помощи аттестата я бы не съумѣлъ перечислить всѣхъ предметовъ: нѣкоторые совершенно вышли у меня изъ памяти, даже-до своего названія. Изъ этого перечня предметовъ видно, что въ мое время въ университетское образованіе входило много наукъ. которыя нынѣ изучаются въ гимназіяхъ.

Конечно, вся эта масса предметовъ преподавалась не вся вдругъ, а распредѣлялась по курсамъ; но память отказывается мнѣ служить при опредѣленіи, въ которомъ именно изъ курсовъ какой читался предметъ. Впрочемъ, въ этомъ не представляется никакой надобности, довольно и того, что я перечислилъ ихъ.

Итакъ, положа руку на сердце, каюсь, что, кончивъ курсъ наукъ и съ успѣхомъ, за что награжденъ серебряною медалью, я не вынесъ изъ стѣнъ университета никакихъ знаній и обязанъ ему только за тѣ права. которыя онъ предоставилъ мнѣ. Если я теперь что-нибудь и знаю, то знаніе это пріобрѣлъ впослѣдствіи самъ собой, вполнѣ сознавая всю свою недальность въ наукахъ. Въ защиту университета можно было бы сказать, что это то пониманіе своей отсталости и желаніе пополнить оную развито университетскимъ образованіемъ; но, зная способъ преподаванія и бездарность нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессоровъ, приходишь къ тому заключенію, что они скорѣе способны были убить въ зародышѣ всякую любознательность, чѣмъ развить ее.

Н. Мамаевъ.

Digitized by Google

Университетъ въ 1840-хъ годахъ.

Изъ воспоминаній И. И. Михайлова *).

Говоря объ университетѣ, я молодѣю, начинаю жить тою же жизнью, когда, полный силы и радужныхъ надеждъ, я вступалъ въ этотъ храмъ науки съ свѣтлой вѣрой во все великое и прекрасное. Для меня не было еще разочарованія въ жизни. Университетъ мнѣ казался очарованнымъ островомъ среди моря, на который вступаютъ люди, забывая о прежней жизни. Они какъ будто отдѣлены океаномъ и вѣками отъ прежняго окружающаго ихъ міра. Въ стѣнахъ университета совершалось крещеніе духомъ. Здѣсь проникался человѣкъ новыми міровыми идеями, становился гражданиномъ вселенной.

Казань три вѣка ужъ покорена, но только съ основанія университета началось духовное развитіе края. Темное царство безправія окружало тѣснымъ кольцомъ университетъ и медленно шагъ за шагомъ уступало захваченныя имъ владѣнія. Въ семьѣ не узнавали студента, вышедшаго изъ университета. Онъ казался пришлецомъ изъ другаго міра, такъ его понятія противорѣчили понятіямъ, укоренившимся въ семьѣ. И не рѣдко изъ бѣдной мѣщанской или чиновничьей семьи,

*) «Русская старина» 1899 г. октябрь и ноябрь.

Digitized by Google

проникнутой затхлыми идеями, выходили государственные люди или ученые съ свѣтлымъ взглядомъ.

Конечно, были исключенія; изъ числа студентовъ и въ началѣ основанія университета, и въ послѣдующее время, были недостойные своего призванія, которые остались по прежнему дикарями, какъ будто пребываніе въ университетѣ не имѣло на нихъ никакого вліянія. Но виновато въ этомъ воспитаніе и дурные примѣры въ семействѣ и въ окружающей средѣ. Впечатлѣнія дѣтства отзывались плетворнымъ образомъ на молодыхъ людяхъ. Даже нѣкоторые изъ числа доморощенныхъ профессоровъ были небезукоризненны въ нравственномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что плохо знали свой предметъ.

Но какъ ни несовершенны были иные преподаватели въ научномъ отношеніи, какъ ни неподготовленны были студенты къ университетскому курсу, университетъ въ цѣломъ исполнялъ свое назначеніе. Величайшій изъ всѣхъ казанскихъ студентовъ былъ знаменитый математикъ Лобачевскій, поставленный современниками на ряду съ міровыми геніями всѣхъ вѣковъ.

Лобачевскій отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Онъ явился авторомъ цѣлаго ряда монографій въ области математики, но краеугольнымъ камнемъ его славы послужила его воображаемая геометрія.

При жизни онъ не былъ понятъ. Его участь напоминаетъ участь Галилея. Тотъ и другой одинаково претерпѣли незаслуженныя нравственныя страданія, но Галилей былъ все таки счастливѣе. Его открытія ученый міръ сразу оцѣнилъ. Съ Лобачевскимъ было иное. Не невѣжды, но первоклассные отечественные математики не признавали

Digitized by Google

его заслугъ и осыпали его насмѣшками. Такой выдающійся математикъ, какъ Остроградскій, не понималъ Лобачевскаго.

Но студенты чутьемъ узнавали въ немъ великаго ученаго и, сравнивая съ Остроградскимъ, говорили: „Остроградскій поэтъ,—Лобачевскій—философъ". Въ 1837 году Парижская Академія Наукъ достойно оцѣнила его труды. Нѣмецкій математикъ Гаусъ 28-го ноября 1846 года писалъ къ Шумахеру по поводу изслѣдованія Лобачевскаго: „Вы знаете, что я уже 54 года раздѣляю тѣже убѣжденія не говоря о тѣхъ развитіяхъ, которыя съ тѣхъ поръ получили мои идеи объ этомъ предметѣ".

Мнѣ привелось быть на математическомъ диспутѣ, гдѣ магистрантомъ былъ Мельниковъ—преподаватель тригонометріи и дифференціальнаго исчисленія, а оппонентами были профессора Лобачевскій и Котельниковъ, Лобачевскій обратился къ магистранту съ слѣдующими словами:

—Вы взялись за задачу, трудно разрѣшимую, за которую брались многіе серьезные умы. Можете ли вы отвѣчать на тѣ вопросы, которые я вамъ предложу?

Мельниковъ отвѣчалъ:

—Я готовился усердно, но въ какой мѣрѣ я успѣлъ —предоставляю судить моимъ оппонентамъ.

Лобачевскій предложилъ нѣсколько вопросовъ, и Мельниковъ далъ удовлетворительные отвѣты.

—Вы превзошли мои ожиданія,—замѣтилъ Лобачевскій.—Вы неутомимо и постоянно усовершенствовали ваши познанія, и мнѣ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приходится выразить это при всей публикѣ.

Затѣмъ выступилъ Котельниковъ. Этотъ отличавшійся талантомъ молодой еще человѣкъ, остроумный,

Digitized by Google

пропитанный гегелевской философіей, предложилъ нѣсколько вопросовъ и, по полученіи отвѣтовъ, обличавшихъ знаніе дѣла, началъ говорить ему комплименты.

—Послѣ отзыва о васъ стяжавшаго себѣ извѣстность математика, на котораго смотритъ весь ученый міръ, я затрудняюсь сказать что либо новое. Но долгъ мой обязываетъ меня сказать, что какъ диссертація, такъ и защита ея не оставляетъ желать лучшаго, а мнѣ остается поблагодаритъ васъ за то удовольствіе, которое вы мнѣ доставили нашимъ споромъ.

Это былъ единственный комплиментъ, который я слышалъ, выраженный Лобачевскому публично.

Диспутъ былъ въ 1840 или 1841 году; поэтому профессоръ Котельниковъ основался на отзывѣ парижскихъ ученыхъ.

Лобачевскій никогда не ограничивался своей спеціальностью, какъ дѣлаютъ многіе ограниченные ученые. Онъ выступилъ даже и архитекторомъ, участвуя въ построеніи обсерваторіи, анатомическаго театра и двухъ смежныхъ зданій. Зданія эти по своей граціозности и прочности не оставляютъ желать ничего лучшаго. Лобачевскій былъ душею этого сооруженія.

Въ зиму 1839 и 1840 года онъ читалъ публичныя лекціи физики. Лобачевскій поднималъ на своихъ лекціяхъ множество вопросовъ самаго разнообразнаго характера. Отъ этого лекціи его получили чрезвычайный интересъ. Когда онъ излагалъ законы физики, то объяснялъ ихъ до такой степени послѣдовательно и понятно, что для всякаго казались эти объясненія вразумительными. Онъ пытался объяснить законами физики каждое

Digitized by Google

явленіе, которое, казалось, выходило изъ ряда обыкновенныхъ.

Съ перваго взгляда Н. И. Лобачевскій казался необыкновенно мрачнымъ. Его наружность напоминала ученаго, постоянно углубленнаго въ свой предметъ. Всѣ студенты относились къ нему съ особымъ уваженіемъ. Чувствовалось присутствіе высшей силы. Что-то властное, безапелляціонное слышалось въ этой логической рѣчи, въ этомъ невозмутимомъ спокойствіи, съ которымъ онъ относился къ студентамъ. Я увѣренъ, что если бы случилось въ его пору волненіе между студентами, то довольно одного, имъ сказаннаго, твердаго слова, чтобы остановить разгорѣвшіеся страстію молодые умы. Никогда я не слыхалъ ропота отъ студентовъ, чтобъ Лобачевскій поступилъ несправедливо. Всякаго, обращающагося къ нему съ какою-нибудь просьбою, онъ выслушивалъ со вниманіемъ—отвѣчалъ, приводилъ основанія, если приходилось отказывать, подавалъ иному дружескій совѣтъ; другого журилъ, если тотъ былъ виновенъ въ чемъ нибудь предосудительномъ—но безъ гнѣва, не выходя изъ себя.

Въ годъ окончанія курса въ 1844 году, одновременно со мною держалъ экзаменъ изъ математики итальянецъ Больцани, впослѣдствіи извѣстный казанскій профессоръ физики. Этотъ Больцани прежде былъ прикащикомъ у Даціаро—извѣстнаго петербургскаго продавца картинъ и эстамповъ, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Онъ чувствовалъ призваніе къ математикѣ. По какому-то случаю онъ оставилъ мѣсто прикащика въ Петербургѣ и переѣхалъ въ Казань. Поповъ, бывшій профессоръ математики, сказалъ о немъ Лобачевскому; тотъ самъ поинтересовался такой любознатель-

Digitized by Google

ностью въ любимой имъ наукѣ, удостовѣрился въ его прекрасныхъ способностяхъ и чрезъ нѣсколько времени Больцани держалъ экзаменъ на степень кандидата. Всякій разъ, какъ Больцани подходилъ къ Лобачевскому, который самъ экзаменовалъ его изъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ его спеціальности, экзаменаторъ— живо помню это—глядѣлъ на него съ нескрываемымъ чувствомъ умиленія.

Казалось бы, противъ Лобачевскаго немыслима была никакая интрига. Постоянно занятый наукой, или службой, благородный, неподкупный, чуждый всякаго низменнаго чувства, однимъ словомъ, гордость университета во всѣхъ отношеніяхъ—кто могъ ему завидовать, кто могъ замѣнить его, превзойдти его способностями и безукоризненнымъ исполненіемъ долга. Но именно зависть и свила себѣ гнѣздо подъ кровлей университета....

Впродолженіе 90-ти лѣтняго существованія, медицинскій факультетъ въ Казани выпустилъ немалое число врачей, которые проявили свою дѣятельность и въ мирное, и въ военное время отъ Камчатки до Парижа и отъ Хивы до Константинополя. Изъ нихъ были и профессора какъ въ казанскомъ, такъ и въ другихъ университетахъ; наиболѣе знаменитымъ врачемъ считается студентъ Казанскаго университета Караваевъ, бывшій профессоръ Кіевскаго университета.

Профессоръ Дубовицкій составлялъ свѣтлое явленіе въ средѣ Казанскаго университета. Его знанія, его выдающіяся дарованія, новость его воззрѣній на науку возбудили противъ него нѣмецкую партію, составлявшую большинство профессоровъ. Онъ затмѣвалъ ихъ. Какъ человѣкъ иниціативы, онъ пытался ввести нѣкоторыя преобразованія; будучи съ большимъ состояніемъ, онъ

Digitized by Google

дѣлалъ пожертвованія. Дубовицкій, вмѣсто сочувствія встрѣтивъ зависть и недоброжелательство и осужденіе своихъ начинаній, перешелъ на должность профессора въ Петербургскую медицинскую академію и впослѣдствіи назначенъ былъ президентомъ этой академіи. Въ ней царствовалъ застой, онъ двинулъ ее по пути прогресса,

Медицинскій факультетъ—самый многочисленный по числу слушателей, въ особенности въ этомъ университетѣ, въ которомъ принято было поступающихъ на этотъ факультетъ принимать на казенный счетъ, и бѣдные люди, которымъ безъ этой мѣры судьба угрожала лишеніемъ образованія и стать заурядными чиновниками, превращались въ докторовъ, профессоровъ, съ честью исполняющихъ свою обязанность.

Профессоръ исторіи Ивановъ былъ человѣкъ даровитый, довершившій свое образованіе послѣ Казанскаго въ Дерптскомъ университетѣ. Еще до поступленія своего на кафедру исторіи въ Казань, о немъ гремѣла уже молва, какъ объ отличномъ знатокѣ своего предмета. Ивановъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова. Звучный голосъ его, мастерская декламація, заимствованная имъ отъ лучшихъ профессоровъ, живое изложеніе, придавали его лекціямъ особенный блескъ. Онъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ скучными педантами, читавшими до него исторію безъ всякаго сочувствія къ своему предмету. Живое слово новаго профессора привлекло въ его аудиторію не только студентовъ изъ другихъ факультетовъ, но и постороннихъ лицъ изъ мѣстнаго общества, которыя дотолѣ никогда не заглядывали въ университетъ. Въ этомъ отношеніи профессоръ Ивановъ выдавался передъ прочими его собратьями. Не ограничиваясь однимъ

Digitized by Google

лишь своимъ предметомъ, онъ старался всѣми силами развивать студентовъ, обогащать ихъ познанія. Онъ будилъ ихъ любознательность, освѣщалъ науку съ разныхъ сторонъ, знакомилъ студентовъ съ разными свѣтилами науки, съ современнымъ движеніемъ идей. Это былъ истинный сѣятель знанія.

Онъ былъ русскій человѣкъ до мозга костей. Честный мыслитель, онъ старался объ освобожденіи умовъ отъ иностранныхъ вліяній и стремился поставить русскій умъ на твердую почву. „Отечество есть наша плоть и кровь, идея, которую судьба призвана была выразить въ исторіи“—говорилъ Ивановъ.

Профессоръ Фойгтъ, также питомецъ Казанскаго университета, впослѣдствіи попечитель Харьковскаго университета, былъ человѣкъ очень ученый и замѣчательный лингвистъ. Онъ читалъ исторію литературы, но надобно сказать, что лекціи его по этому предмету написанныя имъ со времени принятія имъ этой кафедры, не смотря на свою полноту, были слишкомъ сухи. У него было слишкомъ много другихъ должностей, такъ что онъ не имѣлъ времени ихъ улучшать, но Фойгтъ былъ увлекателенъ на педагогическихъ лекціяхъ: въ рѣчи его не было ничего искусственнаго, его слово было просто и задушевно. Онъ проповѣдывалъ признаніе всего великаго и святаго въ жизни, онъ проповѣдывалъ тѣ великія идеи, осуществленіе которыхъ составило славу царствованія благодѣтеля русскаго народа Александра II. Его идеи теперь усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ, но въ то время никто не смѣлъ и заикнуться, даже въ обыкновенномъ разговорѣ, не только на кафедрѣ. Для нѣкоторыхъ изъ насъ эти мысли также были не новы,

Digitized by Google

но одушевленное слово профессора укрѣпляло и развивало въ насъ эти убѣжденія, и мы сохранили ихъ на всю жизнь.

Вотъ причина, по которой великая реформа освобожденія крестьянъ была встрѣчена Россіей за немногими исключеніями съ такимъ восторгомъ. Умы уже давно были приготовлены и ждали только царскаго слова. Университеты внесли свѣтъ этихъ идей въ общество. Вотъ гдѣ тайна какъ бы внезапнаго обновленія русской жизни. Вотъ откуда повѣяла на нее новая жизнь.

Казанскій университетъ далъ прекрасныхъ оріенталистовъ. Въ началѣ было два профессора восточныхъ языковъ, которые воспитали цѣлое поколѣніе оріенталистовъ. Первый профессоръ, Эрдманъ, зналъ 12 языковъ, и, что замѣчательно, такой трудный языкъ, какъ русскій зналъ въ совершенствѣ, говорилъ на немъ и писалъ безукоризненно. Другой профессоръ Казембекъ изъ Астрахани родомъ. Его выдвинулъ случай.

Въ 1812 году великобританское общество ходатайствовало черезъ своего агента, пастора Патерсона, объ образованіи въ Петербургѣ Библейскаго общества, и 6-го декабря того же года былъ утвержденъ докладъ объ образованіи сего общества. Въ Астрахани, какъ городѣ, наполненномъ разными инородцами, персіянами, татарами, а въ губерніи калмыками и киргизами, образовалось мѣстное отдѣленіе библейскаго общества.

Англійскіе агенты въ Астрахани обратили вниманіе на одного персіянина, который читалъ Евангеліе, дѣлалъ изъ него выписки. Въ разговорахъ Казембека онъ обнаружилъ недюжинный умъ и большую начитанность, преимущественно мусульманскихъ авторовъ. Они взяли

Digitized by Google

въ Англію и тамъ окрестили его по англиканскому обряду. Потомъ онъ прибылъ въ Россію и здѣсь поступилъ въ Казанскій университетъ адъюнктомъ и потомъ профессоромъ. Зная персидскій языкъ, какъ свой родной, онъ въ тоже время зналъ въ совершенствѣ арабскій и татарскій языки, русскій языкъ, какъ природный, и нѣсколько иностранныхъ языковъ. Я помню одно его сочиненіе „Жизнь Магомета", печатавшееся въ „Русскомъ Словѣ" за 1860 годъ, въ которомъ обнаружилъ рѣдкое знаніе Востока и чрезвычайный, критическій умъ. Онъ перевелъ также Евангеліе на персидскій языкъ.

Эти два профессора образовали цѣлое поколѣніе оріенталистовъ. Изъ нихъ въ числѣ первыхъ вышелъ Фойгтъ, о которомъ я уже говорилъ. Онъ преподавалъ въ Казанской гимназіи персидскій языкъ. Затѣмъ выпущены Михайловъ, Березинъ, Диттель и Холмогоровъ. Михайловъ былъ выпущенъ учителемъ персидскаго языка въ Астраханскую гимназію и потомъ перешелъ на другую должность, оставивъ восточные языки. Березинъ и Диттель, по окончаніи курса, путешествовали по Персіи и Турціи и оставили свои воспоминанія о своихъ поѣздкахъ, послѣ были опредѣлены профессорами въ Петербургскомъ университетѣ. Холмогоровъ былъ извѣстенъ отличнымъ знаніемъ арабскаго языка. Его считали авторитетомъ по этой части; персидскій и татарскій языки онъ также зналъ въ совершенствѣ и перевелъ персидскаго поэта Саади и Арабскія моаллакаты.

Профессоромъ китайскаго языка былъ архимандритъ Даніилъ, жившій 10 лѣтъ въ Китаѣ начальникомъ духовной миссіи. Бывшій казенный студентъ, извѣстный

Digitized by Google

впослѣдствіи синологъ Васильевъ, былъ приготовленъ подъ его руководствомъ къ путешествію въ Китай. Изъ скромныхъ тружениковъ, которыхъ знаетъ небольшой кружокъ спеціалистовъ и должностныхъ лицъ, въ средѣ которыхъ ихъ дѣятельность вращалась, но труды которыхъ замѣчательны и плодотворны—назову студента Второва. По окончаніи университетскаго курса въ 1837 году, онъ поступилъ помощникомъ директора университетской библіотеки и вмѣстѣ былъ назначенъ редакторомъ неоффиціальной части „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Второвъ сообщилъ газетѣ литературный тонъ и занимательность. Впослѣдствіи онъ уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь служилъ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и потомъ въ Воронежѣ совѣтникомъ губернскаго правленія. Онъ пользовался мѣстными архивами губерніи и въ сотрудничествѣ со студентомъ Казанскаго же университета Александровымъ-Дольниковымъ издалъ „Воронежскіе акты". Это трудъ почтенный.

Мы обязаны Второву открытіемъ таланта Никитина въ Воронежѣ, какъ Серебрянскій открылъ самородка Кольцова.

И. И. Михайловъ.

Digitized by Google

Воспоминанія о Д. И. Мейерѣ и др.

(Изъ статей проф. Загоскина и В. Н. Назарьева)*).

Юридическій факультетъ Казанскаго университета представлялъ изъ себя въ первой половинѣ 1840-хъ годовъ нѣчто положительно невообразимое. Онъ олицетворялся въ небольшой кучкѣ профессоровъ, съ преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ, которые служили предметомъ посмѣшища для студентовъ всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ. На лекціи профессоровъ этого факультета студенты другихъ спеціальностей ходили посмѣяться, позабавиться курьезными выходками представителей казанскаго юридическаго знанія, а студенты юридическаго факультета, для которыхъ всѣ эти ученыя чудачества успѣли, какъ говорится, пріѣсться, посѣщали лекціи своихъ профессоровъ лишь по обязанности, сладко подремывая на нихъ, занимаясь разговорами, ничего общаго съ наукою не имѣющими, или украдкою почитывая постороннія книжки.

И замѣчательные же субъэкты имѣлись въ составѣ преподавательскаго персонала юридическаго факультета того времени.

---

*) «Историческій Вѣстникъ» 1890 г. Ноябрь и Декабрь.
То-же. 1894 г. Январь.

Digitized by Google

Вотъ, напримѣръ, профессоръ римскаго права Камбекъ, нѣмецъ, почти незнающій русскаго языка, который изъ года въ годъ начиналъ свой курсъ крикливымъ диктованіемъ: „Рымское право, Р—большое, П —тоже большое, и пунктумъ.. „Запшитэ это сэбэ на бокѣ (то есть на поляхъ)“; диктованіемъ на ломанномъ русскомъ языкѣ передавалъ этотъ профессоръ и весь свой дальнѣйшій курсъ. Недуренъ былъ и профессоръ международнаго права Гельмутъ Винтеръ, совершенно не знавшій почти русскаго языка, а потому читавшій свои лекціи по какой-то ветхой тетрадкѣ по французски, который скакалъ въ пафосѣ по аудиторіи, показывая наглядно картину вступленія въ 1814 году союзныхъ государей въ Парижъ, или картинно размахивалъ запачканнымъ табакомъ носовымъ платкомъ, домонстрируя слушателямъ морскіе сигналы, а не то такъ изображалъ ртомъ, немилосердно надувая щеки, салютаціонную канонаду. Если принять въ соображеніе дарованія и остальныхъ профессоровъ юридическаго факультета того времени, читавшихъ свои лекціи по разнаго рода устарѣвшимъ учебникамъ, то можно представить себѣ ту умственную пищу, какую сулилъ своимъ юнымъ питомцамъ этотъ пресловутый факультетъ. Только съ половины 40-хъ годовъ замѣчается нѣкоторое освѣженіе юридическаго факультета, благодаря нѣсколькимъ молодымъ и талантливымъ силамъ, присланнымъ въ Казанскій университетъ; съ этой поры юридическій факультетъ изъ прежняго совершенно хаотическаго состоянія начинаетъ вступать въ состояніе переходное, которое затянулось для него, впрочемъ, на очень долгое время, чуть ли не до конца 70-хъ годовъ. Особенно освѣжился юридическій факультетъ Казанскаго

Digitized by Google

университета въ 1845 году назначеніемъ въ него двухъ новыхъ профессоровъ Д. И. Мейера, знаменитаго цивилиста, по кафедрѣ гражданскаго права, и Е. Г. Осокина, по кафедрѣ финансоваго права. „Возвратившись съ ваката, послѣ перехода во второй курсъ“, говоритъ В. Н. Назарьевъ, „мы узнали, что въ Казань пріѣхало нѣсколько новыхъ профессоровъ, бывшихъ воспитанниковъ педагогическаго института, побывавшихъ за границей для усовершенствованія въ наукахъ. Одинъ изъ новыхъ профессоровъ, Мейеръ, долженъ былъ читать гражданское право, другой, Осокинъ, теорію финансовъ.

Никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что съ пріѣздомъ молодыхъ профессоровъ связанъ настоящій переворотъ и пробужденіе юридическаго факультета отъ продолжительнаго сна.

Наступила первая лекція профессора Мейера Въ аудиторію, въ которую собралось пятнадцать человѣкъ всѣми правдами и неправдами перебравшихся на второй курсъ юридическаго факультета, вошелъ маленькій, худенькій человѣкъ, съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ. Вся фигура его, въ новомъ съ иголочки ученомъ мундирѣ, отличалась мягкостью и благородствомъ. Онъ началъ тихимъ взволнованнымъ голосомъ, но вскорѣ овладѣлъ собой, рѣчь становилась громче и выразительнѣе, щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

Говоря по совѣсти, мы мало понимали изъ того, что говорилъ новый профессоръ, но его горячность, невиданное одушевленіе, поразили слушателей. Всѣ поняли желаніе профессора передать намъ свои знанія, вложить душу въ свою лекцію, и тотчасъ же встрепенулись, а перья съ небывалой быстротой забѣгали по

Digitized by Google

бумагѣ и каждое слово записывалось не только съ буквальной точностью, но съ какимъ то благоговѣніемъ. Дома студенты сейчасъ же принялись переписывать первую лекцію Мейера на бѣло, а нѣкоторые, болѣе усердные, заучивать ее наизусть.

Съ первой же лекціи гражданскаго права, мы всѣ почувствовали сильный толчекъ, измѣнившій, въ нѣкоторой степени, наше ребяческое отношеніе къ наукѣ, а въ самомъ непродолжительномъ времени Д. И. Мейеръ уже пользовался небывалымъ авторитетомъ между студентами, особенно съ того дня, какъ одинъ изъ насъ рискнулъ зайти къ нему и откровенно признаться, что не вполнѣ понялъ его лекцію о владѣніи. На другой же день смѣльчакъ восторженно разсказалъ товарищамъ о радушномъ пріемѣ, о готовности, съ которой профессоръ разъяснилъ непонятное. Такимъ образомъ, отрѣшившись отъ привычной недоступности своихъ коллегъ, относясь тепло и участливо къ своимъ слушателямъ, профессоръ Мейеръ съ первыхъ же дней сдѣлался предметомъ обожанія студентовъ.

Съ своей стороны, увлеченный общимъ настроеніемъ, я рѣшился во что бы то ни стало проникнуть къ Мейеру, побесѣдовать съ нимъ, или хотя бы только подышать ученымъ воздухомъ его кабинета. Мое желаніе исполнилось. Я взбираюсь по крутой лѣстницѣ, ведущей на мезонинъ маленькаго домика на Грузинской улицѣ, гдѣ обиталъ профессоръ. Вся квартира его заключалась въ одной комнатѣ, до такой степени заваленной книгами, что у меня зарябило въ глазахъ. Около большаго стола, придвинутаго къ полукруглому венеціанскому окну, сидѣлъ хозяинъ, облеченный въ бѣлый фланеле-

Digitized by Google

вый халатъ, и, по случаю болѣзни горла, съ компрессомъ вокругъ шеи. Вся фигура молодаго ученаго, среди массы книгъ, на пріобрѣтеніе коихъ уходило все его жалованье, скорѣе напоминала аскета и уже вовсе не походила на его цвѣтущихъ здоровьемъ собратовъ, въ синихъ мундирахъ.

Я смутно понялъ, что передо мною человѣкъ не отъ міра сего и что жизнь его одинока и сурова. Замѣтивъ мое смущеніе, хозяинъ поспѣшилъ ободрить меня, усадить и завязать разговоръ. На вопросъ о томъ, что я читаю, чѣмъ интересуюсь, я откровенно признался, что меня болѣе всего занимаютъ журналы, а въ особенности критическій отдѣлъ „Отечественныхъ Записокъ". Затѣмъ разговоръ перешелъ къ Бѣлинскому, его значенію, его прошлому и настоящему.

Наконецъ, узнавъ много новаго и интереснаго, я откланиваюсь, беру предложенную мнѣ книгу по исторіи русскаго права, внимательно прочитываю, отношу обратно, а всегда радушный хозяинъ, какъ будто случайно, выспрашивалъ, какого я мнѣнія о прочитанномъ и что извлекъ полезнаго, Затѣмъ, онъ переходилъ къ разсказамъ о своей заграничной жизни, представлявшей величайшій интересъ уже потому, что въ то время знакомство съ Западомъ выпадало на долю немногихъ избранныхъ, а Германія и Франція представлялись чѣмъ-то таинственнымъ, недоступнымъ, а потому еще болѣе увлекательнымъ. Но болѣе всего врѣзались въ моей памяти воспоминанія Мейера объ Остзейскомъ краѣ и раздраженіе, съ которымъ онъ говорилъ о жалкомъ положеніи крестьянъ, ихъ невѣжествѣ и бѣдности полуразвалившихся избушекъ рядомъ съ грандіозными замками

Digitized by Google

бароновъ. Обладая рѣдкимъ въ то время чутьемъ, Мейеръ ясно видѣлъ отрицательныя, выращенныя вѣками стороны русской жизни и не мирился съ ними. Такой искренній, правдивый, впервые встрѣченный протестъ открылъ глаза на многое, что не замѣчалось до того времени, и я уходилъ домой подавленный массой новыхъ никогда не приходившихъ въ голову мыслей и вопросовъ.

Въ это время Мейеръ былъ уже вполнѣ опредѣлившійся, прямолинейный человѣкъ, прежде всего убѣжденный въ томъ, что вся суть жизни заключается въ неустанной работѣ и трудѣ на общую пользу. Въ высшей степени нервный и болѣзненный, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мечтателей, которыхъ не исправляютъ неудачи и жизненный опытъ. Его вѣра въ лучшее, въ торжество правды, доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена какого-то поэтическаго оттѣнка. Въ этомъ хиломъ тѣлѣ жила сильная и выносливая натура, рѣшительно не способная отдѣлять свое личное благо отъ блага общаго. Онъ жилъ ожиданіемъ близкаго обновленія нашей общественной жизни, неизбѣжной полноправности милліоновъ русскихъ людей и пророчилъ множество благъ отъ свободнаго труда и упраздненія крѣпостнаго права.

Трудно выразить, какъ велико было наше наслажденіе видѣть и слышать Мейера, но ничего, кромѣ безотчетнаго, институтскаго обожанія мы дать не могли, такъ какъ большинство вовсе не было способно раздѣлять его розовыя надежды и сочувствовать его убѣжденіямъ. Такое ребяческое, легкомысленное отношеніе студентовъ къ ихъ кумиру не замедлило обнаружиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Digitized by Google

Наступила весна, а вмѣстѣ съ ней и тяжелые дни испытаній. Между студентами нашего курса составились отдѣльные кружки, проводившіе цѣлые дни и ночи напролетъ за повтореніемъ лекцій: одинъ читаетъ, другіе слушаютъ и то и дѣло пьютъ крѣпкій чай, способный разогнать дремоту.

Вскорѣ распространился слухъ, что нашъ кумиръ пригласилъ одного студента, отличавшагося канцелярскимъ почеркомъ, и попросилъ его написать билеты. Всѣ тотчасъ же припомнили извѣстный фокусъ, зачастую практиковавшійся при экзаменахъ, и безъ малѣйшаго колебанія примѣнили его къ дѣлу, т. е. розыскали бумагу съ одной стороны глянцовитую, съ другой шероховатую, и на этой то шероховатой сторонѣ написали всѣ головоломные вопросы изъ гражданскаго права, которыхъ мы боялись, какъ огня.

Обманъ открылся, и мнѣ до сихъ поръ мерещится прискорбная сцена, разыгравшаяся въ актовой залѣ: блѣдное, взволнованное лицо Мейера, виноватыя фигуры студентовъ и страшный, тянувшійся цѣлое утро экзаменъ изъ гражданскаго права уже безъ всякихъ билетовъ.

Всѣ ожидали, что послѣ такой неблаговидной продѣлки Мейеръ круто повернетъ съ того пути, на который всталъ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ, запретъ дверь и сдѣлается такимъ же недоступнымъ, какъ его товарищи, но, возвратившись съ ваката, мы убѣдились въ противномъ: отношенія нисколько не измѣнились, а къ бывшему обожанію присоединилось чувство самаго искренняго уваженія. Поддѣлка билетовъ не имѣла уже смысла, такъ какъ студенты нашего курса съ одинако-

Digitized by Google

вымъ рвеніемъ относились къ лекціямъ профессора Мейера.

Пролетѣли еще два года, въ теченіе коихъ отношенія нашего курса къ Мейеру оставались неизмѣнно хорошими, а въ апрѣлѣ 1849 года, мы уже въ послѣдній разъ сошлись на его заключительную лекцію.

Раздался звонокъ... послѣдній звонокъ, возвѣщавшій закрытіе лекцій передъ выпускнымъ экзаменомъ.

Мейеръ поднялся съ мѣста, уложилъ свои бумаги въ портфель и, сдѣлавъ общій поклонъ, собирался уходить. Но сойдя съ кафедры, онъ остановился и послѣ минутнаго колебанія обратился къ намъ съ прощальнымъ словомъ.

Прежде всего онъ пожелалъ, чтобы живая связь, существующая между нами, никогда не охладѣла, чтобы она не перешла въ іерархическую лѣстницу, гдѣ верхнимъ нѣтъ дѣла до нижнихъ, а нижніе думаютъ только о томъ, чтобы попасть на верхнія ступени.

„Предчувствіе не обманываетъ меня—возвысился голосъ профессора,—я вѣрю въ близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, въ комъ есть человѣческое сердце, невольно сознаетъ всю нелѣпость крѣпостнаго права. Надѣюсь, что и вы, милостивые государи, въ глубинѣ души, носите это сознаніе, чувствуете какую-то тяжесть, мѣшающую жить по-человѣчески. Вникните глубже и вы увидите, что васъ смущаютъ ненормальныя отношенія къ крѣпостнымъ: вы переросли такое положеніе вещей, вы уже не въ состояніи примириться съ этимъ.

„Для васъ должно быть ясно, что крѣпостнымъ необходимо дать свободу, но одного сознанія и чувства

Digitized by Google

еще мало,—на васъ, на васъ первыхъ лежитъ обязанность облегчить участь вашихъ крестьянъ, а если сбудется мое предчувствіе и, наконецъ, поднимется вопросъ о крѣпостныхъ, вы первые должны стать въ ряды ихъ защитниковъ и каждый на своемъ мѣстѣ дружно помогать торжеству справедливаго дѣла.

„Существуетъ другая язва, позорящая русскую жизнь—это взяточничество. Я не допускаю даже мысли, чтобы вы, питомцы университета, когда-нибудь оказались сообщниками постыдной торговли правосудіемъ, но это еще не все, чего въ правѣ ожидать отъ васъ общество. Мало одного пассивнаго отношенія къ злу, вы обязаны бороться съ нимъ на каждомъ шагу, въ каждый моментъ своей жизни, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями или жертвами. Пусть же сопутствуютъ вамъ слова мои на трудномъ пути жизни, пусть живетъ въ васъ любовь къ справедливости и къ студенческому братству“.

Онъ сказалъ то, что считалъ нужнымъ, и, взволнованный, блѣдный, какъ полотно, вышелъ изъ аудиторіи, а мы все еще неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ, и даже отъявленные тупицы, только о томъ и мечтавшіе, чтобы какъ можно скорѣе надѣть модный фракъ и яркій жилетъ, и тѣ на минуту призадумались, точно ослѣпленные лучемъ свѣта, неожиданно брошеннымъ въ темное царство, считавшееся царствомъ науки.

Можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще съ самаго основанія Казанскаго университета въ стѣнахъ его не было произнесено такой честной, правдивой рѣчи, какъ напутственное слово профессора Мейера,

Digitized by Google

почти дословно записанное мною по возвращеніи въ свою квартиру.

Опустѣла актовая зала. Захлопнулась тяжелая дверь параднаго подъѣзда и тутъ-же, не помня себя, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости, разлетѣлись студенты въ разныя стороны и здѣсь же за порогомъ святилища наукъ навсегда порвалась всякая связь между ними, существовавшая въ одномъ воображеніи идеальнаго профессора. Записные франты и такъ называемые аристократы поскакали къ моднымъ портнымъ, Любимцеву и Банарцеву, сгорая отъ нетерпѣнія какъ можно скорѣе облечься въ модный костюмъ и не теряя времени показаться въ немъ дамамъ своего сердца, между тѣмъ, какъ будущіе корнеты кавалерійскихъ полковъ, заклятые враги „штафирокъ“ бросились собирать свѣдѣнія о самыхъ красивыхъ формахъ и гусарскихъ стоянкахъ, и только одни бѣдняки, не торопясь, задумчиво поднимались на свои чердаки съ смутнымъ сознаніемъ, что тамъ, за дверями университета, покинули они свою юность, свои золотыя мечты, чтобы волей или неволей выступить на трудный путь борьбы за существованіе.

Казалось бы нѣтъ, и не можетъ быть, чувства болѣе отраднаго какъ, переживая суровую зиму, еще разъ оглянуться назадъ на свою такъ называемую „весну жизни“. Но какъ на зло, воспоминанія о моей студенческой жизни, даже въ настоящую минуту, когда съ такимъ увлеченіемъ хватаешься за все, что было свѣтлаго въ прошломъ—представляютъ мало отраднаго и интереснаго.

Отъ тупыхъ учебниковъ Кайданова, Кошанскаго, Арсеньева и др. мы прямо перешли къ снотворнымъ и

Digitized by Google

зачастую непонятнымъ для насъ лекціямъ профессоровъ изъ нѣмцевъ на изломанномъ русскомъ языкѣ, а при такихъ условіяхъ едва ли можно было ожидать серьезнаго отношенія къ наукѣ и общенію съ ней. Что же касается до возвышенныхъ стремленій къ труду, на пользу общую, до гражданскихъ чувствъ и скорбей, солидарности между студентами, до упованія, что свѣтъ побѣдитъ тьму, то обо всемъ этомъ никому и въ голову не приходило.

Въ неприглядныхъ сумеркахъ, тяготѣвшихъ надъ университетомъ моего времени, особенно ярко выступали даровитые студенты, на перекоръ всему всецѣло преданные наукѣ. Какъ живая встаетъ передо мной типичная фигура Ч—ва, съ откинутыми назадъ русыми волосами, умными и добрыми сѣрыми глазами и неправильной отъ природы ногой, на которую онъ постоянно прихрамывалъ.

Благодаря необычайной легкости, съ которой все давалось ему, Ч—въ, съ какимъ-то страннымъ для насъ равнодушіемъ, относился къ экзаменамъ и въ самое горячее время, когда мы дни и ночи зубрили лекціи, прогуливался въ Русской Швейцаріи, наслаждаясь прелестью первыхъ весеннихъ дней. Но обладая большимъ по тому времени образованіемъ, пользуясь уваженіемъ профессоровъ и своими замѣчаніями и вопросами приводя въ смущеніе преподавателя эстетики, онъ, въ то же время, по самой натурѣ своей, способенъ былъ увлекаться: мечталъ о военной службѣ, о Кавказѣ, бранныхъ подвигахъ и приходилъ въ отчаяніе отъ своего физическаго недостатка. Онъ имѣлъ неотразимое вліяніе на небольшой кружекъ студентовъ, въ который ввелъ меня мой однокурсникъ Ч—ковъ. Чаще и чаще собирались мы въ

Digitized by Google

крошечной квартирѣ Ч—ва и, цѣлыя ночи на пролетъ, распивая жидкій чай съ лимономъ, восторженно внимали хозяину. Рѣчь лилась у него свободно, отличалась красотою чисто русскихъ оборотовъ и ее можно было прямо печатать. Иной разъ онъ фантазировалъ, заносился на седьмое небо, или разсказывалъ что-нибудь смѣшное, а подъ конецъ, принявъ вовсе неидущій къ нему геройскій видъ—затягивалъ хоровую пѣсню.

Вскорѣ Ч—ву пришла мысль устроить литературные вечера съ тѣмъ, чтобы въ теченіе зимы каждый изъ насъ приготовилъ что-нибудь и прочелъ свое сочиненіе. Просидѣвъ нѣсколько ночей, я съ величайшимъ трудомъ написалъ длинное разсужденіе „О значеніи Гоголя въ современной литературѣ“, и когда пришла моя очередь, скопфуженный, съ замирающимъ сердцемъ постучался въ низенькую дверь квартиры Ч—ва. Собралось человѣкъ пять студентовъ, въ густомъ облакѣ табачнаго дыма мигали все тѣ же сальныя свѣчи и пыхтѣлъ все тотъ же маленькій самоваръ изъ дорожнаго погребца, но все это двоилось и троилось въ глазахъ моихъ. Наконецъ преодолѣвъ свою робость, я приступилъ къ чтенію.... За тѣмъ послѣдовало нѣсколько минутъ неловкаго молчанія, а потомъ на мою голову разомъ посыпалась такая масса возраженій, что я окончательно растерялся и пришелъ въ себя только тогда, когда дебаты были кончены, а хозяинъ, отъ полноты чувства сбросившій форменный сюртукъ, всталъ посреди комнаты, откинулъ назадъ голову и, отчаянно взмахнувъ рукою, затянулъ, „Ой ты, Днѣпръ, ты нашъ широкій“....

„Ты, кормилецъ, нашъ родной“.... подхватили собесѣдники. Тутъ только я пришелъ въ себя и съ небывалымъ ожесточеніемъ присоединился къ общему хору.

Digitized by Google

Въ этихъ сходкахъ, продолжавшихся только одну зиму, заключаются едва ли не всѣ свѣтлыя воспоминанія мои изъ студенческой жизни. Ч—въ перешелъ въ Московскій университетъ и, странное дѣло, онъ точно унесъ съ собой только-что вспыхнувшій огонекъ, освѣтившій нашу неприглядную, сѣрую жизнь. Послѣ его отъѣзда все вошло въ свою обычную колею, а о сходкахъ и литературныхъ вечерахъ не было ни слуху ни духу.

Жизнь уходила въ ожиданіи чего-то новаго, чего-то лучшаго.... Наконецъ и со мной совершился тотъ неизбѣжный переворотъ, когда человѣкъ перестаетъ ожидать, надѣяться, думать о собственномъ счастьѣ, начинаетъ понимать, что ожидать нечего, что все лучшее осталось гдѣ-то позади въ далекомъ прошломъ. Все чаще отдаваясь воспоминаніямъ объ этомъ прошломъ, о такъ называемой „веснѣ жизни", я рѣшилъ, что мнѣ необходимо съѣздить въ Казань, пройтись по знакомымъ улицамъ, поклониться университету, навести справки о бывшихъ товарищахъ. Я даже удивился, какъ эта счастливая мысль не пришла мнѣ раньше въ голову. Рѣшено! я ѣду, завтра же сажусь на пароходъ и пускаюсь въ путь.

На дворѣ май, но холодъ стоялъ нестерпимый. Послѣ долгаго ожиданія, раздался пронзительный свистокъ, пароходъ слегка пошевелился и какъ будто нехотя тронулся вверхъ по Волгѣ. Холодъ все усиливался. Завернувшись во что попало, точно замерли, пріютившіеся на палубѣ пассажиры третьяго класса. Капитанъ парохода въ мѣховой шапкѣ и тяжелыхъ медвѣдяхъ стоитъ неподвижно на своемъ посту, точно примерзъ къ своему мѣсту. Окрестныя горы и необъятные лѣса праваго берега все еще покрыты остатками снѣга. Родныя

Digitized by Google

картины. Невеселыя картины. Невеселую пѣсню напѣваетъ вѣтеръ, и быстро несетъ одну за другой тяжелыя снѣговыя тучи. Впереди опустилось и заколыхалось громадное бѣлое покрывало, скрылось зачернѣвшееся вдали селеніе, съ кучей опрокинутыхъ лодокъ, и суетившимся около нихъ народомъ, скрылся полуразвалившійся монастырь, окруженный старыми кривыми березами, уныло глядѣвшій съ противоположнаго берега; скрылся только-что показавшійся вдали пароходный дымокъ. Громадное покрывало приближалось все ближе и ближе, и уже подъ бѣлымъ покровомъ лежатъ бѣдняки на палубѣ, и быстро заходившій капитанъ несетъ цѣлую гору снѣга на медвѣдяхъ своихъ и мѣховой шапкѣ. Наконецъ-то глянуло солнышко,—тучъ и снѣгу какъ не бывало. Красноватая глина холмовъ ярко выступила изъ-за покрывавшаго ихъ кустарника. Конца не имѣющіе лѣса стушевались въ одну черную, неопредѣленную массу. Поверхность рѣки, какъ будто, просвѣтлѣла, заодно съ лицами пассажировъ. Всѣ высыпали на палубу погрѣться на солнышкѣ. Вдали показались колокольни и минареты Казани.

Проснувшись рано, взволнованный ожиданіемъ, наслушавшись преувеличенныхъ похвалъ „неузнаваемой Казани“, я наскоро одѣлся и вышелъ на хорошо знакомую, все еще великолѣпную въ моемъ воображеніи, Воскресенскую улицу. Пыль такая ѣдкая, что глазамъ больно. Сѣро, безжизненно вокругъ, извозчичьи клячи, забрызганныя грязью дрожки съ заплатаннымъ верхомъ, по большей части двухъ-этажные, какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга, дома, насквозь промокшіе отъ снѣга и дождя, тусклыя окна, длинное зданіе универси-

Digitized by Google

тета, съ рядами тяжелыхъ облупившихся колоннъ, на всемъ печать неряшливости и скудости. Внутреннее устройство университета осталось все тоже; только бѣлые бюсты великихъ людей, украшавшіе парадный входъ, вымазаны черной краской и имѣютъ какой-то мрачный недовольный видъ. Часть тѣнистыхъ березъ, окружавшихъ Черное Озеро, вырублена и замѣнена группами чахлаго кустарника, а возлѣ самаго озера очищено цѣлое поле, усыпанное пескомъ. Вмѣсто уютнаго сѣренькаго домика, гдѣ обиталъ Ч-въ. стоялъ безобразный двухъ-этажный домъ изъ краснаго кирпича и вся, когда-то утопавшая въ садахъ, улица, съ низкими деревянными домиками, сплошь застроена неуклюжими ящиками, невиданными въ городахъ остальной Европы и сто лѣтъ тому назадъ измышленными нашими архитекторами.

Чувство недовольства во мнѣ росло и росло.

Добравшись до почтамта, я неожиданно очутился противъ маленькаго каменнаго домика въ три окна на улицу, съ мезониномъ, украшеннымъ единственнымъ венеціанскимъ окномъ, и тотчасъ же узналъ бывшую квартиру Мейера.

Я невольно остановился. Усиленная дѣятельность воображенія съ поразительною ясностью рисовала картины прошлаго... забыты путевыя невзгоды, пропало тоскливое настроеніе. Вспомнились думы и мечты, впервые заговорившія во мнѣ въ этомъ самомъ крохотномъ домикѣ съ сидѣвшимъ на немъ мезониномъ, точно чудомъ какимъ, все въ томъ же видѣ сохранившимся до настоящаго времени. Слово въ слово, повторилась въ моихъ ушахъ прощальная рѣчь Мейера, призывавшая

Digitized by Google

насъ на служеніе правдѣ и вселявшая ту вѣру, безъ которой мертвы дѣла.

Мнѣ не хотѣлось уходить... душа была переполнена благоговѣніемъ къ идеальному профессору, среди общей вялости, дикости, безжалостной сухости, или напускного смиренія былаго времени, смѣло будившаго мысль и предсказавшаго намъ близость великихъ реформъ, совершившихся на глазахъ моихъ.

Я точно помолодѣлъ и былъ вполнѣ доволенъ своей поѣздкой".

Digitized by Google

Университетъ въ 1850-хъ годахъ.

Изъ воспоминаній М. А. Воронова *).

Юность, юность.... чудное, магическое слово. Кто безъ вздоха и боли въ сердцѣ вспоминаетъ тебя, лучшее время нашей жизни? Кто рѣшится предпочесть тебѣ другой возрастъ и кто упрекнетъ тебя за тѣ великія невзгоды и за тѣ испытанія, которыми ты такъ щедро награждаешь насъ, глупыхъ забитыхъ и запуганныхъ дѣтей, только благодаря тебѣ одной едва не пропадающихъ въ этомъ жизненномъ омутѣ? Вижу, ясно вижу тебя, суровое и неумолимое время моей жизни. Вотъ они, эти голодные дни, эти долгія, безсонныя томительныя ночи, эти болѣзненныя, страшныя грезы и тревожныя, мучительныя думы. Но и за это даже я благословляю тебя, моя тяжелая, бурная юность,—потому что твои испытанія дали мнѣ силу, твои уроки вразумили меня, твои удары и теперь еще больно отдаются въ моемъ сердцѣ и невольно заставляютъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, за которыя когда-то ты такъ безпощадно казнила меня. Простодушнымъ, до-

*) «Время». 1861—1862 гг.

Digitized by Google

вѣрчивымъ, слабымъ я пришолъ къ тебѣ, моя юность, и ты, какъ добрая мать, дала все, что сдѣлало бы изъ ребенка мужа, что пробудило бы во мнѣ заснувшія было человѣческія силы. Ты первая научила меня уважать человѣка и въ себѣ самомъ и въ другихъ; ты первая наградила меня и сладкими восторгами любви и горестью разлуки; ты первая ввела меня въ жизнь и познакомила со всѣми ея бурями и треволненіями. Все изъ тебя, въ тебѣ и съ тобою. Вотъ за что я безконечно люблю мою безвозвратно—улетѣвшую юность. Вотъ за что безъ упрека вспоминаю даже тѣ тяжолые удары, которые когда-то пришлось перенести мнѣ.

Да, золотое, золотое то было время.

Посмотрите: вотъ они проходятъ передо мною одинъ за другимъ, мои друзья, мои товарищи. Вотъ они, веселые, добрые собесѣдники.

Но все обычной чередою
Здѣсь подъ луной у насъ идетъ,
И время какъ потокъ съ собою
Печаль и радости несетъ

дружно запѣли они. И долго, долго стоятъ въ воздухѣ звуки старой студенческой пѣсни.

Гдѣ вы теперь, мои друзья? Или и васъ, также какъ меня перевернула жизнь, и замотанные ею вы рано, но прочно очерствѣли и потеряли и прежнія мечты и надежды, и прежнюю веселость, и прежнюю удаль? Вспоминаете ли вы тѣ свѣтлые, юношескіе дни, когда были такъ мимолетны всѣ печали и горести, окружавшія насъ, когда долгая задушевная бесѣда въ добромъ кружкѣ товарищей, а нерѣдко бутылка „влаги пѣнной“ да веселая пѣсня разомъ отгоняли прочь всѣ черныя мысли о нуждѣ,

Digitized by Google

оскорбленіяхъ, карцерѣ и другихъ бѣдахъ и невзгодахъ?.. Милые, дорогіе друзья. Гдѣ же тѣ ожесточенные споры, чуть не до слезъ, которые мы вели когда-то? Гдѣ тѣ надежды, которыми мы когда то жили изо дня въ день, изъ минуты въ минуту? Гдѣ они, тѣ идеалы, которые мы воздвигали, которымъ мы чуть не молились когда-то? Гдѣ же, гдѣ все это?..

Что можетъ быть горше слезъ воспоминанія и потери? Какъ болѣзненно хватаютъ они за сердце и какъ тревожатъ и мучатъ душу. Но вотъ вижу—проходитъ другая фаланга: наши бывшіе наставники и руководители. Теперь они уже сошли въ могилы и не раздается больше ихъ голосъ въ аудиторіи. Не ораторствуешь уже ты, добрый старикъ, *) что такой-то минералъ „на поверхности своей якобы жиромъ повлеченъ", а такой-то „имѣетъ цвѣтъ пера утки—селезень" нѣтъ и тебя, европейскій ученый, **) вмѣсто лекцій излагавшій на ломаномъ русскомъ языкѣ переводъ какой-то старой латинской зоологіи; умеръ и ты, веселый, сѣренькій старичекъ, объяснявшій все „жизненною силою" и наивно лепетавшій о себѣ: „ми, германскій професоръ, ми все знаемъ" ***); даже и ты, какъ кажется, облачился въ гробовой саванъ, краса нашихъ дней, ораторъ и мудрецъ, вводившій насъ, по собственному твоему выраженію, „въ храмъ науки" и совѣтовавшій неуклонно слѣдовать за тобой, какъ за „опытнымъ запѣвалой".. Всѣ сдѣлались теперь наслѣдіемъ могильнаго червя, правда еще и при жизни уже

*) П. И. Вагнеръ.

**) Эверсманнъ.

***) Берви.

Digitized by Google

достаточно подточившаго и васъ самихъ, и вашу науку.. Но какъ хотѣлось вѣрить и какъ вѣрилось когда-то вашимъ словамъ. Съ какимъ жаромъ выслушивались ваши смѣшныя и досадныя лекціи и съ какою наивностью заучивались иногда ваши мудрыя изреченія, ваши полуистлѣвшіе и рутинные доводы и мысли....

Изъ роднаго города *) я выѣхалъ 8 августа вечеромъ. Я ѣхалъ на перекладныхъ, въ сопровожденіи двухъ товарищей, изъ которыхъ одинъ былъ уже студентъ, а другой только что окончилъ, также какъ и я, гимназическій курсъ. Едва только матушка, братья и сестры, провожавшіе меня, скрылись изъ моихъ глазъ и осталось назади кладбище, стоявшее на самомъ концѣ города— сердце мое невольно сжалось отъ какой то тоски и грусти: такъ и хотѣлось спрыгнуть съ телѣги и побѣжать обратно домой. Мысль, что настала разлука съ людьми, съ которыми прожилъ подъ одной кровлей цѣлыя восемнадцать лѣтъ, совершенно подавила враждебное чувство, вызванное было прошлой тяжолой жизнью, и горькія слезы такъ и просились на глаза.

Всѣ мы сидѣли какъ-то насупившись, упорно поглядывая по сторонамъ.

Такъ проѣхали мы въ молчаніи верстъ десять. Городъ уже остался далеко за нами и совершенно потерялся изъ виду, исчезли даже и одинокія избушки, разбросанныя вдоль дороги, и побѣжали мимо выжженныя солнцемъ степи и поля, покрытыя только-что сжатымъ хлѣбомъ,—а мы все молчали.

---

*) Саратова (ред.)

Digitized by Google

— А не обревизовать ли намъ свою провизію? спросилъ наконецъ студентъ, вытаскивая свой мѣшокъ.

Предложеніе было одобрено и каждый принялся за свой мѣшокъ, вытаскивая оттуда различныя булки и булочки, кокурки и лепешки, яйца, яблоки, жареныхъ цыплятъ, ветчину и проч. и проч. Ревизія нѣсколько развеселила насъ, и когда мѣшки достаточно опустѣли, мы разговорились.

— Что, жалко родину-то? спросилъ насъ студентъ.

— Да чего тамъ жалѣть? спросилъ я его въ свою очередь, стараясь придать своему голосу какъ можно больше холодности.

— Отчего же ты плакалъ?

— Врешь, я не плакалъ.

— Врешь, плакалъ.

— Да ты самъ плакалъ, сказалъ я ему.

— Ну, это ужь извини.. съ ироніей отозвался студентъ: — вотъ спроси ка ямщика: онъ видѣлъ.

— За то ты въ прошломъ году плакалъ, настаивалъ я.

— А ты теперь плакалъ.

— Врешь! врешь! врешь! съ досадою почти закричалъ я.

— Хорошимъ хвалитесь! повернувшись къ намъ лицомъ, замѣтилъ ямщикъ: — отца съ матерью покинули, да еще хвалитесь, что не плакали. Я вотъ мужикъ, а этимъ не сталъ бы хвалиться. — Нехорошо, нехорошо! наставительно прибавилъ онъ.

Тутъ и мы поняли, что нехорошимъ хвалились, почему тотчасъ-же и прекратили неловкій споръ.

Digitized by Google

На первую станцію мы пріѣхали уже послѣ сумерекъ. Тотчасъ заложили новыхъ лошадей и отправились далѣе..

Наступила ночь. Выплылъ яркій полумѣсяцъ и заблестѣли звѣзды; въ воздухѣ сдѣлалось какъ-то свѣжѣе и тише; изрѣдка лишь слышалось гдѣ-нибудь вдалекѣ тихое стрекотаніе кузнечика или крикъ какой-нибудь птицы, неотыскавшей еще ночлега. Тройка медленно тащилась по неровной и пыльной дорогѣ, нагоняя тоску и скуку. Полулежа и какъ-то невесело посматривая по сторонамъ, я предался размышленіямъ о только-что покинутомъ мною отческомъ домѣ.

Вижу я, сидятъ всѣ за ужиномъ, молча: отецъ на одномъ концѣ стола, матушка на другомъ, а по бокамъ ихъ братья и сестры. Вижу даже толстое, какое-то мурогое, лицо нашей кухарки, совѣтующей дѣтямъ скорѣе дохлебывать щи, потому что „тятенька съ мамынькой уже отхлебали"—и дѣти спѣшатъ и жгутся, посылая въ себя ложку за ложкой. Подали второе блюдо. Опять кухарка торопитъ дѣтей. Наконецъ всѣ встали изъ за стола, выстроились въ шеренгу и хоромъ прочли благодарственную молитву; потомъ дѣти поцѣловали руку у отца и матушки и остановились, какбы въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. „Пойдемте на ночь Богу молиться" зоветъ отецъ. Всѣ переходятъ въ другую комнату, опять выстроиваются въ шеренгу передъ кіотомъ съ образами и хоромъ начинаютъ читать молитвы, заканчивая все это слѣдующимъ возгласомъ, заученнымъ каждымъ со словъ отца: „добра ночь Богу, папѣ, мамѣ, братцамъ, сестрицамъ и всѣмъ". Дѣти опять цѣлуютъ руку у отца и расходятся, причемъ братья, живущіе отдѣльно, идутъ

Digitized by Google

въ свое обиталище. Раздѣвшись, они уже готовятся потушить свѣчу, какъ вдругъ слышится стукъ въ окно и за нимъ рѣзкій голосъ отца: „Сеня, каналья! отчего ты не перекрестилъ подушку“? Сеня приподнимается и трижды креститъ подушку. „Да читали ли вы „да воскреснетъ Богъ“? спрашиваетъ отецъ.—Читали, читали, папенька! отвѣчаютъ братья.—„Ну, прочтите-ка еще, а я послушаю“. Братья начинаютъ читать молитву, а отецъ, приложивъ ухо къ стеклу, слушаетъ, изрѣдко громко поправляя ихъ. Наконецъ братья тушатъ свѣчу и укладываются спать. Отецъ, вижу я, все бродитъ по двору. Вотъ онъ набралъ охапку щепокъ, поносилъ поносилъ ихъ съ собою, вѣроятно отыскивая удобное мѣсто, и наконецъ бросилъ среди двора, проговоривъ про себя: „кучеръ завтра подберетъ“. Вотъ, вижу, гонитъ онъ корову въ сарай; подошелъ и къ собакѣ, одиноко сидящей у каретника на докучной цѣпи. „Что, скучно тебѣ, Волчокъ“? спрашиваетъ отецъ. „Скучно, скучно глупому! какбы за Волчка отвѣчаетъ онъ:—но что же дѣлать“? со вздохомъ прибавляетъ отецъ и направляется къ погребамъ, попробуетъ хорошо ли заперты замки, и тогда уже идетъ спать. Дошедши до двери, онъ останавливается, думаетъ и потомъ опять повертывается назадъ и идетъ къ сараю, въ который только что загналъ корову. „Нѣтъ, ты, буренка, ступай-ка сюда во дворъ, тутъ тебѣ лучше“! разсуждаетъ отецъ, и опять выгоняетъ корову изъ сарая. Чувствуя, что всѣ хозяйственныя распоряженія и хлопоты окончены, отецъ, вижу я, трижды перекрестился на сіяющую вдали золоченую главу церкви, и тогда уже спокойно пошелъ спать. Вмѣстѣ съ нимъ, вижу я, засыпаетъ весь домъ; даже и корова перестаетъ

Digitized by Google

шевелить челюстями, переваливая жвачку изъ одной стороны въ другую; даже самъ Волчокъ, вижу, залѣзъ въ конуру и успокоился.

— Отчего же это мнѣ не спится? думаю я, поглядывая то на спящихъ товарищей, то на бѣдныя окрестности.

Скучна и бѣдна вообще русская природа, но особенно убога она въ нашемъ юговосточномъ краѣ. Однообразные посѣвы, безлюдныя и мертвыя степи и солончаки, жалкія деревенскія избушки изъ хвороста, покрытыя соломой, и полуразвалившіеся станціонные дома,— вотъ что приходится на долю проѣзжаго въ тѣхъ мѣстахъ.

Наконецъ поутру на четвертый день мы переправились черезъ рѣку и въѣхали на высокую земляную насыпь (дамбу), за которой находился уже самый давно желанный нами городъ. Радость, наполнившая въ это время мое сердце, едвали можетъ повториться когда-нибудь. Я чуть не плакалъ. Я, какъ невольникъ южныхъ штатовъ, счастливо достигшій свободныхъ сѣверныхъ, готовъ былъ даже цѣловать эту землю, на которой мнѣ впервые суждено будетъ почувствовать себя лицомъ свободнымъ и независимымъ больше отъ убивавшаго до сихъ поръ меня гимназическаго и домашняго деспотизма.

Мы остановились въ гостинницѣ.

— Ну, теперь нужно нѣсколько привести себя въ порядокъ, сказалъ намъ студентъ, развязывая чемоданъ: —а потомъ мы отправимся отыскивать своихъ пріятелей.

— А въ университетъ пойдемъ? спросили мы его въ одинъ голосъ.

— Да что тамъ дѣлать?

— Хоть посмотрѣть бы....

Digitized by Google

—Еще увидите! отвѣчалъ студентъ.

Умывшись и переодѣвшись, мы почти выбѣжали изъ гостинницы и отправились къ землякамъ.

—Далеко ли еще идти? нетерпѣливо допрашивали мы студента.

Онъ отвѣчалъ намъ жестомъ и продолжалъ шагать.

—Гдѣ они живутъ? У кого они живутъ? Съ кѣмъ они живутъ?... то и дѣло докучали мы.

—Вотъ увидите, таинственно пробормоталъ студентъ.

—По крайней мѣрѣ на какой улицѣ?

—Сейчасъ, сейчасъ. Вотъ здѣсь! торжественно возгласилъ онъ, входя на крыльцо небольшаго деревяннаго домика. Отворивъ обитую изорванной циновкой дверь, студентъ съ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши вбѣжалъ въ большую, но чрезвычайно грязную и плохо меблированную комнату. Мы слѣдовали за нимъ.

—Вотъ они! вотъ они! раздалось нѣсколько голосовъ нашихъ товарищей и земляковъ.

—Ну, какъ вы доѣхали? что у насъ на родинѣ новенькаго? когда подадите прошенія? допрашивали насъ.

Удовлетворивши любопытство нашихъ пріятелей, мы въ свою очередь принялись разспрашивать ихъ.

—Ну какъ экзамены?

—Плохо... нарѣзываютъ...

—Кого же нарѣзали?

—Да вотъ его нарѣзали изъ словесности, разсказывалъ одинъ гимназистъ, указывая на другаго:—спросилъ его профессоръ, кто былъ первый сатирикъ въ русской литературѣ? Онъ отвѣчалъ: Кантеміръ,—а профессоръ и запалилъ дубину.

Digitized by Google

—Это плохо.

—А меня нѣмецъ нарѣзалъ, продолжалъ разсказчикъ.—Я зналъ, что одну единицу можно получить на экзаменѣ, если балы изъ остальныхъ предметовъ хороши—вотъ я сдуру и не сталъ отвѣчать ему, говорю: „поставьте единицу, она мнѣ не помѣшаетъ"; а онъ взялъ да и влѣпилъ нуль; теперь пожалуй и не поступишь.

—Нѣтъ, тутъ какъ одинъ изъ исторіи экзаменовался... вступился другой гимназистъ.

—А что?

—Просто умора! Онъ, видишь ты, такъ-то хорошій человѣкъ, этотъ экзаменовавшійся—то, чуть-ли не пѣшкомъ, говорятъ, въ университетъ пришолъ и всѣ предметы отлично сдалъ, только исторію совершенно не приготовилъ. Досталось ему отвѣчать объ Александрѣ македонскомъ. Вотъ онъ и говоритъ: „Александръ македонскій былъ герой"... а потомъ и замолчалъ. Профессоръ началъ кричать на него, ну онъ совершенно растерялся, и, знаешь ли, до того дошелъ, что что-бы ему ни подсказали, онъ то и отвѣчаетъ.—Ну что же дѣлалъ Александръ македонскій? закричалъ профессоръ.—„Онъ воевалъ", отвѣчалъ экзаменовавшійся.—Съ кѣмъ же онъ воевалъ? опять закричалъ профессоръ:—да что же мнѣ вытягивать чтоли изъ васъ каждое слово прикажете?—Съ кѣмъ же онъ воевалъ? злобно спросилъ профессоръ. А тутъ кто-то на смѣхъ и подсказалъ: „съ Мамаемъ".—„Съ Мамаемъ"! „отвѣчалъ экзаменующійся. Экзаменаторъ расхохотался.—Ктоже былъ Мамай? хохоча во все горло крикнулъ профессоръ. Экзаменующійся уже окончательно сконфузился и сквозь слезы пробормоталъ: „Мамай былъ протестантъ".

Digitized by Google

Тотъ ему сейчасъ закатилъ нуль и выгналъ вонъ изъ зала.—Ахъ, какъ онъ бѣдный плакалъ потомъ! съ участіемъ прибавилъ разсказчикъ:—„Мнѣ, говоритъ, теперь придется куда-нибудь въ дьячки идти, потому-что я не кончилъ курса въ семинаріи“.

—Какъ же вы тутъ живете, въ этой комнатѣ? спросилъ я товарищей.

—Да вотъ въ четверомъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Платимъ за квартиру пять рублей въ мѣсяцъ, да за обѣдъ по рублю семидесяти пяти, потомучто здѣсь на обѣдъ даютъ довольно много и цѣлый обѣдъ стоитъ три съ полтиной, такъ мы беремъ вдвоемъ одинъ обѣдъ-вотъ на каждаго и приходится по рублю семидесяти пяти. Ну табакъ, свѣчи, чай, сахаръ, булки,—какъ ни считай, а на десять рублей едва-едва мѣсяцъ то промаячишь, особенно если еще и платье считать.—Нѣтъ! дорого вообще жить здѣсь, разсуждалъ онъ.

—А мы, братъ, ужь тутъ какъ-то кутнули, перебилъ другой: одного хересу бутылки три выпили.

—Да вотъ, если экзамены хорошо окончимъ, заговорилъ третій,—такъ пирушку зададимъ: наймемъ лодку, испечемъ пирогъ.

—Позвольте мнѣ, господа, заказать пирогъ! крикнулъ вдругъ нашъ попутчикъ студентъ, выбѣгая изъ другой комнаты, въ сопровожденіи двухъ другихъ незнакомыхъ студентовъ.

—Си! Карнѣичъ! Вотъ рекомендую вамъ такого-то, отрекомендовалъ меня студентъ незнакомцамъ.

Мы пожали другъ другу руки.

—Не пейте вы господа этого хересу, увѣщевалъ Карнѣичъ, высокій, плотный мужчина:—пейте бальзамъ

Digitized by Google

лучше: и дешево и сердито! А что, слышу, толкуютъ: хересъ... чортъ знаетъ, что такое!

—Вотъ что, господа, курочку чтоли или гуся нужно бы тогда зажарить? разсуждалъ одинъ изъ гимназистовъ.

—Да это еще когда будетъ; а теперь вотъ съ вновь пріѣхавшихъ нужно выпивку содрать, заговорилъ Си, густо откашливаясь въ широкую свою ладонь.

—Сдеремъ, сдеремъ. Нынче же вечеромъ! закричали всѣ хоромъ.

Мы согласились. Но прежде всего просили нашихъ товарищей показать намъ городъ и главное-университетъ. Тѣ начали одѣваться, а мы принялись разсматривать комнату и содержимое въ ней. Комната была довольно велика, въ три окна на улицу и въ два во дворъ. У одной стѣны стояли двѣ липовыхъ кровати грубой работы, а по другимъ стѣнамъ стулья изъ дуба, съ плетеными сѣтками вмѣсто подушекъ; вольтеровское кресло безъ четырехъ ногъ валялось въ переднемъ углу, и остатки ваты, которою когда-то были начинены его сидѣнье, бока и спинка, служили теперь для затыканія папиросъ. На кроватяхъ кромѣ тюфяка и подушекъ лежали различныя принадлежности туалета, наваленныя въ сплошную кучу. Грязное бѣлье, старые сапоги, чемоданы, книги и узлы, человѣческія кости, химическія реторты, склянки и банки—все это перемѣшанное между собой и покрытое толстымъ слоемъ пыли, валялось подъ кроватями. Два стола, сколоченные изъ некрашенныхъ липовыхъ досокъ, зеркало, разбитое лучеобразно въ мельчайшія дребезги, портретъ любимаго профессора на стѣнѣ-вотъ и все, что находилось въ этой комнатѣ.

Digitized by Google

—Кто же это у васъ такъ зеркало разбилъ? спросилъ я.

—Ахъ, знаешь ли, братъ, какая штука! съ восторгомъ воскликнулъ одинъ изъ моихъ гимназическихъ товарищей.—Тутъ есть одинъ башкиръ, силачъ, въ университетъ поступаетъ, такъ это онъ. Вообрази, онъ одной рукой поднялъ за ножку три вотъ этихъ стула,—ну тогда и разбилъ зеркало. Вотъ силища-то, скажу тебѣ—просто ужасъ.

—Нѣтъ ли у кого двухъ листовъ бумаги? спрашивалъ одинъ изъ студентовъ, жившихъ тоже въ этой комнатѣ.

—Зачѣмъ тебѣ? спросилъ гимназистъ.

—Да развѣ не знаешь... давай.

Тотъ далъ ему два листа. Я ожидалъ чего-нибудь необыкновеннаго, слушая этотъ таинственный разговоръ, между тѣмъ дѣло было очень простое: студентъ въ каждый листъ бумаги завернулъ по ногѣ, а потомъ препроводилъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ въ сапоги.

—Зачѣмъ вы это дѣлаете? спросилъ я его.

—Очень просто: потому что носковъ нѣтъ, отвѣчалъ студентъ:—и такъ какъ таковыхъ носковъ у меня не существуетъ уже больше полугода по причинѣ недостаточности моихъ средствъ и такъ какъ съ другой стороны занимать таковые у товарищей натурою или деньгами я не считаю удобнымъ для себя, то посему и нахожу отнюдь не предосудительнымъ и даже очень полезнымъ облачать свои ноги такимъ образомъ.—И проговоря эту тираду, студентъ всталъ со стула и принялся прохаживаться по комнатѣ, отчего бумага издавала какой-то скрипъ.

Digitized by Google

—Ну, а если у васъ не будетъ вицмундира, тогда вы и вицмундиръ изъ бумаги сошьете? спросилъ его кто-то.

—Отчего же? Можно.

—А зимой-то какъ же?

—Да вѣдь, батюшка, это все басни—теплое платье, носки и проч., съ запальчивостью обратился студентъ къ вопрошавшему:—нужда все сдѣлаетъ: обуетъ, одѣнетъ, согрѣетъ, нак.... Тутъ онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь. Блѣдное лицо его исказилось и глаза безпредметно запрыгали по комнатѣ.

—Что, хотѣлъ сказать—накормитъ, да оборвался? Нѣтъ, дружище, за нуждой-то вѣдь голодная смерть, а не кормежки, замѣтилъ ему другой его сожитель—студентъ.

—Ну, тогда пулю въ лобъ! съ азартомъ крикнулъ онъ.

—Да гдѣ же ты пистолетъ возмешь? Или и его опять таже нужда принесетъ?

—Хорошо, хорошо.. пойдемте, сказалъ студенъ въ бумажныхъ носкахъ и запѣлъ.

Эхъ, студенческая доля!
Эхъ, студенческая доля!
Въ головахъ вопросы.
Въ зубахъ папиросы,—
То-то воля....

Мы вышли изъ воротъ и повернули направо.

—Къ университету, къ университету! упрашивалъ я, перебѣгая отъ одного товарища къ другому.

Вотъ мы прошли нѣсколько шаговъ, повернули налѣво и глазамъ нашимъ предсталъ наконецъ универси-

Digitized by Google

тетъ. Онъ былъ выстроенъ довольно красиво, въ три этажа и съ тремя колонадами; на фронтонѣ вывѣска „такой-то университетъ“; большія окна и красивыя входныя двери дѣлали его внѣшній видъ еще привлекательнѣе, такъ что на первый разъ мнѣ, невидѣвшему никогда до тѣхъ поръ порядочныхъ зданій въ родномъ захолустьѣ, университетъ показался чѣмъ то грандіознымъ. Я долго не могъ оторвать отъ него своихъ глазъ, разсматривая его то весь, то по частямъ. Какіе же люди должны жить въ такомъ домѣ? что они должны думать? какія дѣла должны дѣлать? размышлялъ я, поминутно останавливаясь и глядя на величественное зданіе.

— Пойдемъ, пойдемъ, тащили меня товарищи.

— Еще успѣешь насмотрѣться.

— Будешь еще бѣгать отъ него! толковали они.

— Вонъ инспекторъ идетъ, вдругъ произнесъ кто-то.

— Гдѣ? гдѣ? спрашивали мы.

— А ты нечего спрашивать, ты шапку снимай, когда поровняемся, а то онъ въ университетъ не приметъ.

Мы поровнялись наконецъ съ какимъ-то господиномъ съ выпятившейся физіономіею и отвѣсили по поклону.

— Позвольте, господа, остановилъ насъ инспекторъ.

Всѣ стояли безъ шапокъ. Инспекторъ сначала осмотрѣлъ съ головы до ногъ студентовъ, потомъ обратился къ намъ.

— Изъ какой гимназіи? спросилъ онъ.

— Изъ такой-то, отвѣчали мы.

— Въ университетъ поступаете?

— Въ университетъ.

— Подали прошенія?

Digitized by Google

— Мы подали, отвѣчали двое,—а вотъ они еще не подали: они только нынче пріѣхали.

— Изъ хорошей гимназіи, сейчасъ вижу, замѣтилъ инспекторъ:—начальство уважаете.. безъ шапокъ стоите, это хорошо. Когда будете студентами, тоже снимайте фуражки передъ начальствомъ, когда вступаете съ нимъ въ разговоръ; если же въ шляпѣ идете, то нужно приложить правую руку къ кокардѣ,—вотъ такъ!—и инспекторъ показалъ намъ, какъ прикладывать руку къ кокардѣ.—Правилъ еще не получили? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, былъ отвѣтъ.

— Вотъ въ правилахъ все это изъяснено. Прощайте.

Инспекторъ удалился. Позади его шолъ, понуря голову, какой-то студентъ.

— Вонъ ужь поймалъ кого-то.

— Какъ поймалъ? спросили мы.

— Да такъ.. дѣлать то ему нечего, вотъ онъ и ходитъ по городу да удитъ: у кого пуговица оторвана, у кого крючекъ не застегнутъ, сейчасъ и тащитъ въ карцеръ.

— Да какже такъ? спрашивали мы:—этого даже у насъ въ гимназіи не было.

— А здѣсь бываетъ. Погодите, еще не разъ попадетесь къ нему на кукапъ, сволокетъ онъ васъ въ карцеръ, подсмѣивались надъ нами студенты.

До обѣда мы исколесили почти весь городъ. Обязательные товарищи съ радостью показали намъ всѣ его достопримѣчательности, начиная отъ вонючаго озера, около котораго имѣютъ обыкновеніе прогуливаться горожане, до знаменитой башни, съ которой будто бы когда то бросилась на землю какая то татарская царевна.

Digitized by Google

Обѣдать мы двое отправились въ гостинницу, въ которой остановились; а остальные всѣ пошли домой. Студентъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нами, тоже ушелъ куда-то, обѣщаясь вернуться къ вечеру и привести съ собою всѣхъ земляковъ, сколько ихъ есть въ университетѣ.

Наконецъ я заснулъ. Я проспалъ до самаго вечера. Шумъ и говоръ пришедшихъ земляковъ разбудили меня. Начались объятія, разспросы, возгласы и проч. Компанія собралась довольно большая, человѣкъ въ двѣнадцать. Тутъ были и окончившіе уже курсъ, и студенты двухъ и трехъ-годовалые, но большинство все-таки было на сторонѣ такъ называемыхъ футурусовъ, т. е. вновь поступающихъ.

Тотчасъ принялись за чай. Полилась оживленная бесѣда. Поступающіе разсказывали о своихъ экзаменахъ, студенты о лекціяхъ, разбирали достоинства и недостатки профессоровъ, и поголовно всѣ бранили инспектора. Кромѣ того, называли тряпкой кой кого повыше.

— Ты что „замолкъ и сидишь одиноко"? спросилъ студентъ филологическаго факультета другого студента, медика.

— Грустно что-то, отвѣчалъ тотъ.

— Да объ чемъ грустить-то? спросилъ филологъ.

— Такъ..

— Вотъ, господа, обратился филологъ ко всей компаніи:—рекомендую вамъ рѣдкое явленіе—субъектъ, заѣденный средою. Я васъ увѣряю, я едва не умеръ, когда онъ объявилъ мнѣ, что онъ заѣденъ средою.

— Да пожилъ бы ты при моихъ обстоятельствахъ....

— Какія же такія твои обстоятельства?

Digitized by Google

— Ѣсть нечего, пить нечего, ходить не въ чемъ! рѣзко выкрикнулъ студентъ и всталъ съ мѣста. Голосъ его дрожалъ, слезы такъ и блестѣли на глазахъ.

— Боже ты мой, Господи. „Твои обстоятельства“.. Да что, его обстоятельства лучше чтоли твоихъ? онъ указалъ на студента въ бумажныхъ носкахъ:—что, обстоятельства извѣстнаго намъ Петра Федорыча лучше твоихъ?.. Еслибъ я хотѣлъ, я бы насчиталъ тебѣ цѣлые десятки бѣдняковъ. которые борются съ обстоятельствами далеко худшими, чѣмъ твои.

— Тебѣ хорошо говорить: ты обезпеченъ.

— Прекрасно. Я обезпеченъ, я нахожусь въ исключительномъ положеніи; но зачѣмъ же ты-то все хочешь меня въ примѣръ брать? зачѣмъ ты не подражаешь тѣмъ бѣднякамъ, которые подобно тебѣ стѣснены обстоятельствами? Посмотри: вотъ одни изъ нихъ согнулись, зачахли подъ этимъ гнетомъ, но все идутъ впередъ и впередъ, все выбиваются и выбиваются изъ этого омута, и выбьются, непремѣнно выбьются. Вотъ другіе, такіе же чахлые и исхудалые, если даже еще не больше,— эти стоятъ неподвижно, обстоятельства давятъ и душатъ ихъ съ каждымъ днемъ все больше и больше; но они ни крикомъ, ни словомъ, ни движеніемъ не указали никому на свое тяжелое положеніе; они погибнутъ, умрутъ, если случайность не выхватитъ ихъ изъ этого ада, но никогда не завоютъ и не пожалуются. Вотъ это люди, вотъ это характеры, вотъ это энергія. Въ ту или другую сторону, такъ или иначе, жизнь или смерть.. но когда видѣнъ человѣкъ—хвала ему! а тряпица.. чортъ съ ней! пусть пропадетъ! заключилъ филологъ и махнулъ рукой.

Digitized by Google

— Было бы чѣмъ взяться, и я бы съумѣлъ выбиться, пробормоталъ его противникъ.

— Не выбьешься, не выбьешься! рѣшительно возразилъ ему филологъ.

— Ты вѣдь въ своемъ положеніи похожъ на корову, упавшую въ яму: если другіе не помогутъ, она сама не вылѣзетъ. Ну, корову-то разумѣется вытащатъ: ее доить можно, она и на мясо годится; а изъ тебя какого чорта выкроишь?

— Среда заѣла, среда заѣла.... помолчавъ, опять заговорилъ онъ—обстоятельства задавили.. Нѣтъ, вотъ Петръ Федорычъ пѣшкомъ, съ однимъ рублемъ вышелъ изъ родного города въ университетъ, цѣлый годъ прожилъ въ какомъ-то хлѣвѣ у благодѣтеля—чортъ бы его взялъ и съ благодѣяніями. Голодный, больной, замерзшій бродилъ на лекціи, успѣлъ выучить языки, досталъ себѣ работу, сколотилъ даже деньженки, которыя вамъ же даетъ взаймы, помогаетъ роднымъ.. Вотъ это натура. Этотъ не побоится среды. Онъ можетъ даже похвалиться, что слопалъ ее; да еще и не одну свою: онъ и до вашей доберется.. Увидишь, какъ года черезъ два онъ будетъ держать на своихъ плечахъ человѣка два—три такихъ, какъ ты,—увидишь.

— Увижу, увижу, съ досадою отвѣчалъ противникъ.

— Да что съ тобой говорить. Всѣ вы, заѣденные средою, не стоите право даже одного изъ тѣхъ лаптей, въ которыхъ несчастный Петръ Федорычъ пришелъ изъ дому въ университетъ и надъ которыми по глупости вы когда-то смѣялись. Дайте-ка, хозяева, чего нибудь выпить, дѣло то лучше будетъ! обратился къ намъ филологъ.

Явилась водка и закуска.

Digitized by Google

— Господа, прежде всего: libertas est! заговорилъ вдругъ, вырѣзавшись изъ толпы, одинъ изъ гимназическихъ моихъ товарищей.—Каждый можетъ проявлять свои наклонности, какъ ему угодно.

— Разумѣется, разумѣется! раздались голоса.

— Но по моему мнѣнію сначала необходимъ нѣкоторый деспотизмъ: всѣ должны выпить по одной, предложилъ филологъ.

— Отлично сказано.

— Деспотизмъ, деспотизмъ!

— Всѣмъ, всѣмъ пить! закричали хоромъ.

Компанія развеселилась. Нѣкоторые даже начали ужь напѣвать.

— А не грянуть ли хоромъ?

— Можно, можно.

— Только тихонько.

— Что же пѣть будемъ?

— „Gaudeamus“.. „Стою одинъ я предъ избушкой“.. „Въ тѣни сикоморы“.. кричали съ разныхъ сторонъ.

Составился хоръ и рѣшили спѣть „Въ тѣни сикоморы“.

— Ты смотри вотъ съ этой ноты начинай: „о-о-о! (регентъ загудѣлъ басомъ). А вы двое вотъ съ этой: и-и-и! (регентъ запѣлъ теноромъ). А вы остальные всѣ за ними. Ну, начинайте.

Раздалась пѣсня. Воодушевленіе помѣшало намъ замѣтить даже нестройность нашего хора. Всѣ до того увлеклись, что незамѣтно перепѣли весь студенческій репертуаръ: старые студенты учили насъ молодыхъ, мы слушали ихъ замѣчанія и совѣты и драли горло съ такимъ усердіемъ, что даже поселили нѣкоторое уваженіе

Digitized by Google

къ себѣ въ прислугѣ, увѣрявшей, что „молодые-то господа ловчѣе старыхъ чкалятъ“.

Наконецъ все было спѣто, выпито и съѣдено. Нѣкоторые изъ гостей, повалившись кто гдѣ могъ, уже покоились мирнымъ сномъ, а другіе горячо спорили между собою, кто объ томъ, на кого больше похожъ инспекторъ: на свинью или борова? кто объ томъ, гдѣ лучше жизнь: на Маркизскихъ островахъ или на Мадагаскарѣ? Одинъ увѣрялъ, что какой-то помощникъ назвалъ кислородъ металломъ, а другой оспаривалъ его, крича во все горло: врешь, не кислородъ, а азотъ.

— Ну пойдемъ, пойдемъ, господа домой! наконецъ вымолвилъ кто-то.

— Пойдемъ, крикнули нѣсколько человѣкъ.

Забрали уснувшихъ, совратившихся съ пути истиннаго повели подъ руки, и комната наконецъ опустѣла.

М. Вороновъ.

Digitized by Google

Изъ воспоминаній о Казани. (1849—1859 г.г.).

Посвящается памяти Ф. О. Елачича.

Въ будущемъ 1904 году празднуется столѣтіе Казанскаго Университета. Мнѣ просто не вѣрится, что цѣлое полъ-вѣка прошло съ того времени, какъ я окончилъ въ немъ курсъ на математическомъ факультетѣ. И вотъ на склонѣ лѣтъ, принужденный болѣзнью не покидать своего кабинета, невольно въ головѣ моей поднимается цѣлый рой воспоминаній о родномъ Университетѣ. Помню я съ какимъ трепетомъ, почти мальчикомъ, безъ всякихъ средствъ я въѣзжалъ въ Казань, какъ сначала мнѣ трудно было пробивать себѣ тамъ дорогу. Цѣлый рядъ дорогихъ для меня лицъ проносится передо мной, съ благоговѣніемъ вспоминаю имена своихъ славныхъ профессоровъ, которыми и нынѣ-бъ гордился любой Европейскій Университетъ: Лобачевскій, Поповъ, Котельниковъ, Ковалевскій, Симоновъ.... Вѣчная вамъ память и спасибо вамъ отъ всѣхъ вашихъ многочисленныхъ слушателей, на которыхъ вы проливали свѣтъ вашихъ глубокихъ знаній. Но какъ это ни странно съ перваго взгляда, черезъ полъ-вѣка не менѣе ярко, скажу даже прямо, значительно ярче своихъ дорогихъ профессоровъ въ моемъ представленіи возстаетъ типичный

Digitized by Google

образъ профессора, ничего общаго съ математикой не имѣющаго, оперативной хирургіи Ф. О. Елачича, этого столпа Казанскаго Университета вообще и медицинскаго факультета въ особенности. И нѣтъ въ томъ ничего удивительнаго, что этотъ образъ почти заслоняетъ въ моихъ воспоминаніяхъ всѣ другіе, такъ какъ вскорѣ по прибытіи въ Казань я сталъ обучать дѣтей Елачича и даже поселился въ его домѣ, послѣ чего вплоть до своего отѣзда изъ Казани, до 1859 года, не переставалъ быть близкимъ къ его домашней жизни. Вотъ почему, вспоминая о Казани, объ Университетѣ, я чувствую нравственную потребность передать объ этой крупной личности все то, что сохранилось въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что, сколько я помню, во всѣхъ воспоминаніяхъ бывшихъ питомцевъ Казанскаго Университета мнѣ ни разу не случалось читать что либо о Елачичѣ. Объясняю это я себѣ тѣмъ, что врачи за немногими исключеніями (вспомнимъ Пирогова) рѣдко пишутъ свои воспоминанія, а бывшіе юристы, какъ наиболѣе склонные къ литературной дѣятельности, упоминаютъ естественно только о своихъ профессорахъ и совершенно умалчиваютъ о медицинскомъ факультетѣ и его дѣятеляхъ. Оно и понятно: студенты медики въ Казани всегда были обособлены отъ слушателей всѣхъ другихъ факультетовъ, такъ какъ они занимались всегда въ особыхъ отъ другихъ помѣщеніяхъ—анатомическомъ театрѣ и Клиникѣ.

Клиника! Какъ теперь помню то впечатлѣніе, которое это высокое большое зданіе, стоящее отдѣльно отъ Университета произвело на меня, какое почти суевѣрное благоговѣніе оно возбуждало въ насъ, непричастныхъ къ медицинскому факультету:—это царство Ела-

Digitized by Google

чича, здѣсь онъ проводитъ полъ дня, читаетъ лекціи, ежедневно оперируетъ, окруженный ассистентами и толпою студентовъ. Конечно, въ настоящее время, по современнымъ требованіямъ науки медицины и самое строеніе, можетъ быть, не удовлетворяетъ предъявляемымъ къ такимъ учрежденіямъ требованіямъ. Но, если принять во вниманіе, что она выстроена въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія, когда и въ Петербургѣ и въ Москвѣ мало было такихъ научныхъ учрежденій, которыя могли равняться съ нею по своему сравнительному совершенству, тогда нельзя не отдать должнаго энергіи Елачичу, которому удалось довести это дѣло до конца. Если принять въ соображеніе, какъ туго ассигнуются деньги на университетскія потребности теперь, то въ царствованіе Императора Николая I, при такихъ государственныхъ дѣятеляхъ, какъ Клейнмихели и Магницкіе, трудности очевидно были совершенно иного рода. Въ то время еще сохранилась память объ этомъ: разсказывали, что Елачичъ, назначенный по конкурсу 25 лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ прямо ординарнымъ профессоромъ въ Казань, спеціально былъ предварительно командированъ за границу для ознакомленія съ современными научными требованіями клиники, что ему-же поручено было и оборудованіе ея. Всѣ инструменты были имъ лично куплены, на сколько помнится, въ Парижѣ у Шаріера.

Бросая ретроспективный взглядъ, можно себѣ представить, какимъ обаяніемъ долженъ былъ пользоваться Елачичъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда онъ являлся единственнымъ представителемъ истинной науки и былъ окруженъ бездарнѣйшими невѣждами, отживав-

Digitized by Google

шими свой вѣкъ и по своимъ познаніямъ уступавшимъ— теперешнимъ хорошимъ фельдшерамъ. Поэтому неудивительно, что Елачичъ въ скоромъ времени сдѣлался свѣтиломъ не только въ городѣ Казани, но и на все Поволжье, мало того,—на всю Сибирь, тѣмъ болѣе, что онъ не только былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ хирурговъ своего времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и терапевтомъ-діагностомъ.

Проживая, какъ уже я сказалъ, въ его домѣ, я имѣлъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ возможность быть невольнымъ свидѣтелемъ его, если можно такъ выразиться, „служебнаго дня", потому что каждый день былъ для него служебнымъ, такъ какъ, не смотря ни на какую погоду и на какіе либо праздники и торжества, онъ не отмѣнялъ своихъ обязательныхъ занятій—въ клиникѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи и ежедневно дѣлалъ массу операцій, ни своихъ обычныхъ визитацій въ городѣ, не только по утрамъ, но и послѣ обѣда; впрочемъ, позднѣе, когда здоровіе его отъ усиленныхъ занятій пошатнулось, онъ по вечерамъ уже не выѣзжалъ, а принималъ больныхъ на дому. Число произведенныхъ имъ операцій въ клиникѣ было по истинѣ громадно. Маленькое понятіе объ этомъ можно себѣ составить по тому одному, что, какъ мнѣ разсказывалъ одинъ Казанскій профессоръ-медикъ, нынѣ въ клиникѣ имѣется отдѣльный шкапъ, въ которомъ помѣщается свыше 3000 извлеченныхъ имъ камней, причемъ нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ своею величиною. Кромѣ того, помню въ то время и еще объ одной операціи надѣлавшей много шуму: вырѣзаніе рака изъ матки беременной женщины, которая впослѣдствіи родила живого ребенка. Не надо забывать, что произ-

Digitized by Google

водство операціи въ то время не можетъ итти въ сравненіе по трудности, искусности оператора съ теперешнимъ: въ настоящее время, благодаря великимъ открытіямъ Пастера и Листера,—антисептики – въ уѣздныхъ земскихъ больницахъ нерѣдко дѣлаютъ такія операціи, на которыя полъ вѣка тому назадъ не всегда рѣшались въ Университетскихъ клиникахъ. Не только не было въ то время никакой антисептики, даже хлороформа еще не было въ употребленіи. И въ этомъ отношеніи Елачичъ былъ піонеромъ хирургіи: Въ Казани онъ первый вмѣстѣ съ магистромъ химіи и провизоромъ Грахе добылъ хлороформъ и сталъ примѣнять его при производствѣ операцій.

Но возвращаюсь къ описанію „служебнаго дня“ Елачича. Уже съ восьми часовъ утра я видѣлъ, что его крыльцо начинали осаждать разныя лица: то были большей частью посланные, которые приглашали его къ больнымъ. Ровно въ девять выходилъ профессоръ въ своемъ ергакѣ (дохѣ), какъ зимою, такъ и лѣтомъ, и садился въ свой экипажъ, крытую пролетку или сани, на козлахъ котораго неизмѣнно сидѣлъ кучеръ-калмыкъ Васька; типичная фигура этого монгола хорошо была извѣстна всей Казани, и бывало по немъ всегда знали, у кого изъ многочисленныхъ своихъ паціентовъ находился Елачичъ, и нуждающіеся въ немъ караулили его выходъ изъ дома. Покончивъ съ обязательными занятіями и визитаціями, онъ возвращался къ пяти часамъ дня домой и послѣ скромнаго обѣда отдыхалъ одинъ часъ, послѣ сего вечеромъ онъ вновь ѣздилъ къ тѣмъ больнымъ, которые особенно нуждались въ его помощи, или-же принималъ на дому больныхъ или докторовъ, кото-

Digitized by Google

рые приходили консультировать его на счетъ своихъ паціентовъ. Обыкновенно около 10 часовъ вечера онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и до поздней ночи проводилъ время за чтеніемъ своихъ спеціальныхъ журналовъ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которые онъ зналъ въ совершенствѣ (русскихъ медицинскихъ журналовъ тогда еще не было), слѣдя со вниманіемъ за развитіемъ не только спеціально медицины, но и всѣхъ естественныхъ наукъ, особенно химіи, которую онъ зналъ не хуже профессоровъ химіи. Нерѣдко возвращаясь съ ночныхъ наблюденій изъ физической обсерваторіи Университета около двухъ часовъ ночи, я еще замѣчалъ огонь въ кабинетѣ профессора и слышалъ его шаги, такъ какъ моя комната помѣщалась подъ его кабинетомъ. О количествѣ прочитанныхъ имъ медицинскихъ книгъ отчасти можно судить по той медицинской библіотекѣ, пожертвованной, какъ мнѣ передавали, послѣ его смерти въ Университетскую библіотеку, занимающую тамъ особый шкафъ съ надписью „библіотека профессора Елачича“.

И такъ—изо дня въ день.

Въ 1859 году я покинулъ Казань, и съ тѣхъ поръ обстоятельства не позволили мнѣ ни разу посѣтить этотъ дорогой для меня городъ, гдѣ я провелъ лучшіе годы моей жизни. Лишь недавно мнѣ удалось встрѣтиться съ однимъ изъ сыновей Елачича, моимъ бывшимъ ученикомъ, а нынѣ уже мужемъ почтеннаго возраста и отъ него я узналъ нѣкоторыя подробности о послѣдующей жизни Ф. О. Елачича.

До 1885 года онъ продолжалъ за небольшими измѣненіями ту-же трудовую жизнь, посвященную оказанію

Digitized by Google

помощи больнымъ, которые все съ такимъ-же довѣріемъ относились къ его „непогрѣшимому“ діагнозу. Съ 1885 года у него начался склерозъ, онъ ослѣпъ, сильно страдалъ, но свѣтлый умъ и удивительную память онъ сохранилъ до послѣднихъ дней. Умиралъ онъ какъ стоикъ: онъ съ часа на часъ слѣдилъ за ходомъ своей болѣзни, впередъ предсказалъ сначала мѣсяцъ, а затѣмъ и самый день своей кончины. За три дня до смерти призвалъ къ себѣ ксендза (онъ былъ католикомъ, происходилъ изъ австрійскихъ славянъ, изъ фамиліи Елачичъ столь извѣстной въ Австріи по войнѣ 1848 года, когда банъ Елачичъ игралъ тамъ видную роль), послѣ чего совсѣмъ отрѣшился отъ всего земного и отказался дѣлать какія либо распоряженія.

Скончался онъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1888 г. восьмидесяти лѣтъ отъ роду.

Да, посмотрю на теперешніе провинціальные университеты: несомнѣнно средній уровень ихъ значительно выше, чѣмъ онъ былъ полъ-вѣка тому назадъ, но.... такихъ столповъ какъ Лобачевскій и Елачичъ въ нихъ нѣтъ, да и..... не будетъ.

А. Г. Князевъ.

Ноябрь 1903 г.
С.-Петербургъ.

Digitized by Google

Воспоминанія А. С. Гацискаго объ А. М. Бутлеровѣ, С. В. Ешевскомъ и др. профессорахъ 1850-хъ годовъ *).

Въ 1855 году я кончилъ курсъ въ нижегородской гимназіи. Отъ насъ, гимназистовъ, отбирали подписку „о родѣ избранія жизни... Кто росписывался въ военную службу, кто—въ гражданскую. Мнѣ почему то очень нравился голубой студенческій воротникъ.

Цвѣтъ лазури, цвѣтъ небесъ,
Цвѣтъ студентовъ, цвѣтъ повѣсъ,

и я, не колеблясь, написалъ, что желаю поступить въ университетъ. Но этого было мало: начальство требовало назвать факультетъ. Я и тутъ нашелся: неумѣренно предаваясь стихоплетству и зная отъ нашего учителя словесности, что есть историко-филологическій факультетъ, я его избралъ „своимъ родомъ жизни". Такое легкое опредѣленіе своего будущаго призванія дѣлалось такъ скоро потому, что передъ самымъ окончаніемъ курса мнѣ исполнилось всего 17 лѣтъ, и если теперешнюю молодежь

*) «Казанскій Литературный Сборникъ» 1878 г.

Digitized by Google

иногда упрекаютъ въ чрезмѣрной практичности, то мы уже вовсе были свободны отъ подобнаго упрека.

17 іюля сѣлъ я на буксирный пароходъ „Волна“ (спеціально-пассажирскіе пароходы тогда еще по Волгѣ не ходили) и былъ сильно польщенъ тѣмъ, что ѣхавшій на немъ же въ Казань старый студентъ, медикъ Г., первый со мною познакомился и обращался со мною, какъ съ ровней. Узнавши, что я намѣренъ поступить на историко-филологическій факультетъ, Г. убѣдилъ меня (не помню ужъ, какими доводами), что всего лучше избрать камеральный разрядъ юридическаго факультета.

На третій день къ вечеру увидали мы Казань. По дамбѣ, по которой теперь ходятъ кареты конно-желѣзной дороги, въ то время никто не ѣздилъ, предпочитая ей дорогу лугами. Мы наняли ломоваго извозчика, сложили на его телѣгу свои пожитки и усѣлись на нихъ. Поднявшись на воскресенскую улицу, я оставилъ Г. и помѣстился въ номерахъ Акчурина (теперешній Hôtel de France) давши Г. слово быть у него на другой день часовъ въ 10 утра. До сумерекъ оставалось еще часа полтора, и потому я пошелъ прогуляться, но, увидавъ въ лавкахъ гостиннаго двора студенческія шпаги, не утерпѣлъ, купилъ себѣ это соблазнительное оружіе, магически превращавшее гимназиста-мальчишку въ студента, и, забывъ о прогулкѣ, пошелъ домой, провозившись вечеръ со шпагой, какъ обезьяна съ очками.

У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ двоимъ-троимъ профессорамъ, частью товарищамъ моего отца по виленскому университету, частью знакомымъ ему по экзамену его на званіе акушера, который онъ держалъ въ казанскомъ университетѣ за годъ передъ

Digitized by Google

тѣмъ. Положивъ эти письма въ карманъ, съ цѣлью узнать адресы профессоровъ отъ Г., я отправился къ нему въ условленный часъ.

Маленькія квартирки, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ жили студенты, назывались тогда скитами. Въ одномъ изъ такихъ скитовъ (кажется, подъ названіемъ назарьевскаго), на Большой Лядской, на искосокъ отъ дома тогдашняго профессора богословія въ университетѣ Владимірскаго (теперь—въ 1878-году—ректора казанской духовной академіи), жилъ Г. съ товарищемъ своимъ, тоже нижегородцемъ В. Черезъ темныя сѣни вошолъ я въ коморку, окнами на грязный дворъ, съ волнообразнымъ поломъ и непроницаемой копотью на облупившейся штукатуркѣ. Все убранство скита состояло изъ стола, 2—3 прыгающихъ стульевъ, да какого то подобія кушетки. На столѣ валялись обрывки лекцій, кусочки сахара, лежалъ неизбѣжный синій картузъ съ табакомъ „Васьки Жукова“ и возвышалась бутылка краснаго рома: рядомъ съ нею стояла, кажется, единственная цѣнная вещица въ скиту—серебряная чарочка.

При входѣ моемъ, Г. стоялъ передъ крупной бѣлокурой фигурой малаго лѣтъ 26, распростертаго въ одномъ бѣльѣ на кушеткѣ, и о чемъ то ораторствовалъ.

— Вотъ и новичекъ нашъ, сказалъ Г., увидавъ меня. —Вотъ, Николай Иванычъ, представляю тебѣ сего юношу. Поступаетъ въ университетъ. Со-временемъ будетъ хорошимъ студентомъ.

— Ну, если ты, братъ, хорошій человѣкъ—выпьемъ, сказалъ мнѣ В. и протянулъ мнѣ свою мускулистую руку.. Ромъ пьешь?

Digitized by Google

Сказать „пью“ я боялся потому, что представлялъ себѣ ромъ, о вкусѣ котораго не имѣлъ понятія, неиначе, какъ огненной струей, входящей въ глотку: сказать „не пью“—значило сознаться, что я мальчикъ, еще не достойный носить студенческаго воротника.

Я твердо сказалъ „пью“—и выпилъ, и глупо вытаращилъ глаза. Но, чтобы не ударить въ грязь лицомъ, прибавилъ, что и „по другой“ можно

Прошлись и по другой, и по третьей и по четвертой.....

Выпивай, братъ, выпивай,
Дружбу лишь не забывай.
Наливай, братъ, наливай,
Все до капли выпивай.

Кончилось, конечно, тѣмъ, что мы всѣ перепились, какъ говорится, „до положенія ризъ“.

Ужь ночью, когда мои новые товарищи спали богатырскимъ сномъ, я проснулся и съ-пьяна рѣшилъ, что я еще не видалъ города, что долженъ осмотрѣть его..... Кое-какъ пріодѣвшись, вышелъ я на улицу. Свѣтало, накрапывалъ мелкій дождь: какими то судьбами, проколесивъ по незнакомымъ улицамъ, набрелъ я на номера, въ которыхъ остановился, узналъ ихъ, достучался и завалился спать.

Проснулся я въ очень непріятномъ расположеніи духа. Мнѣ было очень стыдно. Мнѣ очень не хотѣлось увидаться снова со вчерашними собутыльниками, но я все-таки рѣшился идти къ нимъ, чтобы узнать адресы профессоровъ, о которыхъ, разумѣется, забылъ спросить, и, вообще, потолковать о томъ, какъ мнѣ поступить въ

Digitized by Google

университетъ, какъ писать прошеніе, кому его подавать и т. п.

Пошолъ. Оба были уже на ногахъ и сидѣли уже за водкой, въ компаніи съ новымъ лицомъ, оказавшимся, однако, мнѣ знакомымъ: то былъ уже кончившій курсъ студентъ, то же нижегородецъ Ж., въ студенческой фуражкѣ на головѣ и въ какой-то женской шелковой кацавейкѣ на плечахъ.

Онъ меня тоже узналъ. Я пожаловался на дурное расположеніе духа.

— Опохмѣлиться нужно, рѣшилъ Ж., и налилъ мнѣ чарочку.

Похмѣлье кончилось тѣмъ, что снова „день былъ исключенъ изъ жизни".

Еще разъ я уже былъ не въ силахъ „опохмѣляться" и кое-какъ розыскалъ одного изъ профессоровъ, къ которому имѣлъ письмо. Профессоръ К. принялъ меня очень радушно, продиктовалъ мнѣ самъ прошеніе, отослалъ его къ ректору и уговаривалъ переѣхать изъ номеровъ къ себѣ. Не смотря на все радушіе К., я его ужасно боялся, мнѣ казалось, что онъ уже знаетъ, что я цѣлыхъ два дня пропьянствовалъ, и только притворяется добрякомъ, а какъ залучитъ меня къ себѣ, возьметъ, да и высѣчетъ.

Какъ только мнѣ объявили, что всѣ бумаги мои въ исправности, что я буду принятъ въ университетъ безъ экзамена, на что я, по тогдашнимъ правиламъ, имѣлъ право, я тотчасъ уѣхалъ, даже не простившись съ Г. и В., обратно въ Нижній, такъ какъ до начала лекцій оставалось почти еще два мѣсяца, а Казань мнѣ просто опротивѣла.

Digitized by Google

Въ концѣ августа, я снова пріѣхалъ въ Казань, написавши, конечно, по этому поводу, множество раздирательныхъ стихотвореній, преимущественно „къ ней“, въ которыхъ говорилось все въ родѣ того, что

Вѣрите ль? Когда объ васъ мечтаю,
Чудится, что руку кто-то жметъ..

Къ счастью для потомства, цѣлыхъ ворохъ моихъ упражненій въ поэзіи впослѣдствіи пропалъ.

По пріѣздѣ въ Казань, я аккуратно ходилъ на лекціи, посѣщалъ даже чтенія лектора французскаго языка, г. де-Плэньи (9-й часъ), до такой степени, по обычаю, не обязательныя, что аудиторія его была всегда совершенно почти пуста, знакомствъ съ студентами я не заводилъ, боясь оргій.

Камеральный разрядъ юридическаго факультета былъ смѣсью всевозможныхъ наукъ: рядомъ съ государственнымъ правомъ читалась ботаника, съ исторіей—зоологія, съ политической экономіей—химія и т. д. Я чувствовалъ большое нерасположеніе къ такой смѣси и въ первое же полугодіе подумывалъ о перемѣнѣ факультета, склоняясь къ чисто-юридическому и еще болѣе—къ историко филологическому, на который „подписался“ еще въ гимназіи. Но меня отговорилъ отъ моего желанія—кто бы могъ это подумать—покойный В. И. Григоровичъ, котораго я встрѣтилъ однажды вечеромъ у бывшаго казанскаго почтмейстера Дубровскаго сидящимъ вмѣстѣ съ какимъ то іеромонахомъ и толковавшимъ о Афонѣ. Думаю, что мотивы свои Викторъ Ивановичъ главнымъ образомъ почерпнулъ, глядя на мою черезъ-чуръ юную и, какъ нѣкоторые выражались, „конфектную физіономію“, далеко не историко-филологическаго выраженія. Къ Виктору Ивановичу я

Digitized by Google

чувствовалъ величайшее почтеніе, впослѣдствіи еще болѣе осмысленное, когда я съ нимъ имѣлъ случай довольно близко сойдтись (около двухъ мѣсяцевъ я даже жилъ съ нимъ въ одной квартирѣ) и потому я безпрекословно послушался его и остался на „богоспасаемомъ“ камеральномъ и порхалъ вмѣстѣ съ своими товарищами изъ „ивановской“ аудиторіи въ химическую лабораторію, отъ С. В. Пахмана къ Н. П. Вагнеру и т. д. Витія ивановской аудиторіи, Н. А. Ивановъ, читавшій русскую исторію, произвелъ на меня какое то странное впечатлѣніе: онъ пользовался своей прежней славой, а я положительно, какъ ни силился, не могъ увлекаться его лекціями, казавшимися мнѣ холодными, ходульными, но молчалъ, въ виду общаго поклоненія ему, которое, однако, мгновенно испарилось, когда со втораго семестра его замѣнилъ у насъ С. В. Ешевскій, привлекшій въ свою аудиторію не только полный составъ своихъ обязательныхъ слушателей, но и медиковъ, никогда не появлявшихся въ такъ называемыхъ общихъ аудиторіяхъ.

Чтенія С. В. Пахмана (государственное право) или, вѣрнѣе сказать, философскіе термины, обильно разсыпанные въ этихъ чтеніяхъ, мнѣ до нельзя нравились, такъ какъ я питалъ слѣпую привязанность къ философіи и даже находилъ какое то необъяснимое удовольствіе въ чтеніи такихъ философскихъ сочиненій, которыя плохо понималъ.

Къ химіи я не чувствовалъ никакой склонности, но съ большимъ удовольствіемъ слушалъ (именно только слушалъ) лекціи А. М. Бутлерова, который такъ мастерски ихъ читалъ, что можно было слушать ихъ, какъ музыку. Такое „слушанье“ имѣло для меня результатомъ

Digitized by Google

полученіе на репетиціяхъ (передъ рождественской вакаціей) единицы. Чтобы поправиться, я сталъ заниматься со второй половины полугодія, въ химической лабораторіи, но вплоть до экзаменовъ все добывалъ марганцовую кислоту и такъ и не добылъ, и не болѣе успѣшны были и занятія моихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ возился все съ молочной кислотой, которую также никакъ не могъ получить, такъ какъ къ приносимому имъ молоку прибавлялись калачи, и молочная кислота добывалась уже естественнымъ путемъ—въ нашихъ желудкахъ. Практическія наши занятія кончились тѣмъ, что мы какъ то перепортили работы самого Александра Михайловича, за что онъ насъ чуть не прибилъ.....

Посѣщалъ я также лекціи профессоровъ и не своего факультета: на нѣкоторыя ходилъ вслѣдствіе возбуждаемаго ими во мнѣ интереса (напр. къ В. И. Григоровичу), на другія—ради курьеза. Такъ, помню вступительную лекцію по римскому праву. Кривой профессоръ опрометью взбѣжалъ на кафедру, развернулъ массу засаленныхъ тетрадокъ и быстро, быстро—съ безпрестанными, однако, запинками, началъ читать:

— „Рымское Право. Р—большое, П—большое, пунктумъ.... Это запшыте сэбэ на бокѣ“!

Или далѣе:

— „Рымляне ымэли своего архіеррэя, краго (профессоръ читалъ сокращенно—краго, а не котораго, какъ для него переписаны были лекціи) называли: верховый жэрэбэцъ“...

Профессоръ уголовнаго права, тоже нѣмецъ (и, говорили, очень ученый—по нѣмецки), доказывалъ преимущество суда присяжныхъ слѣдующимъ образомъ:

Digitized by Google

—„Когда-то, одна молодая дэвушка билла обвинээма въ ужаснэйшемъ прреступлэніи, самымъ сквернэйшимъ образомъ учинэннаго.... Когда то, гдѣ то нашлли какую то кашу чэловэческихъ костей и ммяса.. И ссудъ приссэшныхъ опрафталъ ее“.

Въ годъ моего поступленія въ университетъ, перешолъ изъ казанскаго университета въ дерптскій П. Д. Боборыкинъ и прислалъ намъ изъ Дерпта обширное письмо листахъ на десяти, адресованное всѣмъ студентамъ казанскаго университета. Въ немъ онъ громилъ казаньщину, проводивъ параллель между нею и Дерптомъ. Письмо, помнится, написано было мастерски, но мы обидѣлись имъ, хотѣли отвѣчать, но не отвѣтили, видно, потому, что нечего было отвѣчать, а обидѣлись потому, что правда глаза колола: не щадились профессора, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, о которыхъ ничего нельзя было сказать дурнаго, но не щадились и студенты съ ихъ бездѣльничаніемъ и повальными кутежами.

Моя уединенная жизнь продолжалась только въ теченіе перваго полугодія, со втораго я сошелся со многими товарищами и вошолъ во вкусъ тогдашняго студенческаго быта, преимущественно выражавшагося, за отсутствіемъ другихъ интересовъ, въ дружныхъ попойкахъ, въ ночныхъ прогулкахъ по улицамъ съ громкими пѣснями. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что тому кружку, въ которомъ я вертѣлся, не были чужды, если не научные, то литературные интересы (для меня лично „развеселое“ студенческое житье умѣрялось еще тѣмъ, что я писалъ разныя студенческія сценки, стихи на случай и, кромѣ того, довольно аккуратно велъ свой дневникъ, сохранившійся и до сихъ поръ въ видѣ объ-

Digitized by Google

емистой тетради листовъ въ 50, на основаніи котораго когда нибудь разскажу студенческое житье 50-хъ годовъ по-подробнѣе). Мы сходились не рѣдко и для литературныхъ чтеній, на которыхъ читали и спорили о прочитанномъ, въ антрактахъ пѣли хоромъ (пѣли мы, правду сказать, очень хорошо: разъ на бульварѣ, хоромъ человѣкъ въ 30, мы восхитили С. В. Пахмана, другой разъ, на горахъ, въ Адмиралтейской слободѣ, во время масляницы, до такой степени увлекли А. М. Бутлерова, что онъ бросилъ свои салазки, до которыхъ былъ страстный охотникъ, и, присоединившись къ намъ, усердно подпѣвалъ намъ). Происходили у насъ иногда и научныя бесѣды, но преимущественно курьезнаго характера. Такъ, живо помню одну изъ нихъ. Мы уговорились бесѣдовать на тему. Темой была избрана слѣдующая: „о необходимости существованія въ государствѣ средняго сословія“. Бесѣда шла очень оживленно, держась преимущественно на остротахъ и неожиданныхъ сближеніяхъ и заключеніяхъ, и разрослась, отклонившись далеко въ сторону отъ заданной темы, до того, что кстати пришлось замѣчаніе Марковникова (В. В. Марковниковъ теперь ординарнымъ профессоромъ химіи въ московскомъ университетѣ), что, по Либиху, рюмка водки, выпитая передъ обѣдомъ, нисколько не возбуждаетъ аппетита. Заговоривъ о рюмкѣ водки, естественно было сдѣлать посылку на закуску: кто то изъ насъ сбѣгалъ за штофомъ водки и копченой колбасой, и мы стали повѣрять теорію Либиха.

Иногда устраивали мы и домашніе спектакли, съ публикой, состоящей изъ 5—10 товарищей, швеекъ-сосѣдокъ, знакомыхъ извозчиковъ или дворника сосѣдняго

Digitized by Google

со „скитомъ“, въ которомъ мы случались, дома. Давались не полныя піэсы, а отдѣльныя сцены изъ нихъ. Разъ только задумали мы поставить „Свадьбу Кречинскаго“ цѣликомъ и притомъ довольно торжественно: нѣкоторые изъ товарищей привели своихъ знакомыхъ. Но дѣло кончилось скандаломъ: Вѣрочка (камералистъ Д.) и Кречинскій сильно трусили и для храбрости „хватили“, но не соблюли мѣры; нетрусливый суфлеръ вистовалъ имъ con amore и оралъ такъ, что актеровъ почти не слышно было. Вѣрочка стала обнаруживать черезъ чуръ мужскія манеры, а Кречинскій, запасшійся храбростью всѣхъ усерднѣе, сталъ вставлять въ родъ совершенно непечатныя выраженія,... Посторонняя публика разбѣжалась, и спектакль, не кончившись, завершился отчаянной попойкой.

Конецъ пятидесятыхъ годовъ былъ для студентовъ казанскаго университета эпохою переходною отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, отъ кутежей и карцера къ „политическимъ“ волненіямъ съ сходбищами на открытомъ воздухѣ, у крѣпостной стѣны, на бульварѣ. Началось съ такъ-называемой „исторіи Л“. Зимой 1856—1857 года появились въ Казани изъ Петербурга два офицера Л. и О., которые гдѣ-то погрозили надрать студентамъ уши. За это они были жестоко избиты студентами. Намъ было объявлено, что попечитель желаетъ съ нами говорить. Въ актовый залъ собраны были всѣ студенты. Вошелъ попечитель и сталъ пенять на неблаговидность такого поступка (виновные были неизвѣстны). Сначала все шло хорошо: попечитель пенялъ, мы слушали. Но кто то началъ смѣяться, кого-то насморкъ одолѣлъ, кого-то дернуло свистнуть, и вдругъ вся масса засвистала,

Digitized by Google

какъ одинъ человѣкъ. Добрякъ-попечитель сконфузился, чуть не заплакалъ и, не докончивъ своей рѣчи. удалился.

Болѣе онъ къ намъ не появлялся, подавши въ отставку.

Это первое волненіе прошло студентамъ даромъ и повело къ другой, такой же шумной демонстраціи, которая, однако, была не случайностью, зависѣвшей отъ того, что кто то свистнулъ и увлекъ за собою остальную массу, а мѣрою, обдуманною заранѣе, имѣвшей всѣ признаки заговора съ предварительными тайными сходками, съ выборомъ коноводовъ и т. д. Намъ всѣмъ былъ крайне ненавистенъ инспекторъ студентовъ Л. Рѣшено было устроить ему самый формальный скандалъ и заставить его, такимъ образомъ, оставить университетъ. Въ началѣ февраля 1857 года собралось самовольно въ актовый же залъ человѣкъ 300 студентовъ. Большая часть не знала вовсе цѣли собранія, а шла потому, что говорили просто, что нужно собраться, что-то будетъ. Потребованъ былъ Л., вмѣсто него, вышелъ къ намъ ректоръ О. М. Ковалевскій. Трое депутатовъ выразили ему единодушное желаніе студентовъ объ удаленіи Л. изъ университета. Ректоръ пользовался большимъ уваженіемъ студентовъ. Онъ вступилъ съ депутатами въ спокойную бесѣду, но едва она началась-показалась въ дверяхъ зала инспектора. Мгновенно раздались оглушительные крики: „долой Л., вонъ его“! Къ вечеру Л. подалъ въ отставку и исправленіе должности инспектора было поручено профессору С. В. Пахману. Студенты торжествовали. Такъ какъ Л. обращалъ болѣе всего вниманія на соблюденіе формы, и, бывало, увидавъ сту-

Digitized by Google

дента на улицѣ, хотя-бы съ одной разстегнутой на вицмундирѣ пуговицей, отправлялъ его прямо въ карцеръ, то торжество наше, на первыхъ порахъ, стало выражаться именно въ несоблюденіи формы: нѣкоторые дошли до того, что добыли какія-то звѣриныя шкуры и ходили въ нихъ по улицамъ, вооруженные дубинами. Я написалъ какое то „возмутительное“ стихотвореніе, а нѣсколько товарищей, переписавши его экземплярахъ въ 20, ночью наклеили его на фонарные столбы. Въ кандидатскихъ (такъ назывались комнаты, въ которыхъ жили въ университетѣ казенные студенты, оканчивавшіе курсъ) узнали, что авторъ стихотворенія я, и рѣшили меня побить, найдя, что такъ какъ дѣло уже сдѣлано, неразумно подливать къ нему масла; я отдѣлался тѣмъ, что одинъ изъ распространителей стихотворенія сознался въ этомъ и удостовѣрилъ, что я ничего не зналъ о наклѣйкѣ на столбахъ. Меня помиловали, да кстати помиловали и сознавшаго распространителя.

А. Гацисній.

29 декабря 18..
Нижній Новгородъ.

Digitized by Google

Нѣсколько словъ по поводу предыдущей статьи.

(О письмѣ П. Д. Боборыкина изъ Дерпта въ Казань).

Взглядъ П. Д. Боборыкина на Казанскій университетъ съ достаточною опредѣленностью выражается въ его романѣ „Въ путь-дорогу". Но едва-ли взглядъ этотъ не является слѣдствіемъ разочарованности, которой П. Д. могъ подчиниться, не встрѣтивъ сразу, немедленно осуществленія тѣхъ идеаловъ, къ которымъ онъ стремился и которые осуществляются не такъ скоро, и не въ той формѣ, какъ обыкновенно думаютъ юноши, поступающіе въ университетъ. Намъ кажется, что еслибъ герой романа „Въ путь-дорогу" въ Казани съумѣлъ такъ близко стать къ университету и его научной жизни, какъ онъ сдѣлалъ это въ Дерптѣ, куда онъ отправился съ опредѣленнымъ планомъ дѣйствій, послѣ казанскихъ разочарованій, не прошедшихъ для него, конечно, безслѣда и принесшихъ извѣстную пользу—взглядъ П. Д. на казанскій университетъ не имѣлъ бы столь односторонняго характера. Подтвержденіе нашего мнѣнія мы находимъ въ слѣдующихъ строкахъ, заимствованныхъ изъ другаго романа П. Д. Боборыкина,—„Солдатскія добродѣтели"—который появился лѣтъ черезъ пять послѣ романа „Въ путь-дорогу".

Digitized by Google

„Подъ шумъ и укачиваніе поѣзда, Крутицынъ впалъ въ полудремоту, продолжая думать все на ту же тему.... Вотъ онъ студентомъ стоитъ у своего окна и подогрѣваетъ спиртовой лампой реторту, гдѣ бурая масса пыжится и потрескиваетъ; а въ горбу реторты собираются ярко-малиновыя капли и мелкіе кристаллики.. Онъ съ усиленнымъ вниманіемъ неофита слѣдитъ за простымъ процесомъ перегонки. – Смеркается. Лабораторія—тѣсная, грязноватая, темная кухня, не такая, какія заведены нынче, съ мраморными досками и газовыми аппаратами.... Въ углу за большой изразцовой печкой храпитъ сторожъ Вавило, держа въ рукахъ бутыль и полотенце. Гдѣ-то старый кранъ капаетъ мелкими, но звучными каплями на деревянный столъ. Въ паровой ваннѣ слегка вздрагиваетъ большая чашка и отъ нея доносится до Крутицина какой-то вяжущій и сладковатый запахъ. Какъ ему хорошо въ этой лабораторной тишинѣ.... Съ какимъ умиленіемъ глядитъ онъ на свой старый вицмундиръ, весь покрытый по обшлагамъ красными пятнами, выѣденными кислотой.. Посмотритъ онъ внутрь реторты, поправитъ фитиль, пододвинетъ сальную свѣчу къ развернутой толстой книгѣ, прочтетъ нѣсколько строкъ и опять къ ретортѣ.. То ему кажется, что сквозь пузырь, связывающій реторту съ колбою, проходитъ улетучивающееся вещество; то сдается ему, что охлажденіе недостаточно, что весь аппаратъ стоитъ криво на косо.. Но вотъ онъ успокоивается. Перегонка идетъ прекрасно, все налажено, выходитъ такъ, какъ значится въ толстой книгѣ Либиховскаго „Jahres Bericht'a“ онъ облокачивается на подоконникъ и говоритъ про себя почти что въ слухъ:

„Можетъ ли быть что выше науки—химіи? Наука—

Digitized by Google

наукъ. Проникать въ сокровенный составъ тѣлъ, объяснять сложеніе всей вселенной, распутывать причинную связь каждой былинки и изъ милліона былинокъ создавать цѣлое мірозданіе. Что же не сводится къ химіи? Все! Кора земная и ея судьбы—химія Жизнь растеній—химія. Человѣкъ со всѣми его отправленіями—химія.. Ей отдамся я, какъ верховному знанію, и въ ней найду отвѣты на всѣ тайны бытія". И какъ онъ негодуетъ на „жизненную силу" старыхъ филистеровъ. Въ немъ живетъ вѣра, что съ ретортой и нужными элементами, онъ вамъ состряпаетъ человѣческій организмъ; homunculus вылѣзетъ у него изъ колбы совсѣмъ готовый.

Но пока изготовленъ будетъ homunculus, онъ радуется и на эту темномалиновую жидкость, которую бережно выливаетъ изъ колбы въ фарфоровую чашечку и такъ же бережно ставитъ на круглое отверстіе паровой ванны, страстно желая, чтобы завтра утромъ красовались крупные многогранные кристаллы.. Лампа затушена. Вавило все храпитъ. Но надо его разбудить и собираться домой.. Крутицынъ убираетъ аппараты, чиститъ склянки и цѣдилки, ставитъ все это въ порядокъ на свое окно. Уходить ему не хочется. Онъ открываетъ ящикъ, кладетъ туда толстый „Jahres Bericht" и вынимаетъ другую книгу, въ сѣрой оберткѣ, очень зачитанную.. Любовно смотритъ Крутицынъ на имя автора.. Это—„Метода" Лорана. Сколько разъ перечелъ Крутицынъ предисловіе Біо и статью „Revue des deux mondes", гдѣ разсказывалась горькая доля того, кто двинулъ химію по плодоносному пути.. Ему такъ живо представлялся этотъ Лоранъ, забитый, больной, отталкиваемый цеховыми учеными, безъ кафедры, безъ работы, почти безъ куска хлѣба,

Digitized by Google

безъ лабораторіи! съ ужасомъ и негодованіемъ повторялъ Крутицынъ.... И круглая рожа Берцеліуса видѣлась ему, генерала—Берцеліуса, издѣвающагося сквернымъ французскимъ языкомъ надъ бреднями и глупостями француза-теоретика, и двоедушно одобряющее высокомѣрное обличье сенатора—Дюма видѣлось ему, Дюма, преисполненнаго тупой ученой гордыни и преданности дѣлу 2-го декабря, и весь синклитъ нѣмцевъ съ Либихомъ во главѣ видѣлся ему, синклитъ со скрежетомъ зубовнымъ накидывающійся на французика, посмѣвшаго выступить съ идеями и построеніями, отъ которыхъ валились, какъ гнилыя щепки, ихъ полудѣтскія клѣточки и дѣленьица.... Вотъ и тотъ чуланчикъ, гдѣ Лоранъ въ тѣснотѣ и скудности, сердечными приношеніями горсти молодыхъ учениковъ, устроилъ кое-какую аудиторьишку и развивалъ свои „бредни“ и „глупости“. Изъ этого чуланчика вышли Жерары и Зинины, Вюрцы и Бертело, на идеяхъ этого чуланчика воспитались Вилльямсоны и Наке, Бутлеровы и Менделѣевы.... И слезы жалости и надсады навертывались на глазахъ студента.... Чистая, нетлѣнная, безплотная, незыблемая теорія манила его къ себѣ. Ея высоты блистали въ его воображеніи чѣмъ то лучезарнымъ, захватывающимъ духъ отъ полноты умственнаго удовлетворенія.. Все прикладное: техника, медицина, фармація казались такой жалкой пустяковиной, такимъ мѣщанствомъ знанія, гнилымъ диллентантизмомъ, почти кощунствомъ.. И съ какою жалостью смотрѣлъ Крутицынъ на студентовъ фармаціи, приходившихъ въ лабораторію производить анализы. Онъ не понималъ тогда возможности что либо любить, кромѣ чистой науки, чему либо иному отдавать свои думы и упованія, на что либо

Digitized by Google

иное удѣлить хоть полчаса времени.. Сальный огарокъ догораетъ, Вавило всхрапываетъ и просыпается, надо идти домой. Любовнымъ взглядомъ окидываетъ Крутицынъ грязную кухню и еще разъ подходитъ къ чашечкѣ, гдѣ выпаривается темно-малиновая жидкость"....

Трудно не узнать въ той обстановкѣ, которую изображаетъ здѣсь П. Д. Боборыкинъ, обстановку старой казанской химической лабораторіи.... Думается намъ, лабораторія, гдѣ занимались Зининъ и Бутлеровъ, навѣяла П, Д. Боборыкину типъ идеалиста Крутицына. Зинины и Бутлеровы выходятъ не каждый годъ, а Крутицыныхъ выходило не мало: было же что нибудь въ той средѣ, которую обличалъ П. Д. въ своемъ искреннемъ, конечно, письмѣ изъ Дерпта, и которая—по словамъ А. С. Гацискаго—не могла ничего ему отвѣтить. Быть можетъ, П. Д., тогда, по молодости, прошелъ мимо представителей той идеи, олицетвореніемъ которой, въ приведенныхъ выше строкахъ, является Крутицынъ, идеи, которая никогда не замирала въ казанскомъ университетѣ, и которая ожила въ сознаніи П. Д. Боборыкина впослѣдствіи, когда онъ спокойнѣе и внимательнѣе могъ отнестись къ впечатлѣніямъ своей ранней молодости. Вѣдь Телепнева въ Казани захватила, позволимъ себѣ выразиться, *засосала* та часть общественной жизни, которая едвали можетъ быть названа здоровою,—онъ нашелъ въ себѣ достаточный запасъ воли для того, чтобъ вырваться изъ нездоровой среды и сдѣлать попытку обновленія въ новой обстановкѣ, въ Дерптѣ. Не будемъ касаться того вопроса, на сколько Телепневу удалась эта попытка обновленія. Крутицынъ—очевидно человѣкъ болѣе сильной воли—сразу опредѣлилъ смыслъ своего пребы-

Digitized by Google

ванія въ университетѣ, въ томъ самомъ университетѣ, отъ котораго бѣжалъ Телепневъ—думается намъ, что Телепневъ бѣжалъ не отъ университета, а отъ той среды. въ которую онъ попалъ, быть можетъ, противъ своей воли, въ зависимости отъ общественнаго положенія своей семьи, отъ своихъ личныхъ вкусовъ—въ Дерптѣ Телепневъ попалъ въ иную обстановку, въ чуждую среду, сталъ работать и почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Повторяемъ: изъ Казани выходили Крутицыны—это типъ чистый русскій, также какъ и Телепневъ. Могли ли бы такіе типы создаться у П. Д. подъ вліяніемъ лишь дерптскихъ его впечатлѣній—не думаемъ. Къ этому вопросу мы надѣемся еще вернуться.

С. Г.

Digitized by Google

О профессорѣ В. И. Григоровичѣ *).

Личность В. И. Григоровича и значеніе „казанскаго“ періода его жизни хорошо обрисованы въ „Воспоминаніяхъ“ о немъ проф. Новороссійскаго университета, Ф. И. Успенскаго.

„Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ (19 лѣтъ), Григоровичъ въ 1834 году переѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ занимался классической филологіей и откуда въ 1839 г. приглашенъ былъ въ Казань для приготовленія къ занятію вновь открытой кафедры славянскихъ нарѣчій. На слѣдующій годъ былъ посланъ за границу и по возвращеніи изъ путешествія написалъ диссертацію „Опытъ изложенія литературы славянъ“, за которую въ 1842 г. получилъ степень магистра славянской филологіи и которая открыла ему кафедру славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ. Идея народности и общечеловѣческаго призванія славянъ въ первый разъ была высказана Григоровичемъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что какъ общее положеніе эта мысль почерпнута изъ Гегеля, системы котораго стали выходить въ свѣтъ

*) «Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Одесса. 1890.

Digitized by Google

въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго (напечатано въ 1890 году) столѣтія. Но я позволю себѣ указать, что „Опытъ“ Григоровича по своему методу и историческимъ выводамъ долженъ быть оцѣниваемъ сравнительно съ европейскими историческими произведеніями сороковыхъ годовъ. Въ 1839 г. появилось изслѣдованіе Рубино, въ 1841 г. сочиненіе Зибеля, въ 1853 и 1854 первые томы Швеглера и Моммсена. Уже это сопоставленіе датъ показываетъ большую долю оригинальности и самобытности въ диссертаціи Григоровича.

Григоровичъ обязанъ былъ своими оригинальными построеніями по славянской исторіи глубокимъ и сильнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ имъ изъ пребыванія въ Римѣ въ 1840/41 году.

Въ 1840 г. онъ отправился за границу слушать лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Запоздавъ однако къ лѣтнему семестру, онъ воспользовался свободнымъ временемъ для посѣщенія Вѣны и Италіи. Здѣсь-то и произошелъ съ нимъ нравственный переломъ, о которомъ записалъ онъ слѣдующее:

„Скоро минули три недѣли.. и распались оковы гнѣздившагося во мнѣ дотолѣ односторонняго нѣмецкаго вліянія, сосредоточившія для меня все знаніе, весь опытъ въ стѣнахъ нѣмецкаго университета и что еще сильнѣе —все совершенство человѣка въ формахъ нѣмецкой жизни. Совершилось освобожденіе, котораго еще не въ силахъ были доставить ни Ломбардія, ни Венеція. Я рѣшился не ѣхать эту зиму въ Берлинъ и остался въ Римѣ, и вмѣсто трехъ недѣль провелъ въ немъ почти восемь мѣсяцевъ. Это имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ мои путешествія.—Описывать Римъ не есть моя цѣль, я ни-

Digitized by Google

гдѣ не велъ журнала, а въ Римѣ еще менѣе. Нѣкоторые дни остались въ памяти, откуда ни что ихъ не изгладитъ. Одинъ разъ—это было зимой—я отправился со своими друзьями во Фраскатти, гдѣ я часто проводилъ по нѣскольку дней; на другой день мы со свѣтомъ отправились вдоль албанскихъ горъ съ цѣлью подняться на вершину Monte Cavo, гдѣ находится уединенный монастырь. Съ этой вершины мнѣ открылось величіе Божіе. Этого чувства не поймешь ни прежде, ни послѣ, но я помню его. Память о немъ да представится мнѣ грознымъ укоромъ всякій разъ, какъ возропщу на жизнь. Въ открытомъ предо мною пространствѣ казались написанными судьбы Божіи во всѣ времена человѣчества. Но не объяснить ни въ одномъ словѣ ни въ цѣлой книгѣ того, что было только чувство, сосредоточившее въ себѣ полное развитіе. Это было откровеніе, котораго удостоивается человѣкъ, но которое проносится передъ нимъ какъ молнія мгновенно и оставляетъ за собой жизнь, чтобъ, благодаря за него, развивать его въ своемъ сознаніи".

Выяснить характеръ тѣхъ сложныхъ ощущеній, которыя неожиданно посѣтили Григоровича, какъ откровеніе, на Monte Cavo, я не берусь; но несомнѣнно изъ этихъ ощущеній сложилась его философская теорія, лежащая въ основаніи его взгляда на исторію и литературу славянъ. При взглядѣ на природу мѣстности древняго Рима, Григоровичъ воспринялъ, какъ нѣчто живое, твердое и неизмѣнное—идею національности; при взглядѣ на исторію распространенія римской власти, онъ понялъ, какъ нѣчто необходимое и совмѣстимое съ національнымъ самосознаніемъ—идею всеобщности.

Digitized by Google

„Вотъ два элемента или двѣ идеи, выраженныя самою природой римскою; свободное стремленіе къ распространенію, къ безконечности и всегдашнее пребываніе въ опредѣленныхъ постоянныхъ границахъ. Ихъ равновѣсіе было моментомъ высшаго могущества древняго Рима, ихъ взаимныя отношенія опредѣляютъ всю судьбу его въ древности“.

Самымъ крупнымъ научнымъ и вмѣстѣ общественнымъ подвигомъ Григоровича нужно признать его путешествіе по славянскимъ землямъ, предпринятое въ 1844 г. и продолжавшееся больше 2 лѣтъ. Въ своемъ путешествіи по Европейской Турціи Григоровичъ пытался раскрыть и обосновать индивидуальныя и общечеловѣческія черты у славянъ. Высшее проявленіе послѣднихъ онъ усматриваетъ въ христіанскомъ просвѣщеніи. Христіанскіе народы, говоритъ онъ, во всѣхъ направленіяхъ своей нравственной дѣятельности, христіанствомъ приводятъ въ движеніе всѣ свои нравственныя силы. Христіанство, какъ источникъ индивидуальнаго и народнаго просвѣщенія поставило славянскія племена въ ряду народовъ, трудящихся для человѣчества, связало ихъ жизнь съ жизнью древнихъ и новыхъ цивилизованныхъ народовъ и спасло ихъ для человѣчества. Этимъ основнымъ воззрѣніемъ Григоровича объясняется то, что онъ съ особенной любовью и пытливостью разыскивалъ слѣды памяти о жизни и дѣяніяхъ славянскихъ просвѣтителей. Его главное вниманіе устремлено было на христіанскую древность, для чего онъ обозрѣвалъ монастыри и церкви, допытывался остатковъ старинной славянской письменности. Испытанные имъ при этомъ труды и лишенія не пропали даромъ. Онъ доискался памятниковъ, никѣмъ дотолѣ невидѣн-

Digitized by Google

ныхъ и никому неизвѣстныхъ. Частію пріобрѣтенныя имъ, частію же списанныя рукописи дали ему неисчерпаемый матеріалъ для послѣдующихъ работъ, которыя отличаются особенными присущими Григоровичу качествами оригинальности. Вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія Григоровичъ неожиданно получилъ новое назначеніе въ Москву, на мѣсто профессора Бодянскаго. Вопросъ о перемѣщеніи рѣшенъ былъ еще въ концѣ 1847 года, но по спеціальному ходатайству попечителя Казанскаго учебнаго округа Григоровичу разрѣшено было остаться на мѣстѣ до лѣта 1848 года. Это назначеніе поставило Григоровича въ большое затрудненіе, такъ какъ онъ не искалъ его, видимо не желалъ разстаться съ Казанью и сожалѣлъ о постигшемъ Бодянскаго несчастьи (Бодянскій подвергся карѣ за помѣщеніе въ издаваемыхъ имъ чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древн. Записокъ Флетчера о Московіи). Къ тому же онъ имѣлъ основаніе полагать, что въ дѣлѣ Бодянскаго болѣе играютъ роль личные счеты, чѣмъ интересы науки и потому опасался быть вовлеченнымъ въ чуждые его наклонностямъ споры. Опасенія его имѣли свое основаніе, ибо черезъ годъ Бодянскому возвращена была его кафедра въ Москвѣ, а Григоровичъ снова переведенъ въ Казань (1849 г.).

О московскихъ впечатлѣніяхъ находимъ въ перепискѣ Григоровича, между прочимъ, слѣдующее:.. Первую лекцію посвятилъ я изложенію своихъ понятій о древнеславянскомъ языкѣ, какъ средоточіи славянской филологіи. Въ Москвѣ я болѣе чувствую важность и святость этого языка—не даромъ я сиживалъ надъ своими рукописями. Не знаю, буду ли я полезенъ въ Москвѣ, но вѣрно знаю, что Москва даетъ мнѣ много душевной

Digitized by Google

пользы. Я твердо увѣренъ, что мое перемѣщеніе, которому я, не забывая, кто я, изъ какихъ я, отчаянно противорѣчилъ, не безъ содѣйствія Промысла Божія. Если такъ, то грѣшно будетъ тѣмъ, кому извѣстны эти противорѣчія, которыя искренно исповѣдывалъ, если они пожелаютъ воспользоваться ими.—Есть и въ Москвѣ мнѣ препятствія, которыя частію отъ меня происходятъ, частію мнѣ готовятся. Предвижу ихъ вдали, но ободряю себя мыслью, что если не будетъ со стороны неблагонамѣреннаго усилія, не испытаю много вреда".

Для характеристики взглядовъ и ученаго направленія Григоровича важное значеніе имѣетъ упомянутая выше лекція его въ Московскомъ университетѣ, повторенная въ Казани въ 1851 году: О значеніи церковнаго славянскаго языка. По внутреннему содержанію, въ особенности же по философскимъ обобщеніямъ и выводамъ эта рѣчь должна быть разсматриваема въ связи съ его магистерской диссертаціей, появившейся за 9 передъ тѣмъ лѣтъ. Тамъ 27 лѣтній мыслитель ставитъ идею національности въ основаніе изученія литературы и исторіи славянъ и излагаетъ теорію способовъ, какими познается участіе славянъ въ общечеловѣческомъ развитіи. Здѣсь на мѣсто теоріи поставлены уже конкретные факты, отвлеченныя представленія облечены въ образы. Девять лѣтъ вниканія и самоуглубленія сопровождались для Григоровича новыми пріобрѣтеніями. Теперь онъ уже нашелъ и достаточно оцѣнилъ универсальное значеніе того начала, которымъ славяне, по его же выраженію, стремятся пріобрѣсти вѣсъ въ человѣчествѣ. Это есть родовой, типическій славянскій признакъ и въ то же время всемірно-историческій, въ немъ выражается особенность и проти-

Digitized by Google

воположность славянская и въ тоже время универсальность. Это начало онъ усматриваетъ въ церковно славянскомъ языкѣ.

Въ Казани вполнѣ опредѣлилось научное направленіе Григоровича, на него возлагались большія надежды, отъ него ожидали крупныхъ филологическихъ работъ. Его спеціальная подготовка и обширное образованіе, казалось, выдвигали въ немъ первокласснаго славянскаго филолога, который долженъ стать выше Бодянскаго, Прейса и Срезневскаго. Но Григоровичъ былъ слишкомъ живая и отзывчивая натура, онъ любилъ ставить себѣ разнообразныя темы и каждою занимался охотно и съ любовью, достигая часто блестящихъ выводовъ. Во всякой его статьѣ непремѣнно отыщется искорка—признакъ высокой талантливости; но мелкими статьями не создаются направленія, не образуются ученыя школы, къ тому же онѣ скоро забываются и часто проходятъ безслѣдно. Вообще не плодовитый писатель и не охотникъ печататься, Григоровичъ такъ поставилъ себя въ глазахъ ученаго міра, что отъ него ждали крупнаго труда, въ которомъ будетъ сказано нозое слово. И онъ дѣйствительно часто говорилъ о неисполненномъ долгѣ, о подведеніи итоговъ, но до конца жизни остался лишь при добрыхъ пожеланіяхъ.

Между статьями, блещущими искорками таланта и высокаго научнаго достоинства, я не могу не отмѣтить рѣчь „О Сербіи въ ея отношеніи къ сосѣднимъ державамъ“, произнесенную въ 1858 году. Стоитъ остановиться со вниманіемъ хотя бы на томъ обстоятельствѣ, что здѣсь славянскій славистъ выдвигаетъ вопросъ о значеніи византійскихъ занятій для успѣховъ славистики. Этотъ вопросъ „былъ тогда почти совершенно чуждъ“ его това-

Digitized by Google

рищамъ по профессіи, которые стали цѣнить его лишь по тому, что имъ увлекался Григоровичъ, показавъ въ немъ огромный запасъ знаній и смѣлость соображеній. Упомянутой рѣчью брошено было новое слово о необходимой связи между изученіемъ Византіи и Славянъ. Этимъ словомъ опредѣляется цѣлое направленіе съ широкими научными перспективами; слѣдовало только точнѣй опредѣлить эту связь, которая въ настоящее время можетъ быть выражена въ слѣдующей формулѣ: изученіе славянства въ Византіи и византинизма въ славянствѣ. Григоровичъ былъ такъ близокъ къ выраженію этой формулы, что его смѣло можно назвать первымъ въ Россіи византинистомъ.

Къ началу шестидесятыхъ годовъ византійскія занятія, повидимому, сильно захватили Григоровича. Такъ какъ Казанскій университетъ по своей отдаленности и недостатку пособій представлялъ мало удобства для занятій Византіей, то Григоровичъ сталъ подумывать о перемѣнѣ мѣста дѣятельности.

Уже въ 1860 году онъ намѣтилъ Одессу, какъ преимущество пригодный пунктъ для широкихъ цѣлей византійско славянскихъ занятій. Григоровичъ, принимая на себя осуществленіе этихъ задачъ, столько же надѣялся на содѣйствіе правительства, сколько на сочувствіе и поддержку среди жившихъ въ Одессѣ грековъ, румынъ и южныхъ славянъ. Выставляя научное знамя, онъ хотѣлъ собрать къ нему дружину охотниковъ, съ которыми надѣялся распутать международную тяжбу. Онъ поощряетъ довѣріе къ безпристрастію науки слѣдующими золотыми словами: „Въ дѣлѣ просвѣщенія, особенно въ щекотливомъ вопросѣ о народностяхъ, нужно давать мѣсто ча-

Digitized by Google

стнымъ направленіямъ и, не подавляя ихъ, возвышаться надъ ними, пробуждая высшія потребности.... Кафедра славянской филологіи, имѣя цѣлью усиливать безпристрастное изученіе языка и быта народовъ, будетъ не проповѣдницей распрей, но мирнымъ органомъ науки, ведущей къ соглашенію".

Казанскій періодъ жизни Григоровича отличается весьма опредѣленнымъ поступательнымъ движеніемъ въ его развитіи. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ кругозоръ его замѣтно расширяется, научныя задачи углубляются, онъ все еще обнаруживаетъ признаки роста. Его тянуло въ Одессу и онъ получилъ назначеніе въ Новороссійскій университетъ, открытый въ 1865 году. Но здѣсь, на этомъ новомъ поприщѣ дѣятельности, куда онъ прибылъ съ прекрасными планами и возвышенными замыслами, мы не найдемъ болѣе того же Григоровича.

Ему было 50 лѣтъ, когда открывался университетъ —далеко еще не такой возрастъ, чтобы предполагать у него ослабленіе силъ. Но первыя впечатлѣнія въ Одессѣ были такого свойства, что заставили его пожалѣть о Казани и лишили надеждъ на осуществленіе тѣхъ плановъ, которые онъ составилъ ранѣе. Словомъ, Одесса во многомъ обманула его ожиданія.

Прежде всего, столкновенія съ коммерческими практическими людьми Одессы охладили его идеальность и разсѣяли его завѣтныя мечты о славянской взаимности. „Всякая идеальность, писалъ онъ разбивается среди той обстановки, въ которой приходится мнѣ дѣйствовать. Это будетъ понятно всякому, кто имѣлъ несчастіе разочароваться въ своихъ мечтахъ".. Далѣе Григоровичъ разбитъ былъ на всѣхъ пунктахъ по отношенію къ задуманной

Digitized by Google

въ Казани программѣ: онъ не достигъ такой постановки преподаванія славянской филологіи, о какой мечталъ; не нашелъ въ мѣстномъ греческомъ и славянскомъ обществѣ сочувствія къ своимъ научнымъ идеямъ; ему наконецъ не удалось организовать ученое изданіе. Потерпѣвъ пораженіе въ томъ, что онъ считалъ настоятельной потребностью русскаго просвѣщенія, Григоровичъ не нашелъ болѣе достаточныхъ поощреній во внутреннемъ неугасающемъ огонькѣ, который согрѣвалъ его казанскія произведенія. Обманувшись въ средствахъ, коими могла располагать Одесса для достиженія этихъ задачъ, Григоровичъ принужденъ былъ ограничиться болѣе тѣснымъ кругомъ наблюденій, и въ этомъ послѣднемъ географія и этнографія южнаго края заняла центральное мѣсто.

Результатами своихъ изслѣдованій онъ прежде всего дѣлился съ своей немногочисленной аудиторіей и производилъ на нее сильное впечатлѣніе. Въ сношеніяхъ съ молодежью, повидимому, онъ оставался простъ и искренен, пробуждая въ ней добрые порывы и стремленіе къ идеаламъ. Многіе изъ его слушателей запаслись у него священнымъ огнемъ, который не угасаетъ и до сихъ поръ. Популярность Григоровича между университетской молодежью столько объясняется его профессорскими качествами, сколько его безпримѣрной добротой, которая побуждала его даже къ тайнымъ благодѣяніямъ. Но онъ умѣлъ соблюдать границу и не жертвовалъ высшими своими интересами ни въ пользу популярности, ни въ пользу гуманности. Эти высшіе его интересы я желалъ бы провозгласить съ особеннымъ напряженіемъ, ибо они намъ всѣмъ одинаково дороги, это честь и достоинство университета. Въ одесскій періодъ дѣятельности Григоровича былъ

Digitized by Google

такой случай, который потребовалъ отъ него открытаго заявленія: что онъ ставитъ выше—интересъ студентовъ, или принципъ чести и достоинства университета. Это довольно еще памятная исторія Б. Григоровичъ считалъ себя обязаннымъ энергично, выступить въ этой печальной исторіи противъ тенденціи, заявленной нѣкоторыми студентами, чтобы профессоръ сдѣлалъ публичное въ собраніи студентовъ извиненіе. Въ 1876 году Григоровичъ вышелъ въ отставку и поселился въ Елисаветградѣ, гдѣ и умеръ въ заботахъ о своихъ неоконченныхъ научныхъ предпріятіяхъ. Нѣсколько учениковъ и почитателей охраняютъ его могилу отъ забвенія.

Пробѣгая мыслью дѣятельность В. И. Григоровича, я не могу не признать, что это былъ далеко не заурядный „тяглый" человѣкъ, какимъ онъ любилъ выдавать себя. Сильнымъ и самобытнымъ умомъ проникнуты всѣ его произведенія, особенно, казанскаго періода, самые сухіе вопросы филологіи онъ успѣлъ одухотворить горячимъ чувствомъ національнаго самосознанія. Затронувъ разнообразнѣйшія области русской науки, онъ въ каждой

Къ характеристикѣ В. И. Григоровича.

А. М. Бутлеровъ разсказывалъ: однажды Григоровичъ нашелъ въ старинной рукописи мѣсто, гдѣ чернила совершенно выцвѣли; онъ постарался возстановить это мѣсто по общему смыслу рукописи, но не былъ увѣренъ въ правильности своихъ догадокъ; для провѣрки онъ просилъ А. М. Бутлерова возстановить это мѣсто, если можно, химическимъ путемъ, что А. М. и исполнилъ. Нужно было видѣть трепетъ, съ которымъ Григоровичъ слѣдилъ за процессомъ химической обработки рукописи, опасаясь, что она разрушится, и онъ не будетъ

Digitized by Google

нашелъ живыя и увлекательныя стороны, обращавшія къ нимъ симпатіи другихъ.—Въ молодомъ университетѣ, не имѣвшемъ еще устоевъ на новой почвѣ и лишенномъ традицій, Григоровичъ является громадной нравственной силой, полагавшей первыя основы для устоевъ и преданій, безъ которыхъ не можетъ жить такое учрежденіе, какъ университетъ.

въ состояніи себя провѣрить; нужно было видѣть его радость, когда буквы рукописи вновь появились, и обнаружилось при этомъ, что Григоровичъ правильно возстановилъ текстъ, основываясь лишь на догадкѣ.—А. М. говорилъ, что, Григоровичъ,—идя черезъ рядъ комнатъ лабораторіи и аудиторію—подходилъ къ каждому окну, останавливался, вглядывался въ возстановленный текстъ, читалъ его и перечитывалъ....

С. Г

Digitized by Google

Былое въ жизни Казанскаго университета 1856—1860 г.г.

Изъ воспоминаній о прошломъ *).

I.

Оживленіе университетовъ.—Кругъ знакомства моихъ родителей въ Казани въ 1856—1860 г.г.

Университеты русскіе, наравнѣ со всѣмъ обществомъ, оживились съ 1855 года. Уничтоженіе стѣснительныхъ правилъ, введенныхъ въ университеты послѣ европейскихъ событій 1848 года, начиная съ отмѣны студенческихъ „штатовъ" и съ возобновленія многихъ каѳедръ,—являлись преддверіемъ еще бо́льшихъ ослабленій прежнихъ университетскихъ порядковъ, ослабле-

---

*) Авторъ настоящихъ воспоминаній, заслуж. орд. профессоръ казанскаго университета, Дмитрій Александровичъ Корсаковъ (р. 10 Іюля 1843 г.) до поступленія въ студенты Казанскаго университета въ 1860 г. учился въ домѣ своихъ родителей, проживавшихъ съ 1856 года въ Казани.—Печатаемое составляетъ выдержки изъ его статьи: «Былое изъ Казанской жизни 1856—1860 г.г.», помѣщенной въ «Литературномъ Сборникѣ Волжскаго Вѣстника» за 1898 годъ.

Digitized by Google

ній быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, начиная съ 1856 года. Университетское преподаваніе все болѣе и болѣе отступало отъ тѣхъ казенныхъ, сухихъ программъ, которыя господствовали въ царствованіе императора Николая I. Суровая внѣшняя дисциплина на военный ладъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшая на студентахъ, стала понемногу смягчаться, и университетская учащаяся молодежь, охваченная свойственнымъ юношеству порывомъ ко всему новому и свободному, весьма естественно поддалась прежде всего умственному оживленію того времени и стала стремительно обнаруживать свои долго дремавшія умственныя и нравственныя силы. Это движеніе среди студентовъ сначала, разумѣется, проявилось въ тогдашнихъ центрахъ русской умственной жизни, въ двухъ столицахъ— Петербургѣ и Москвѣ, а къ намъ въ Казань передавалось только отраженнымъ свѣтомъ, нѣсколько запаздывая и преломляясь черезъ призму мѣстныхъ этнографическихъ и общественныхъ элементовъ Поволжья, Пріуралья и Сибири; а эти элементы не представляли изъ себя особенно сильныхъ культурныхъ наслоеній, что являлось непреложнымъ результатомъ исторіи нашего края: русскія восточныя окраины заключали въ себѣ очень много инородческихъ племенъ, а потому и не могли отличаться мягкостью нравовъ даже въ XIX вѣкѣ.

Большая часть моихъ учителей—студентовъ университета и духовной академіи—была охвачена этимъ общимъ оживленіемъ. Помимо уроковъ, мои учителя являлись въ нашемъ домѣ не только частыми, но и радушно принятыми гостями, а съ нѣкоторыми изъ нихъ сохранили на всегда самыя близкія, дружескія отношенія и мои родители, и я. Ихъ бесѣды съ моими

Digitized by Google

отцемъ и матушкой, между собою и съ другими посѣтителями нашей скромной, но многолюдной и разнообразной гостиной; чтеніе вслухъ, весьма тогда распространенное въ нашемъ домѣ, и возбуждаемые чтеніемъ разсужденія и споры; разсказы моихъ учителей изъ тогдашняго положенія дѣлъ въ казанскомъ университетѣ и въ духовной академіи—все это, взятое вмѣстѣ, питало мою отроческую мысль и имѣло на меня сильное вліяніе.

Сейчасъ я сказалъ, что гостиная моихъ родителей въ Казани была многолюдна и разнообразна по составу. На нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ ея посѣтителей остановиться стоитъ. На первый разъ я выбираю изъ нихъ одну группу, которая послѣ моихъ учителей оказывала на меня наиболѣе вліянія. Эта группа состояла изъ начальства и профессоровъ казанскаго университета, а почему это такъ случилось—необходимо объяснить.

Знакомство моихъ родителей съ представителями университета обусловливалось: во первыхъ, старинными служебными отношеніями моего отца, а во вторыхъ—родственными связями моей матери.

Мой отецъ, по своей службѣ въ гвардейской артиллеріи, былъ товарищемъ и другомъ Авр. Серг. Норова, занимавшаго постъ министра народнаго просвѣщенія въ 50-хъ годахъ. Въ 1855 году, отецъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ изъ деревни въ Казань, случайно узналъ, что министръ народнаго просвѣщенія находится въ Казани, и, разумѣется, посѣтилъ его; встрѣча друзей, не видавшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, была очень нѣжная. У Норова отецъ познакомился съ попечителемъ казанскаго университета Влад. Порф. Молоствовымъ, ректоромъ Ив. Мих. Симоновымъ и многими

Digitized by Google

профессорами; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ знакомъ раньше, при другихъ условіяхъ.

Моя матушка была родная сестра Конст. Дм. Кавелина, ученая и общественная дѣятельность котораго въ 50-хъ годахъ пользовалась широкой извѣстностью. Его „Записка объ освобожденіи крестьянъ", гдѣ предлагалось надѣленіе ихъ землею, съ жадностью переписывалась казанской интеллигентной молодежью, а среди помѣщиковъ поселяла не только удивленіе, но просто страхъ: они читали ее, тщательно затворивъ предварительно двери, и держали ее постоянно запертой подъ ключемъ. Такое значеніе его „записки" вмѣстѣ съ приглашеніемъ его въ преподаватели къ Наслѣднику Престола, Великому Князю Николаю Александровичу, въ 1857 году, производили въ интеллигентныхъ кружкахъ Казани большое впечатлѣніе: Кавелинъ пріобрѣталъ политическое положеніе въ то важное время, когда поставленъ былъ на разрѣшеніе крестьянскій вопросъ. Занятіе имъ въ томъ же 1857 году вновь професорской каѳедры, на этотъ разъ въ петербургскомъ университетѣ, встрѣчено было съ восторгомъ людьми науки и заставило припомнить прежнюю его ученую дѣятельность. Гораздо ранѣе переѣзда нашего въ Казань, посредствомъ Кавелина мои родители знакомились съ профессорами казанскаго университета. Такъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ, когда матушка пріѣхала изъ деревни въ Казань и остановилась у нашихъ родственниковъ, Горталовыхъ,— къ ней явился, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Кавелина, молодой адъюнктъ профессора Фойгта, Ник. Никит. Буличъ. Кавелинъ рекомендовалъ сестрѣ „даровитаго юношу" и просилъ обласкать его. Изъ разговора

Digitized by Google

съ Буличемъ матушка узнала, что онъ казанскій старожилъ и, расхохотавшись, сказала ему: „такъ вамъ, Николай Никитичъ, слѣдуетъ меня приласкать, а не мнѣ васъ! Я только нѣсколько лѣтъ какъ въ Казани, а вы чуть не родились здѣсь“.

II.

Нравы казанскихъ студентовъ до половины 50-хъ годовъ и студенческія пѣсни того времени.—Раздѣленіе студентовъ на группы.—Такъ назыв. «студенты аристократы».—Первое «общественное» движеніе среди казанскихъ студентовъ. — Семейство Лебедевыхъ. — Студентъ Рычкуновъ и инциндентъ съ Ушаковыми.—Студенческая исторія изъ за этого инцидента.—Попечитель Вл. Порф. Молоствовъ.

До половины 50-хъ годовъ большинство казанскаго студенчества отличалось кутежами, буйствомъ и выходками школьнаго „молодечества“, нерѣдко весьма грубыми. Эта „героическая“ пора студенческаго разгула создала цѣлый циклъ стихотворныхъ произведеній, сочиненныхъ студентами, ими же положенныхъ на голоса и распѣвавшихся даже въ началѣ 60-хъ годовъ, когда я уже былъ студентомъ, и нѣкоторыя изъ нихъ отличались несомнѣнными поэтическими достоинствами. Вотъ напримѣръ, отрывки изъ одной такой пѣсни, „думы студента-повѣсы“, припоминавшаго свое былое.

Стою одинъ я предъ избушкой,
Кругомъ все тихо и темно.
Но съ этой бѣдною лачужкой
Какъ много думъ сопряжено!

Digitized by Google

Закрыты окна... чуть трепещетъ
Огонь сквозь щели по ставнямъ,
То онъ погаснетъ, то заблещетъ
Передо мною здѣсь и тамъ!
И слышу разговоръ невнятный,
Смѣшенье пьяныхъ голосовъ,
Стакановъ звонъ, смѣхъ мнѣ пріятный,
И много непристойныхъ словъ . . . .
. . . . . .
Повязка спала съ грѣшныхъ глазъ
И я студентъ, студентъ повѣса
Былое вспомнилъ въ этотъ разъ!...

Пѣли студенты и другія пѣсни, очевидно занесенныя въ Казань заѣзжими нѣмцами профессорами съ ихъ родины, изъ германскихъ университетовъ,—пѣсни распѣвавшіяся на студенческихъ коммершахъ Гейдельберга, Мюнхена и Берлина. Такова, напримѣръ, извѣстная нѣмецкая пѣсня:

Sassa, geschmauset,
Lasst uns nicht rappelköptisch sein,
Der nicht mit sauset—
Der bleibt allein.

Съ латинскимъ припѣвомъ:

Edite, bibite, collegiales,
Post multa secula pocula nulla!

и т. д.

Пѣсни такого рода переводились на русскій языкъ и передѣлывались на русскіе нравы. Одна изъ нихъ особенно любопытна въ томъ отношеніи, что продолженіе ея, чисто мѣстное, представляетъ шутливыя харак-

Digitized by Google

теристики казанскихъ профессоровъ 50-хъ годовъ. Начало пѣсни—иноземное:

Знаете-ль причину,
Почему Ричардъ
Ѣздилъ въ Палестину
Турокъ воевать?
Я скажу причину—
Это потому,
Чтобы на полтину
Выпить одному.

Послѣ такого вступленія идетъ уже сатирическое воспѣваніе инспектора студентовъ Вас. Ив. Ланге, занимавшаго эту должность въ казанскомъ университетѣ въ 50-хъ годахъ.

Инспектору Ланге
Дѣлаетъ то честь,
Что онъ ходитъ къ Станге
Смотрѣть кто тамъ есть.

Во то время извѣстный ресторанъ въ Казани содержался нѣмцемъ Ив. Богд. Станге; ресторанъ этотъ охотно посѣщался студентами, а Ланге, заботясь о нравственности учащагося юношества, тщательно наблюдалъ за его посѣщеніями.

Казанскіе профессора слѣдуютъ за инспекторомъ. Воспѣвались они въ слѣдующихъ виршахъ.

Мишенька Славянскій *)
Ходитъ пѣтушкомъ
Изъ породы шпанской
Съ краснымъ гребешкомъ

*) Профессоръ всеобщей исторіи М. И. Славянскій.

Digitized by Google

Дальнѣйшіе куплеты посвящены очень почтеннымъ представителямъ науки нашего университета; въ нихъ задѣты: извѣстный математикъ А. Ѳсод. Поповъ; другой Поповъ, Александръ Васильевичъ, профессоръ монгольскаго языка; профессоръ финансоваго права Евгр. Григ. Осокинъ, ботаникъ Корнухъ-Троцкій, профессоръ римскаго права Фогель, хирургъ Андр. Ник. Бекетовъ, профессоръ русской исторіи Н. А. Ивановъ и еще нѣкоторые. Весьма характерно, что среди всѣхъ названныхъ профессоровъ, только Мод. Яковл. Китарры, профессоръ технологіи, о которомъ еще я буду говорить,—не осмѣянъ студентами. Ему, напротивъ, воздано искреннее почтеніе даже въ этомъ шутливомъ пѣснопѣніи, въ слѣдующтхъ выраженіяхъ:

Модесту Китарры
Славу мы поемъ,—
Да хранятъ же Лары
Его кровъ и домъ!

Но, конечно, не всѣ студенты были кутилы и повѣсы. Повѣснически-кутежное направленіе было только преобладающимъ и ясно указывало на отсутствіе въ студенческой массѣ серьезныхъ стремленій. Среди такой массы выдѣлялись двѣ группы студентовъ: *учившихся* и т. наз. *аристократовъ*. Первые были скромные молодые люди изъ небогатыхъ семействъ, большею частью чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и преподавателей учебныхъ заведеній; они обучались на казенный счетъ (тогда почти не было стипендіатовъ, а былъ при университетѣ интернатъ для студентовъ, жившихъ на казенномъ иждивеніи); многіе студенты изъ этой категоріи давали частные

Digitized by Google

уроки, и изъ ихъ-то почтенной среды были и мои учителя. Въ числѣ этихъ учившихся студентовъ въ то время попадалось весьма мало воспитанниковъ духовныхъ семинарій, доступъ изъ которыхъ въ университеты тогда былъ не такъ легокъ, какъ впослѣдствіи. „Семинаровъ", какъ тогда ихъ называли полупрезрительно другіе студенты, не долюбливали въ университетѣ; они поступали главнымъ образомъ на медицинскій факультетъ и частныхъ уроковъ не давали. „Аристократами" назывались студенты не только принадлежавшіе къ мѣстнымъ помѣщичьимъ семьямъ, но вообще люди богатые и съ обезпеченными средствами, и притомъ свѣтскіе, т. е. одѣвавшіеся болѣе или менѣе франтовато, имѣвшіе порядочныя манеры, водившіе знакомство въ дворянскихъ помѣщичьихъ кружкахъ и участвовавшіе въ тогдашнихъ развлеченіяхъ этихъ кружковъ: балахъ, вечерахъ, домашнихъ и „благородныхъ" спектакляхъ, пикникахъ и т. п. Изъ этого разряда студентовъ было мало серьезно занимавшихся и они, большею частью наполняли собою камеральный разрядъ юридическаго факультета, который, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, не требовалъ усидчивыхъ занятій, а потому среди студентовъ назывался въ шутку „утѣшительнымъ". „Аристократовъ" на другихъ факультетахъ было весьма немного—они составляли тамъ исключеніе. На языкѣ казанскихъ студентовъ того времени, какъ видно, слово: *аристократъ* было синонимомъ шалопая, пустозвона, и совершенно не соотвѣтствовало своему дѣйствительному этимологическому и соціальному значенію.

Осенью 1856 года въ казанскомъ университетѣ произошло первое движеніе среди студентовъ съ зачат-

Digitized by Google

ками „общественныхъ“ интересовъ. Въ немъ впервые проявилось сознаніе въ студенчествѣ корпоративности, солидарности, общности интересовъ, хотя выразилось оно въ очень неопредѣленномъ видѣ и въ весьма грубыхъ формахъ. Поэтому, по справедливости, это движеніе можетъ быть названо симптомомъ переходнаго времени отъ періода кутежно-повѣсническаго къ періоду болѣе серьезныхъ движеній.

Это проявленіе сознанія „общественныхъ“ интересовъ среди казанскихъ студентовъ выразилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 50-хъ годахъ, среди помѣщичьяго дворянскаго круга особо замѣтную роль игралъ въ Казани домъ Лебедевыхъ. Глава семейства—Александръ Евграфовичъ былъ очень богатъ; жена его, Марья Степановна, рожденная Стрекалова, была дочерью Степана Степановича Стрекалова, долго (въ 30-хъ и въ первой половинѣ 40-хъ годовъ) занимавшаго постъ казанскаго военнаго губернатора. Въ то время военные губернаторы, а въ особенности такой, какимъ былъ Стрекаловъ, играли въ провинціи несравненно болѣе видную роль, чѣмъ теперешніе, будучи въ буквальномъ смыслѣ слова *хозяевами* своей губерніи. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалась дѣйствительная власть надъ всей губерніей, и военная и гражданская; войска, расположенныя въ губерніи, полиція и управленіе городовъ и всѣхъ уѣздовъ,—все, чѣмъ вѣдаютъ теперь городскія думы и земскія учрежденія, а равно и судъ—все это было подчинено военному губернатору. Но служебныя отличія и личный симпатичный характеръ Степ. Степ. Стрекалова—еще болѣе усиливали его значеніе въ тогдашнемъ казанскомъ обществѣ.

Digitized by Google

Онъ былъ сынъ одного изъ немногихъ статсъ-секретарей императрицы Екатерины II, участникъ войны 1812 года, генералъ-адъютантъ, а до Казани занималъ отвѣтственный постъ военнаго губернатора въ Тифлисѣ. Какъ человѣкъ, Стрекаловъ отличался большой добротой, доступностью для всѣхъ, честностью, мягкостью и любезностью въ обращеніи. Въ Казани его всѣ очень любили, что и доказали необыкновенно теплымъ и задушевнымъ съ нимъ прощаніемъ въ 1844 г. при оставленіи имъ должности казанскаго военнаго губернатора и назначеніи сенаторомъ. Въ 1856 году Стрекалова уже не было въ живыхъ, а казанскимъ военнымъ губернаторомъ былъ въ то время Ираклій Абрамовичъ Боратынскій, родной братъ поэта, Евгенія Абрамовича. У Александра Евграфовича и Марьи Степановны Лебедевыхъ было большое семейство, состоявшее изъ пяти дочерей, старшей изъ которыхъ было тъ то время 17 лѣтъ, и нѣсколькихъ сыновей. Къ среднимъ по возрасту барышнямъ и къ старшему сыну на лѣто былъ взятъ учитель-студентъ Рычкуновъ, съ которымъ познакомилась въ имѣніи Лебедевыхъ, Антонина Александровна Ушакова, ихъ родственница, имѣвшая также нѣсколько дочерей, и пригласила Рычкунова бывать у нея въ Казани, въ качествѣ знакомаго. Въ началѣ осени 1856 года у Ушаковыхъ, по случаю какого-то семейнаго праздника, былъ назначенъ танцовальный вечеръ; Рычкуновъ утромъ явился поздравить Анг. Александр. Ушакову и былъ ею приглашенъ на вечеръ. Захлопотавшись съ приготовленіями къ вечеру, она забыла предупредить объ этомъ своего мужа, Николая Александровича, человѣка желчнаго, раздражительнаго, надменнаго и грубаго. Ушаковъ

Digitized by Google

кичился почему-то своимъ происхожденіемъ, и занимая должность начальника казанскаго удѣльнаго управленія, имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, что въ то время было, въ особенности въ провинціи, рѣдкостью, не то что въ наши дни, когда въ Казани „штатскихъ генераловъ“ можно считать десятками, или дюжинами—ad libitum. Наткнувшись у себя на вечерѣ на студента Рычкунова, Ушаковъ спросилъ его своимъ грубо-отрывистымъ голосомъ:

—„Кто вы такой и на какомъ основаніи у меня въ домѣ?“

Рычкуновъ сконфузился, сталъ объяснять Ушакову, какимъ образомъ его пригласила Антонина Александровна, и началъ извиняться передъ нимъ, что не представился ему раньше.

Кажется, все этимъ и должно было бы кончиться, и всякій другой на мѣстѣ Ушакова, конечно, вполнѣ удовлетворился бы объясненіями молодого человѣка; но не таковъ былъ Николай Александровичъ. Онъ еще болѣе рѣзко попросилъ Рычкунова немедленно уѣхать, такъ какъ онъ не привыкъ и не желаетъ видѣть у себя на вечерѣ незнакомыхъ ему молодыхъ людей.

Сконфуженный студентъ исполнилъ желаніе Ушакова. Объясненіе его съ Рычкуновымъ быстро стало извѣстнымъ среди гостей, и всѣ студенты, бывшіе на вечерѣ, приняли къ сердцу незаслуженное оскорбленіе своего товарища и немедленно оставили домъ Ушакова. Лишь два студента не послѣдовали остальнымъ. Это были математики, братья Нагловскіе, родственники казанскихъ помѣщиковъ Леонтьевыхъ—Дмитрій Станиславичъ и Модестъ Станиславичъ. И въ казанскомъ обще-

Digitized by Google

ствѣ, и среди студентовъ, братьевъ Нагловскихъ звали *Митенька* и *Моденька*, такъ какъ они, принадлежа къ кружку студентовъ-аристократовъ, отличались приличными манерами, безукоризненнымъ поведеніемъ и ни въ какихъ шалостяхъ и кутежахъ студентовъ не участвовали. Моденька умеръ вскорѣ послѣ 1856 года, отъ тифа, еще будучи студентомъ, а Митенька, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ кандидатомъ, прошелъ затѣмъ двѣ военныя академіи: артиллерійскую и генеральнаго штаба и былъ въ турецкую войну 1877—78 г.г. однимъ изъ самыхъ видныхъ боевыхъ генераловъ. Занимая въ эту войну мѣсто начальника штаба въ корпусѣ генерала Гурко, Дм. Станисл. Нагловскій является однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ этого полководца.

Такимъ образомъ произошелъ крупный скандалъ, перешедшій въ „студенческую исторію“.

Ушаковъ запретилъ своимъ дочерямъ танцовать со студентами, а студенты стали всячески добиваться возстановленія своей репутаціи и ополчились цѣлой войной на Ушаковыхъ. По городу пошли разные слухи. Разсказывали, напримѣръ, что разъ вечеромъ студенты, подкарауливъ на улицѣ карету Ушаковыхъ, въ которой ѣхали барышни Ушаковы съ ихъ мамашей съ бала, заставили барышень провальсировать съ ними на улицѣ; а такъ какъ дѣло было зимой, то такой импровизированный танецъ, кромѣ оскорбленія нравственнаго, могъ весьма неблагопріятно повліять и на здоровье молодыхъ дѣвушекъ. Ушакову-отцу посылались анонимныя письма угрожающаго характера, а однажды—такъ передавала городская молва—въ окно казенной квартиры Ушакова полетѣлъ камень и разбивъ стекла, упалъ на полъ въ

Digitized by Google

гостиной, въ которой въ то время было много гостей. Все это не могло не волновать и казанское общество, и студентовъ, про которыхъ по городу пошли самые неодобрительные отзывы. Многія лица изъ такъ-называемаго „общества“ открыто порицали и даже бранили студентовъ. Въ числѣ этихъ порицателей были два офицера, находившіеся въ то время въ отпуску въ Казани —кн. Оболенскій и Лобачевскій, сынъ извѣстнаго профессора математика, столѣтній юбилей дня рожденія котораго Казань недавно отпраздновала съ такимъ почетомъ. Студенты рѣшили „наказать“ этихъ двухъ офицеровъ и, подкарауливъ ихъ послѣ какого-то бала, избили на улицѣ.

Дѣло начинало принимать серьезный характеръ. Студенты стали собираться въ сходки и обсуждать свои дальнѣйшія мѣропріятія и въ концѣ концовъ рѣшили прямо объясниться съ попечителемъ учебнаго округа. Влад. Порф. Молоствовымъ. Студенты вечеромъ собрались въ актовую залу. Молоствовъ, бывшій въ гостяхъ у губернатора Боратынскаго, явился на сходку и, растерявшись отъ неожиданности, обратился къ студентамъ съ рѣчью, въ которой хотѣлъ, прежде всего, разъяснить имъ неблаговидность ихъ поступковъ. Началъ онъ эту рѣчь весьма странно, желая, повидимому, представить историческій обзоръ всего дѣла.

—„... Барышни Ушаковы“,—такъ началъ попечитель, но... сказать рѣчи ему не удалось. Онъ былъ прерванъ рѣзкимъ свистомъ, а затѣмъ поднялся страшный шумъ и гвалтъ среди студентовъ. Попечитель долженъ былъ удалиться. Исходъ этого инцидента былъ весьма печаленъ. Наряжена была слѣдственная коммиссія, и

Digitized by Google

главный „зачинщикъ“ безпорядковъ, студентъ Ив. Ник. Умновъ былъ отданъ въ солдаты; остальные, менѣе виновные, были исключены изъ университета, съ подраздѣленіемъ, какъ это всегда бываетъ, на разныя категоріи: съ удаленіемъ изъ университета на всегда и съ удаленіемъ на разные сроки.

Эта первая въ Казани „университетская исторія“ не могла, разумѣется, не надѣлать большого шума въ городѣ. Она даже нашла себѣ мѣсто въ беллетристикѣ: съ нѣкоторыми отступленіями отъ дѣйствительныхъ фактовъ, съ неизбѣжными въ этомъ случаѣ литературными прикрасами, съ измѣненіемъ дѣйствительныхъ фамилій ея участниковъ, она разсказана П. Д. Боборыкинымъ, въ его первомъ крупномъ произведеніи, романѣ „Въ путь-дорогу“. Г. Боборыкинъ былъ въ то время студентомъ казанскаго университета и вслѣдъ за этой исторіей перешелъ въ дерптскій, (нынѣ юрьевскій) университетъ.

Недолго послѣ этой исторіи пробылъ въ Казани и попечитель Молоствовъ. Въ 1857 году онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Я мало помню Молоствова, хотя онъ и бывалъ у батюшки, но, на основаніи всего, что я о немъ слышалъ и въ тѣ года, и впослѣдствіи, я имѣю возможность сообщить о немъ весьма точныя свѣдѣнія.

Владиміръ Порфирьевичъ Молоствовъ (р. 1796 † 1866 г.) происходилъ изъ обширнаго казанскаго дворянскаго рода Молоствовыхъ, московскихъ служилыхъ людей, „испомѣщенныхъ“ въ среднемъ Поволжьи еще при царѣ Іоаннѣ Грозномъ,—и отличался многостороннимъ образованіемъ. Окончивъ курсъ въ знаменитомъ

Digitized by Google

нѣкогда училищѣ колонновожатыхъ, основанномъ ученымъ математикомъ и инженеромъ, Ник. Ник. Муравьевымъ, отцомъ извѣстныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, графа Мих. Ник. Муравьева-Виленскаго и Ник. Ник. Муравьева Карскского,—Влад. Порф. Молоствовъ поступилъ въ 1814 году въ адъютанты къ любимому племяннику императрицы Маріи Ѳеодоровны, принцу Евгенію Вюртембергскому. Принцъ Евгеній состоялъ въ русской военной службѣ, нося чинъ генералъ-майора съ десятилѣтняго возраста, и прибылъ въ Петербургъ въ 1801 г., еще при императорѣ Павлѣ, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Въ войнахъ императора Александра съ Наполеономъ принцъ принималъ дѣятельное и выдающееся участіе, и Молоствовъ, сблизившись и затѣмъ подружившись съ нимъ, съ 1814 года не разставался съ принцемъ Евгеніемъ въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Послѣ умиротворенія Европы въ 1815 году, Молоствовъ поселился въ родовомъ замкѣ принца Евгенія Вюртембергскаго—Карлсруэ, въ Силезіи, лишь изрѣдка наѣзжая оттуда въ Петербургъ, и, конечно, не могъ не поддаться вліянію тѣхъ культурныхъ условій, которыя составляютъ какъ бы традиціонное достояніе Вюртембергскаго герцогскаго дома. Природныя склонности Владиміра Порфирьевича: страсть къ чтенію, къ музыкѣ, пѣнію и вообще къ искусству, способность къ усвоенію языковъ—широко развились въ Карлсруэ, въ кружкѣ герцога Евгенія, въ числѣ членовъ котораго находился самъ великій творецъ „Фауста“—Гёте. Въ Силезіи доселѣ еще не совсѣмъ замеръ первоначальный коренной элементъ ея населенія—славянскій; а сосѣдство этой области съ двумя основными западно-славян-

Digitized by Google

скими племенами—чехами и поляками, ставило Молоствова съ молодыхъ его лѣтъ, т. сказ., въ центръ западнаго славянскаго міра, и онъ близко знакомится съ этимъ міромъ, изучая его рѣчь, бытъ и нравы и сближаясь съ представителями только что возникавшаго въ то время „славянскаго возрожденія". Женившись на русской (Авд. Вас Повалишиной), Молоствовъ всѣхъ своихъ дѣтей воспиталъ въ Германіи, и это воспитаніе не могло не отразиться на нихъ, наложивъ на все семейство Владиміра Порфирьевича своеобразную печать нѣмецкой культурности, рѣзко отличавшую ихъ среди ихъ сверстниковъ, дѣтей казанскихъ помѣщиковъ, учившихся и воспитавшихся у себя дома. Въ 1838 г. судьба переноситъ Влад Проф. Молоствова изъ культурнаго и покойнаго (Carlsruhe) уголка Силезіи въ край, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно противоположный—и некультурный, и безпокойный: онъ попадаетъ въ наказные атаманы уральскаго казачьяго войска и подъ начальствомъ оренбургскаго генералъ-губернатора, графа Вас. Ал. Перовскаго совершаетъ гибельный для русскаго войска и безрезультатный относительно первоначальной задачи хивинскій походъ. Изъ хивинскихъ и прикаспійскихъ степей генералъ Молоствовъ назначается въ 1847 году попечителемъ казанскаго учебнаго округа, на мѣсто переведеннаго въ петербургскіе попечители, также стариннаго казанскаго дворянина и помѣщика, Михаила Ник. Мусина Пушкина. Сенаторство Молоствова было номинальное. Послѣ долгаго пребыванія на восточныхъ русскихъ окраинахъ, въ такихъ діаметрально-противоположныхъ должностяхъ, какъ казацкій атаманъ и попечитель учебнаго округа,—его снова влекло въ Силезію,

Digitized by Google

въ „Карловъ покой“. Его другъ, герцогъ Евгеній умеръ, но были живы вдовствующая герцогиня и сынъ, и вотъ Влад. Порф. Молоствовъ переѣзжаетъ съ женой въ Карлсруэ. Тамъ проводитъ онъ послѣдніе года своей жизни, отдыхая подъ старость воспоминаніями о своей молодости. Тамъ онъ умеръ и погребенъ.

Молоствовъ былъ попечителемъ стараго типа, „Николаевскаго“, изъ военныхъ генераловъ и при новыхъ вѣяніяхъ подвергался разнымъ несправедливымъ нареканіямъ. Иные, считая его зауряднымъ генераломъ, не находили въ немъ достаточной подготовки для занимаемаго имъ отвѣтственнаго поста; другіе основывали свои сужденія о немъ на его необыкновенной разсѣянности, доходившей иногда до невѣроятныхъ размѣровъ. При императорѣ Николаѣ I все облекалось въ военную внѣшность, которая, само собою, не исключала во многихъ людяхъ этого царствованія серьезнаго содержанія; и попечители Николаевскаго времени изъ военныхъ далеко не были гонителями науки вродѣ Магницкаго, который, напротивъ, палъ при воцареніи императора Николая I; наоборотъ, многіе изъ нихъ прекрасно понимали задачи науки и высшаго, академическаго преподаванія и отличались большой независимостью. Для подтвержденія моихъ словъ достаточно припомнить двухъ попечителей 30-хъ и 40-хъ годовъ; московскаго—графа Серг. Григ. Строганова и кіевскаго—Фонъ-Брадке. До нѣкоторой степени такими попечителями были и предшественникъ Молоствова въ Казани Мусинъ-Пушкинъ (служившій до своего попечительства въ кавалергардахъ), и самъ Молоствовъ. Влад. Порф. Молоствовъ былъ казанскимъ попечителемъ въ болѣе чѣмъ трудное,—въ критическое

Digitized by Google

для русскихъ университетовъ время: то были—сначала злосчастная пора гоненія на русскую науку и русскую мысль, воздвигнутая послѣ европейскихъ событій 1848 года, когда самое существованіе русскихъ университетовъ висѣло на волоскѣ, а затѣмъ—эпоха реакціи этому гоненію, наступившая съ воцаренія императора Александра II.

Для характеристики Молоствова и того времени, въ которое онъ управлялъ казанскимъ учебнымъ округомъ, являются весьма важными слѣдующіе два факта, извлеченные изъ оффиціальныхъ документовъ [1]). Уѣзжая изъ Казани, попечитель обратился къ членамъ совѣта казанскаго университета съ письмомъ, которое и было доложено въ совѣтѣ. „Оставляя университетъ послѣ почти десятилѣтняго моего имъ управленія,—писалъ въ этомъ письмѣ попечитель,—я считаю самою пріятною обязанностью выразить г.г. просвѣщеннымъ членамъ его мою душевную благодарность за столь ревностное и просвѣщенное ихъ содѣйствіе въ столь важной возложенной на меня обязанности по дѣлу образованія юношества. При этомъ позволю себѣ увѣрить г.г. членовъ университета, что время, проведенное мною въ средѣ ихъ будетъ для меня незабвенно“. А вотъ второй фактъ: Молоствовъ, уже будучи сенаторомъ, исходатайствовалъ прощеніе отданному въ солдаты студенту Умнову, пострадавшему за оскорбленіе нанесенное лично ему, Молоствову, какъ о томъ было разсказано выше. Умновъ снова былъ принятъ въ университетъ.

---

[1]) См. ст. Н. А. Ѳирсова: «Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ 1855—1863 г.г.», Русск. Стар. 1889 г., т. LXI, с. 563—564.

Digitized by Google

Комментаріи къ этимъ фактамъ излишни: они говорятъ сами за себя.

III.

Преемникъ Молоствова Э. А. Груберъ.—Его жена.—Новыя движенія среди казанскихъ студентовъ.—Зачинъ общественныхъ студенческихъ учрежденій.—Студенческіе спектакли и концерты и артисты среди студентовъ.—Помощникъ попечителя, Ѳ. Ѳ. Веселаго.—Студенческое движеніе по поводу лекцій Н. Н. Булича.—Новый попечитель, кн. Пав. Петр. Вяземскій.

На мѣсто Молоствова попечителемъ въ Казань назначенъ человѣкъ очень безцвѣтный, и причиной его назначенія являлось быть можетъ лишь то обстоятельство, что онъ былъ *свой* человѣкъ въ Казани, не только уроженецъ нашего города, но и студентъ перваго выпуска казанскаго университета, товарищъ по ученію въ немъ С. Т. Аксакова, министра финансовъ А. М. Княжевича и поэта-идилика Вл. Ив. Панаева. То былъ членъ главнаго правленія училищъ, т. сов. Эварестъ Андр. Груберъ, недолго занимавшій свой постъ: онъ умеръ черезъ два года, 22 апрѣля 1859 г. О Груберѣ почти ничего даже и слышно не было; за то большой извѣстностью пользовалась въ казанскомъ обществѣ его жена, дама еще молодая, по годамъ годившаяся въ дочери своему мужу и очень любившая развлеченія и свѣтскія удовольствія. М-me Груберъ была хорошей музыкантшей, пѣла въ концертахъ романсы и участвовала въ любительскихъ спектакляхъ, бывшихъ тогда въ Казани въ большей модѣ и оффиціально носившихъ названіе „благородныхъ“. Осо-

Digitized by Google

бые лавры пожинала она въ такихъ, напримѣръ, пьесахъ, какъ, комедія-водевиль гр. В. А. Соллогуба: „Бѣда отъ нѣжнаго сердца“. Люди серьезные не одобряли такого поведенія, да и молодежь, въ томъ числѣ и студенты, которыми m-me Груберъ любила себя окружать, весьма естественно втайнѣ подтрунивали надъ молодой женой старика-попечителя.

Въ попечительство Грубера проявилась въ студенческихъ движеніяхъ уже новая нота. Студенты произвольно сочли себя вправѣ выражать „порицаніе“ устарѣвшимъ, по ихъ мнѣнію, въ научномъ отношеніи профессорамъ. Такія порицанія, хотя въ очень умѣренномъ видѣ, были выражены декану медицинскаго факультета, профессору физіологіи В. Ѳ. Берви, и профессору всеобщей исторіи В. М. Ведрову, едва только заступившему мѣсто М. И. Славянскаго, переведеннаго въ Москву на должность инспектора классовъ одного изъ тамошнихъ женскихъ институтовъ. Берви оставилъ каѳедру въ 1858 г., а В. М. Ведровъ въ 1859 г.

Въ эти же года, по примѣру университетовъ петербургскаго и московскаго, стали и въ казанскомъ организовываться разныя студенческія „учрежденія“. Они не разрѣшались начальствомъ оффиціально, но и не преслѣдовались. Оффиціальную санкцію они получили позднѣе, въ то время, когда я уже поступилъ въ университетъ. Во всѣхъ этихъ студенческихъ учрежденіяхъ въ то время политическій элементъ совершенно отсутствовалъ, а было только широко развито товарищеское общеніе и преслѣдовалась благая мысль о расширеніи свѣдѣній и о бо́льшемъ умственномъ саморазвитіи. Возникала между студентами самопомощь, стала образовываться студен-

Digitized by Google

ческая касса, основывались студенческія библіотеки по факультетамъ, возникали кружки между студентами по мѣсту ихъ родины и обученія до университета—прообразъ позднѣйшихъ „землячествъ“. Первая мысль о такихъ кружкахъ, сколько мнѣ помнится, возникла среди сибиряковъ. И въ библіотекахъ, и въ „кружкахъ“ студенты собирались, читали и обсуждали прочитанное. Библіотеки организовывались подъ руководствомъ профессоровъ. Такъ, я помню, какое живое участіе принималъ въ организаціи историко-филологической библіотеки Нилъ Александровичъ Поповъ. Книги въ библіотеки въ большинствѣ случаевъ жертвовались и кромѣ того выписывались по добровольной подпискѣ между студентами. Въ пользу недостаточныхъ студентовъ давались концерты и спектакли студентами и любителями изъ дворянскихъ кружковъ и весьма охотно посѣщались публикой. Въ то время студентамъ считалось неудобнымъ играть съ актрисами, а для женскихъ ролей на ихъ спектакляхъ не находилось подходящихъ исполнительницъ изъ т. назыв. свѣтскихъ барышень; а потому на студенческихъ спектакляхъ давались тѣ немногія пьесы, въ которыхъ не было женскихъ ролей (какъ напр. „Игроки“ Гоголя, водевиль „Хочу быть актеромъ“), или же тѣ акты изъ большихъ драмъ и комедій, въ которыхъ не являлись на сценѣ дамы. Среди студентовъ находились очень хорошіе артисты, актеры и музыканты. Въ числѣ первыхъ выдавались Федяй и Д. Н. Ларіоновъ, въ числѣ вторыхъ—Чубовскій, Беневитскій и Аленицинъ. Одинъ студентъ (фамилію его я забылъ) явился даже въ качествѣ драматическаго автора. Написанный имъ водевиль „Призракъ“, музыку для куплетовъ котораго составилъ Але-

Digitized by Google

ницынъ, давался на казанской публичной сценѣ, т. е. разыгрывался настоящими актерами и имѣлъ успѣхъ.

Помощникомъ попечителя при Молоствовѣ и Груберѣ былъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, ученый математикъ и морякъ, имѣвшій въ то время чинъ полковника. Студенты иначе не называли его, какъ „полковникъ". По смерти Грубера, до назначенія новаго попечителя, Веселаго управлялъ казанскимъ учебнымъ округомъ, и въ это-то время, т. сказ. въ „междуцарствіе", произошла новая, болѣе бурная, чѣмъ всѣ предыдущія, студенческая „исторія". Поводомъ для нея послужили лекціи Н. Н. Булича, о которомъ упомянуто было выше, и разыгралась она осенью 1859 года.

Н. Н. Буличъ, пробывъ передъ тѣмъ годъ за границей, занялъ, по возвращеніи въ Казань, каѳедру К. К. Фойгта, переведеннаго въ Харьковъ помощникомъ попечителя, и съ осени 1859 г. открылъ курсъ исторіи русской литературы XVII—XVIII в.в. Студенты приходили въ восторгъ отъ чтеній молодого профессора, находя ихъ очень „либеральными". Среди студентовъ циркулировали даже въ то время стихи, въ которыхъ, между прочимъ, находилась слѣдующая строфа:

Говорятъ, что нашъ печальный,
Нашъ озерный, мрачный край,—
Освѣщаетъ либеральный
Только Буличъ Николай!..

Въ сущности либерализмъ чтеній Н. Н. Булича сводился къ оглашенію съ каѳедры научныхъ результатовъ тѣхъ новыхъ изслѣдованій по исторіи русской литературы XVII и XVIII в.в., которыя появлялись тогда у

Digitized by Google

насъ въ печати, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ субъективныхъ мнѣній профессора по воззрѣніямъ своимъ примыкавшаго къ т. наз. западникамъ. Такія лекціи были въ то время въ Казани новостью и возбудили большой энтузіазмъ среди студентовъ, выразившійся въ дружныхъ и частыхъ апплодисментахъ.

Ѳ. Ѳ. Веселаго строго отнесся къ апплодисментамъ, увидавъ въ нихъ такую же демонстративную выходку со стороны студентовъ, только выраженную въ противоположномъ направленіи, какая была съ ихъ стороны заявлена противъ Берви и Ведрова. Начались сходки, на которыхъ обсуждались какъ лекціи Булича, такъ и распоряженія начальства, и эти сходки повели къ исключенію многихъ студентовъ, главнымъ образомъ историко-филологическаго факультета, которые были высланы изъ Казани съ жандармами въ мѣста ихъ родины. Но эта высылка повела къ новымъ броженіямъ среди студентовъ. На сходкахъ рѣшено было всѣмъ студентамъ поголовно выдти изъ университета. Такъ какъ коллективныя прошенія были запрещены и подача ихъ могла повести къ новымъ исключеніямъ, то студенты подавали отдѣльныя прошенія. Дальнѣйшихъ подробностей этой исторіи я не помню. Знаю только, что въ скоромъ времени всѣ студенты, подавшіе прошенія объ увольненіи изъ университета, были вновь въ него приняты; профессоръ же Н. Н. Буличъ, также *по прошенію*, причисленъ къ министерству, а Ѳ. Ѳ. Веселаго отозванъ изъ Казани. Очевидно тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій не одобрилъ дѣйствій казанскаго университетскаго начальства.

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ того у насъ явился новый попечитель, камеръ-юнкеръ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, сынъ извѣстнаго поэта 20-хъ и 30-хъ годовъ и друга Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, князя Петра Андрсевича Вяземскаго. Былъ онъ у насъ попечителемъ недолго, до конца 1861 г., въ самое смутное время для казанскаго университета, но оставилъ по себѣ добрую память, какъ среди профессоровъ, такъ и среди студентовъ. Уже одно это обстоятельство служитъ само по себѣ достойной характеристикой князя Вяземскаго. Это былъ попечитель новой, т. сказ. „реформенной" формаціи. При министрѣ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскомъ, смѣнившемъ А. С. Норова, вмѣсто военныхъ генераловъ Николаевскаго времени, въ попечители учебныхъ округовъ стали назначать людей или изъ высшаго круга, имѣющихъ широкое общее образованіе, или же ученыхъ, пользующихся выдающейся научной репутаціей. Такъ, въ Петербургъ былъ назначенъ князь Щербатовъ, въ Кіевъ—знаменитый врачъ-анатомъ и педагогъ Пироговъ, въ Москву (помощникомъ попечителя) графъ А. С. Уваровъ, молодой археологъ, сынъ извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія въ царствованіе императора Николая I.

Князя П. П. Вяземскаго я хорошо помню. Онъ былъ большой оригиналъ, начиная съ наружности. Высокій ростомъ, необыкновенно тучный, съ густыми черными волосами на головѣ, всегда гладко выбритый, но не всегда какъ слѣдуетъ причесанный, нерѣдко весьма даже неряшливо одѣтый, и постоянно неразлучный съ своимъ моноклемъ въ правомъ глазу,—князь отличался своеобразными, рѣзкими манерами, но въ нихъ тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе просвѣчивала воспитанность и привычка къ большому петербургскому свѣту, къ которому онъ принадлежалъ. Печать лѣни, усталости, апатіи лежала на всей его фигурѣ, хотя на самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ живой, даже весьма подвижный, очень разговорчивый, любезный, вѣжливый и способный къ занятіямъ, нерѣдко весьма усидчивымъ. Онъ держалъ себя чрезвычайно просто, непринужденно и со всякимъ равно. Не только съ губернаторомъ и другими провинціальными властями и людьми вліятельными, но и съ министромъ народнаго просвѣщенія (Е. П. Ковалевскій посѣтилъ Казанъ въ 1860 году) онъ обращался точно также свободно, какъ обращался и со своими подчиненными и со студентами. Чуждый всякой формалистики, не любившій внѣшнихъ „начальническихъ“ пріемовъ и презиравшій всякое низкопоклонство, въ какой бы благовидной формѣ оно ни проявлялось, князь Вяземскій во всемъ обращалъ вниманіе на „суть“ дѣла; терпѣть не могъ канцелярской переписки и пустой оффиціальности, и нерѣдко простой резолюціей на бумагѣ и словеснымъ разрѣшеніемъ быстро оканчивалъ такія дѣла, которыя при обычномъ русскомъ канцеляризмѣ, потребовали бы для своего „теченія“,— не говорю уже о разрѣшеніи,—недѣли и даже мѣсяцы. Князь любилъ общество, и вечеромъ большею частью проводилъ время въ дворянскомъ клубѣ, играя тамъ въ карты; возвращался домой онъ очень поздно, и казанская провинціальная публика недоумѣвала: когда же онъ занимается дѣломъ? А онъ занимался, что выражалось въ его дѣятельности по округу.

Въ Казани князь Вяземскій жилъ какъ бы на бивуакахъ. Онъ прибылъ къ намъ безъ жены, извѣстной

Digitized by Google

нѣкогда красавицы, портретъ которой былъ помѣщенъ въ числѣ избранныхъ русскихъ красавицъ въ альманахѣ 30 хъ годовъ „Утренная Заря“—и безъ дѣтей: очевидно свой постъ считалъ онъ временнымъ и случайнымъ, и каждое лѣто, а нерѣдко и на праздники зимой, уѣзжалъ въ Петербургъ. Его квартира въ казанскомъ университетскомъ домѣ, гдѣ въ настоящее время помѣщается ректоръ университета, носила всѣ признаки временнаго пребыванія и почти лишена была меблировки. Въ этой квартирѣ онъ усердно занимался дѣлами и ежедневно принималъ у себя по утрамъ всѣхъ, кто до него имѣлъ надобность; профессора университета были для него желанными гостями. Онъ сближался съ ними и постоянно совѣщался по тогдашнимъ труднымъ университетскимъ дѣламъ. Но не съ одними профессорами входилъ въ общеніе новый попечитель. Онъ знакомился лично и съ педагогическимъ персоналомъ среднихъ и низшихъ учебныхъ зеведеній. У князя Вяземскаго, на его квартирѣ, собирались нерѣдко по вечерамъ и учителя гимназій, и учителя низшихъ казанскихъ училищъ—уѣзднаго и приходскихъ. Здѣсь, за чаемъ, съ папиросами и сигарами (князь очень много курилъ), въ безцеремонной бесѣдѣ, попечитель, разумѣется, могъ лучше узнать учителей и ихъ дѣятельность, чѣмъ при парадныхъ посѣщеніяхъ учебныхъ заведеній, большею частью извѣстныхъ тамъ заранѣе.

О простотѣ въ обращеніи князя Вяземскаго ходило много разсказовъ, приводившихъ казанцевъ въ немалое смущеніе; мѣстные вліятельные люди пожимали плечами, молодежь восторгалась. Вотъ два изъ такихъ разсказовъ.

Digitized by Google

Князь П. П. Вяземскій давно занимался „Словомъ о Полку Игоревѣ“, этимъ любопытнымъ и загадочнымъ памятникомъ древней русской литературы, и сочиненіе его о немъ было напечатано въ началѣ 50-хъ годовъ, во „Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ“ (кн. XI). При назначеніи кн. Вяземскаго попечителемъ въ Казань, усердный и ревностный „угодникъ“ всякому начальству, тогдашній директоръ 1-й казанской гимназіи, Ив. Александр. Сахаровъ, поспѣшилъ пріобрѣсти эту книгу „Временника“ и, выдравъ изъ нея монографію князя Вяземскаго, переплелъ и помѣстилъ на видномъ мѣстѣ въ гимназической библіотекѣ. Попечитель пріѣхалъ въ I-ю гимназію, обозрѣлъ ее, и разумѣется, не вошелъ въ подробную переборку всей библіотеки. Тогда Сахаровъ вынулъ книгу изъ шкафа и почтительнѣйше представилъ ее попечителю.

—„Это что за книга?“ отрывисто спросилъ тотъ.

—Ученое изслѣдованіе вашего сіятельства,—раболѣпно-почтительно заявилъ директоръ.

Князь Вяземскій освободилъ свой правый глазъ отъ монокля и, взявъ въ руки книгу, взглянулъ на заглавіе.

—„Ахъ, да! Первый мой опытъ. Охота вамъ была тратить на это казенныя деньги! Въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, да и книга-то вовсе для гимназіи непригодная“.

Эффектъ произошелъ, очевидно, совершенно обратный, какого отнюдь не ожидалъ И. А. Сахаровъ.

Второй разсказъ не менѣе характеренъ. При назначеніи въ Казань, князь Вяземскій не имѣлъ еще „генеральскаго ранга“; но, кажется, въ тотъ же годъ

Digitized by Google

получилъ таковой, а съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, какъ извѣстно, несовмѣстимо званіе камеръ-юнкера: или нужно получить камергера, или же произведенный лишается придворнаго званія. Князь Вяземскій очутился въ положеніи послѣднемъ и, поѣхавъ въ Петербургъ, не могъ уже представиться Государю въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, а долженъ былъ сшить себѣ мундиръ попечителя казанскаго учебнаго округа. При представленіи императоръ Александръ II былъ удивленъ и тѣмъ, что князь Вяземскій не въ придворной формѣ, и тѣмъ, что на немъ какой-то странный мундиръ. Нужно замѣтить, что казанскій учебный округъ имѣлъ (до послѣдней нашей „мундирной“ реформы) особые мундиры, шитье которыхъ, и по узору, и по цвѣту,—не подходило подъ мундиры министерства народнаго просвѣщенія. Чины центральнаго управленія министерства и всѣ учебные округа, за исключеніемъ казанскаго и харьковскаго, имѣли шитье золотое, а мы съ харьковцами—серебряное. Такое же шитье и синій цвѣтъ сукна мундира имѣли въ то время гражданскіе чины министерства путей сообщенія, которыхъ Государю не приходилось принимать у себя, потому что министрами и начальниками отдѣльныхъ частей этого вѣдомства были тогда все люди въ эполетахъ.

—„Что это, князь, на тебѣ за смѣшной мундиръ и почему ты не въ придворномъ?“—удивленно и укоризненно спросилъ императоръ Александръ II.

—Очень просто почему, Ваше Величество,—не стѣсняясь отвѣчалъ попечитель. Вамъ угодно было произвести меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и я не имѣю болѣе права быть Вашимъ камеръ-юнкеромъ,

Digitized by Google

а потому и долженъ былъ явиться къ Вашему Величеству въ мундирѣ казанскаго учебнаго округа.

Государь засмѣялся.—„Я тебя не привыкъ видѣть въ другомъ мундирѣ, какъ въ придворномъ; это ошибка“,—сказалъ онъ.

На другой же день князю Вяземскому былъ присланъ камергерскій ключъ.

Къ студентамъ кн. Вяземскій относился благожелательно. Хорошо понимая, что молодость есть удѣлъ каждаго и памятуя стихъ Пушкина: „блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ“—онъ добродушно смотрѣлъ на такія проявленія среди студенчества, которыя въ зрѣломъ возрастѣ не могли быть терпимы, а въ юношествѣ были лишь естественнымъ продуктомъ возраста, въ который „и кровь кипитъ, и силъ избытокъ“. Ошибались тѣ, которые желали объяснять такое отношеніе князя Вяземскаго къ учащейся молодежи, или его слабохарактерностью, или лѣнью, или заискиваньемъ передъ студентами съ цѣлью созданія себѣ репутаціи „либерала“ и „передового“. Не таковъ былъ князь Вяземскій, никогда ни передъ кѣмъ не заискивавшій и не любившій популярничанья. Я поступилъ въ университетъ при кн. Вяземскомъ и былъ очевидцемъ такого отношенія его къ студентамъ. Хотя самые факты этого отношенія и не входятъ въ рамки моихъ теперешнихъ воспоминаній—о нихъ я разскажу какъ нибудь послѣ, когда буду припоминать свое студенчество,—но въ настоящее время не могу отказать себѣ въ удовольствіи, для болѣе полной характеристики князя П. П. Вяземскаго, въ сообщеніи одного изъ эпизодовъ, относящихся къ послѣднему году его попечительства въ Казани и ко времени моего студенчества.

Digitized by Google

Въ 1861 году лѣтомъ пріѣзжалъ въ Казань наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ и посѣтилъ университетъ. Помню прекрасно, какъ мы студенты стояли густой толпой въ большихъ университетскихъ сѣняхъ съ параднаго подъѣзда, когда Его Высочество подъѣхалъ къ университету. Сопровождаемый казанскимъ губернаторомъ Козляниновымъ и лицами свиты, наслѣдникъ цесаревичъ, входя въ портикъ университетскаго подъѣзда, очень сконфузился, увидавъ передъ собой массу совершенно незнакомыхъ ему молодыхъ людей. Вдругъ раздался громкій и веселый голосъ князя Вяземскаго: „Имѣю честь представиться Вашему Императорскому Высочеству". Попечитель въ мундирѣ стоялъ въ дверяхъ университетскаго зданія и подалъ великому князю почетный рапортъ. Надо было видѣть радость цесаревича, встрѣтившаго человѣка, хорошо ему знакомаго съ дѣтства. Я залюбовался и этой радостью, и той почтительной простотой, съ которой обращался съ Его Высочествомъ кн. Вяземскій. Попечитель повелъ наслѣдника по аудиторіамъ, по кабинетамъ, все ему объясняя и разсказывая, и мы студенты слѣдовали за ними.

—„До свиданія, господа",—ласково обратился къ намъ наслѣдникъ цесаревичъ съ поклономъ, и оставилъ университетъ. На другой и третій день онъ опять былъ въ университетѣ и слушалъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ: по физіологіи—Овсянникова, по физикѣ—Больцани и по исторіи русской литературы—Булича, въ то время вернувшагося въ нашъ университетъ. Послѣднему цесаревичъ любезно замѣтилъ, что онъ напомнилъ ему его учителя, Ѳ. И. Буслаева.

Digitized by Google

IV.

Казанскіе профессора пятидесятыхъ годовъ.—Профессора, знакомые моихъ родителей за время 1856—1860 г.г.—Ник. Никит. Буличъ и Викт. Ив. Григоровичъ. Ив. Кондр. Бабстъ.

Профессоровъ въ казанскомъ университетѣ въ 50-хъ годахъ было гораздо меньше чѣмъ теперь, потому что и студентовъ было почти втрое меньше, и спеціализація знаній, особенно на медицинскомъ факультетѣ, далеко не была такъ развита, какъ въ наши дни. Въ настоящее время покажется, напримѣръ, даже невѣроятнымъ, что одинъ профессоръ, а именно упомянутый выше В. Ѳ. Берви, занималъ двѣ каѳедры, изъ которыхъ одна заключала въ себѣ сравнительную анатомію и физіологію человѣка, а другая—общую патологію; П. И. Вагнеръ, будучи докторомъ медицины, являлся ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи (подъ послѣдней разумѣлись геологія вмѣстѣ съ палеонтологіей) и вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ студентамъ естественнаго разряда сравнительную анатомію и физіологію животныхъ; химія не подраздѣлялась на ея теперешнія развѣтвленія и преподавалась однимъ профессоромъ —правда знаменитымъ представителемъ этой науки—А. М. Бутлеровымъ. Гордость и слава казанскаго университета—факультетъ восточныхъ языковъ, въ исходѣ 1854 года былъ переведенъ въ Петербургъ и съ нимъ оставили свой родной университетъ лучшіе наши профессора оріенталисты. Этимъ отторженіемъ восточнаго факультета казанскій университетъ былъ очень обезсиленъ въ научномъ отношеніи и утратилъ свою мѣстную и весьма

Digitized by Google

оригинальную физіономію, ставившую его наряду съ выдающимися европейскими учеными учрежденіями. Изо всего факультета, какъ бы спасшимися послѣ крушенія остатками, являлись извѣстный монголистъ О. М. Ковалевскій, назначенный ректоромъ университета по смерти И. М. Симонова (въ 1855 г.), и библіотекарь І. Ѳ. Готвальдъ, бывшій профессоромъ арабско-персидской словесности. Изъ числа профессоровъ остальныхъ факультетовъ училось собственно въ казанскомъ университетѣ весьма немного, да и эти немногіе пріобрѣтали свои высшія ученыя степени въ университетахъ московскомъ и петербургскомъ, которые въ то время пользовались у насъ въ Поволжьи, удаленной отъ умственныхъ центровъ провинціи, авторитетомъ столичныхъ ученыхъ учрежденій. Въ общемъ составѣ профессоровъ и преподавателей было немало нѣмцевъ, изъ которыхъ иные весьма плохо владѣли русскимъ языкомъ; это были тоже остатки прежней, почти сплошь нѣмецкой формаціи ученаго персонала нашего унизерситета, являясь эпигонами отживавшаго направленія абстрактно-философской нѣмецкой академической схоластики; тѣмъ не менѣе они имѣли еще силу и значеніе въ университетскомъ совѣтѣ, который въ 50-хъ годахъ распадался на двѣ партіи: нѣмецкую—отживающую и русскую—прогрессивную. Къ первой изъ нихъ принадлежало, впрочемъ, нѣсколько и русскихъ профессоровъ.

Было не мало среди профессоровъ не только достойныхъ, но и выдающихся представителей науки. Имена профессора механики Котельникова, финансиста Осокина, зоолога Эверсмана, анатома Аристова, астронома Ковальскаго, химика Бутлерова и затѣмъ цѣлый

Digitized by Google

рядъ ученыхъ, о которыхъ я буду сейчасъ говорить— служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Мои родители были знакомы со многими профессорами казанскаго университета и, главнымъ образомъ, съ профессорами историко-филологическаго факультета. Н. Н. Буличъ, В. И. Григоровичъ, И. К. Бабстъ, С. В. Ешевскій, Н. А. Поповъ, В. Г. Варенцовъ—вотъ тѣ почтенные ученые, которые являлись частыми посѣтителями нашей гостиной съ 1856 по 1860 г. Бывали у насъ еще два профессора, не столь часто, какъ они, это— М. Я. Китарры и Ю. А. Микшевичъ. У Н. Н. Булича и В. И. Григоровича я слушалъ впослѣдствіи лекціи, будучи студентомъ университета, а потому на нихъ я остановлюсь подробно въ своихъ студенческихъ воспоминаніяхъ. Что же касается до профессора Микшевича, то его я мало помню до 1860 года, но помню очень хорошо за время моего студенчества и по окончаніи мною курса въ казанскомъ университетѣ.

Николай Никитичъ Буличъ, въ 1856 году тридцатилѣтній экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ русской словесности, привлекалъ меня къ себѣ прежде всего своею внѣшностью, необыкновенно изящной и щеголеватой. Въ то время это былъ высокаго роста брюнетъ, съ вьющимися, но тщательно приглаженными волосами, всегда безукоризненно одѣтый, съ ровной походкой и мягкими, любезными манерами въ обращеніи; съ плавной, размѣренной и тихой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдкой и насмѣшливой, рѣчью; съ задумчивымъ, сосредоточеннымъ и нерѣдко ироническимъ выраженіемъ лица. Н. Н. Буличъ особенно часто бывалъ у насъ въ 1859 году, по возвращеніи изъ-за границы, именно въ ту пору, когда

Digitized by Google

студенты восхищались его либеральными лекціями. Его продолжительное пребываніе за границей, что въ то время было далеко не такъ общедоступно, какъ теперь, и успѣхъ его университетскихъ чтеній—ставили въ моихъ глазахъ Н. Н. Булича на недосягаемый для меня научный пьедесталъ. На него смотрѣлъ я, какъ на представителя строгой, западноевропейской науки, каковымъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Его лекціи по исторіи русской литературы, особенно новой, эпохи Петра Великаго, были взяты моимъ учителемъ, студентомъ-филологомъ Н. И. Виноградскимъ, въ качествѣ матеріала для уроковъ со мной и очень мнѣ нравились, главнымъ образомъ съ библіографической стороны. Эти лекціи, на ряду съ лекціями С. В. Ешевскаго, о чемъ рѣчь будетъ ниже, и съ появившимися тогда въ журналахъ статьями изъ той же эпохи: Пекарскаго, Лонгинова, Сухомлинова, Щебальскаго, Семевскаго и др. оказали большое вліяніе на мои послѣдующія научныя занятія.

Викт. Ив. Григоровичъ, извѣстный славистъ, одинъ изъ основателей науки славяновѣдѣнія, по праву принадлежитъ къ весьма немногимъ изъ самыхъ выдающихся именъ въ русской наукѣ и въ исторіи нашего народнаго самосознанія. Это былъ мыслитель и ученый стараго типа, человѣкъ идеи прежде всего и въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова анахоретъ отвлеченной мысли и научнаго знанія. Въ житейской практикѣ, даже въ самыхъ обыденныхъ, несложныхъ дѣлахъ, онъ былъ совершеннѣйшій ребенокъ, потому что жизнь духа, жизнь мысли—для него было все, а на вещественныя, матеріальныя условія жизни онъ не обращалъ никакого вниманія. Идеалистъ, съ оттѣнками мечтательности и мистицизма,

Digitized by Google

романтикъ славянства, но отнюдь не славянофилъ въ московскомъ смыслѣ, Григоровичъ носилъ въ своей душѣ нравственные и умственные идеалы славянскаго единенія и братства, твердо вѣруя въ живучесть самобытной славянской культуры. Онъ особенно занимался первыми вѣками славянскаго самосознанія и югославянами, а потому былъ большой знатокъ, какъ византійской исторіи и письменности, такъ и древней письменности славяно-русской. На этой почвѣ онъ сходился со многими учеными русскими монахами съ одной стороны и съ раскольниками-старообрядцами съ другой. Во время пребыванія своего на Аѳонѣ, въ Болгаріи, Румеліи и Македоніи, Григоровичъ вошелъ въ сношенія съ духовными лицами Балканскаго полуострова—славянами и греками, и сколько проходимцевъ изъ этого класса злоупотребляли довѣріемъ идеалиста-профессора въ Казани, являясь туда за подачками и милостынею!

Въ Казани Григоровичъ былъ долго. Съ 1842 по 1863 годъ, двадцать слишкомъ лѣтъ, занималъ онъ въ нашемъ университетѣ каѳедру славянскихъ нарѣчій и, несмотря на такое продолжительное время, въ казанскомъ обществѣ понимали его неправильно, оцѣнивая главнымъ образомъ только съ внѣшней, наружной стороны. Его общей мысли, его научной системы большинство казанскаго общества не могло себѣ уяснить, теряясь въ подробностяхъ печатныхъ его трудовъ, представлявшихъ лишь незначительныя части, фрагменты того стройнаго зданія славяновѣдѣнія, которое было создано его обобщающимъ умомъ и которое всегда ясно предносилось его мысленному взору. Личный характеръ Григоровича былъ характеромъ очень сложнымъ и могъ легко также ввести

Digitized by Google

въ заблужденіе, какъ и его ученые труды. Подъ кажущейся наивностью и якобы простосердечіемъ Григоровичъ скрывалъ большую, если можно такъ выразиться, дозу „духовной гордости“, на что имѣлъ, разумѣется, полное право, и доходилъ въ этомъ отношеніи до весьма злой ироніи. Онъ насмѣшливо преувеличивалъ заслуги многихъ ученыхъ, а себя, въ противоположность имъ, любилъ называть „плебеемъ“, „скромнымъ и отсталымъ труженникомъ“, „чернорабочимъ науки“. Всецѣло отдаваясь поглощающей его умъ идеѣ, въ житейскомъ обиходѣ Григоровичъ отличался цѣлымъ рядомъ чудачествъ и оригинальныхъ манеръ. И вотъ, въ Казани почти всѣ знавшіе Григоровича смотрѣли на него, какъ на изслѣдователя мелочей, какъ на фантазера-антиквара, какъ на книжника-буквоѣда; иные считали его человѣкомъ наивнымъ, простецомъ, съ незлобивымъ и нѣжнымъ сердцемъ, другіе потѣшались надъ его чудачествами, его внѣшностью, его дѣйствительно странными манерами. Массу анекдотовъ, весьма смѣшныхъ, разсказывали о немъ—о его разсѣянности, о его забывчивости, о его странныхъ обычаяхъ, о безпорядкѣ въ его квартирѣ, о его своеобразномъ костюмѣ, въ которомъ онъ принималъ у себя, о его собачкѣ „Болванѣ“, всюду его сопровождавшей и т. п. Такъ напримѣръ, передавали такой анекдотъ: будто для того, чтобы не отвлекаться отъ своихъ научныхъ занятій, Григоровичъ нанялъ квартиру въ подгородной къ Казани Ягодной слободѣ, верстахъ въ пяти отъ университета, и для моціона ходилъ на лекціи пѣшкомъ; но такъ какъ, зарывшись въ славянскія рукописи и книги, при своей чрезвычайной разсѣянности, онъ могъ забыть часъ лекціи въ университетѣ, то передъ нимъ

Digitized by Google

на столѣ всегда лежали карманные часы, поставленные по *тобольскому меридіану*, т. е. часа на два впередъ противъ казанскаго времени. Увидавъ часъ, назначенный для лекціи, Григоровичъ торопливо вскакивалъ, забиралъ свои книги и тетрадки и быстро шелъ въ университетъ.

Въ 1856 году В. И. Григоровичу было за сорокъ лѣтъ. Это былъ мужчина средняго роста, довольно полный, коренастый, лысый, съ коротко подстриженными баками (бороду и усы онъ тщательно брилъ), съ сѣрыми, весьма выразительными глазами и съ особой, своеобразной, то добродушной, то иронической улыбкой. Одѣвался Григоровичъ преоригинально. У себя дома зимой пребывалъ онъ въ какомъ-то мѣховомъ тулупчикѣ и въ туфляхъ, а въ гости являлся не иначе какъ во фракѣ, или въ вицмундирѣ, съ цилиндромъ въ рукахъ. При такихъ посѣщеніяхъ Григоровичъ выражалъ претензіи на щегольство, которое ему никогда не удавалось: онъ душился и помадился, какъ говорили, самъ составляя разные косметики, но запахъ отъ духовъ былъ какой-то странный, отдавая почему-то больше всего гвоздикой. Фракъ и вицмундиръ были постоянно испачканы, руки грязны, сорочка и цилиндръ измяты, а сапоги не чищены. Григоровичъ рѣдко ѣздилъ по городу въ экипажѣ, все больше ходилъ пѣшкомъ, ходилъ же онъ очень быстро, вѣчно спѣша и задыхаясь отъ ходьбы, потому что постоянно былъ нагруженъ связками книгъ и бумагъ, которыя частію носилъ подъ мышкой, а частію онѣ торчали у него изъ кармановъ, чѣмъ разумѣется, еще болѣе затрудняли его движенія и утомляли его. Его уличный костюмъ былъ еще оригинальнѣе комнатнаго. Лѣтомъ и осенью неизмѣнное драповое пальто, нерѣдко въ накидку, и

Digitized by Google

старая, помятая фуражка; зимой какая-то невозможная шуба. Въ рукахъ у него постоянно зимою и лѣтомъ была толстая суковатая палка.

У насъ Григоровичъ бывалъ часто. Съ отцемъ они много разговаривали о восточномъ вопросѣ и объ отношеніяхъ къ намъ Австріи; съ матушкой, дамой очень религіозной и богомольной—объ Аѳонѣ и православной греческой святынѣ. Моя гувернантка, Нат. Ив. Дубровина, проведшая свое дѣтство и отрочество въ Ригѣ и умѣвшая говорить по латышски, приводила этимъ въ восторгъ Григоровича, и я помню, какъ разъ онъ принесъ ей цѣлый ворохъ старыхъ латышскихъ книгъ, напечатанныхъ въ прошломъ столѣтіи готичекимъ шрифтомъ. То были большею частью разные молитвеники и книги религіознаго содержанія. Немало затрудненій причинилъ этимъ Викторъ Ивановичъ Натальѣ Ивановнѣ Дубровиной. По нѣмецки она говорила и читала какъ на родномъ своемъ языкѣ, по латышски говорила бѣгло, но читать латышскія книги съ готичекой транскрипціей было для нея очень трудно.

Я также часто посѣщалъ Григоровича. Его панславистическія воззрѣнія были мало мнѣ понятны въ то время; тѣмъ менѣе понималъ я его ученыя заслуги. Меня привлекали къ Григоровичу его рукописи и старыя книги, до которыхъ я былъ съ дѣтства большой охотникъ. Страннымъ казалось мнѣ тогда его недовольство Казанью, что онъ выражалъ постоянно, но теперь я хорошо понимаю душевное состояніе знаменитаго русскаго слависта.

Ив. Кондр. Бабста, занимавшаго съ 1851 по 1857 г. каѳедру политической экономіи въ казанскомъ универси-

Digitized by Google

тетѣ, которая въ то время читалась на историко филологическомъ факультетѣ, я помню очень хорошо, хотя вскорѣ послѣ переѣзда нашего въ Казань, онъ и уѣхалъ въ Москву, гдѣ занялъ каѳедру Вернадскаго. Бабстъ производилъ на меня большое впечатлѣніе, какъ одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Грановскаго и близкій человѣкъ къ моему дядѣ К. Д. Кавелину, передъ именемъ котораго я въ то время просто благоговѣлъ. Живой, подвижный, веселый, Бабстъ прекрасно говорилъ по русски и по нѣмецки, и я любилъ слушать его разсказы про Ригу, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе, и про порядки дерптскаго университета. Ригой и Дерптомъ я интересовался въ то время по разсказамъ Н. И. Дубровиной. Москва съ ея университетомъ, по семейнымъ традиціямъ, съ самаго дѣтства привлекала къ себѣ мое вниманіе. 5 Іюня 1856 года, на университетскомъ актѣ (тогда въ нашемъ университетѣ акты бывали лѣтомъ, а не 5 Ноября, какъ теперь), Бабстъ произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ: „О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала“, которая произвела въ то время большую сенсацію не только въ Казани, но и въ передовыхъ кружкахъ Москвы и Петербурга, и встрѣчена была хвалебными отзывами въ самыхъ прогрессивныхъ журналахъ: „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Современникѣ“. Успѣхъ этой рѣчи объясняется намеками въ ней на предстоявшее освобожденіе крестьянъ, а намеки эти были Бабстомъ чуть-ли не первымъ высказаны въ печати—и въ этомъ отношеніи его актовая рѣчь имѣла большое историческое значеніе. Она была произнесена и напечатана до коронаціи императора Александра II, когда впервые высказанъ самимъ Государемъ намекъ на

Digitized by Google

улучшеніе быта крестьянъ. Бабстъ подарилъ свою рѣчь моему отцу и много говорилъ съ нимъ по ея поводу; я же, разумѣется, въ то время ничего не могъ понимать изъ ихъ разговоровъ по этому вопросу.

V.

Два профессора русской исторіи въ казанскомъ университетѣ 1856—1860 г.г.: Степ. Вас. Ешевскій и Нилъ Александр. Поповъ.—Казанскій актеръ Милославскій.—Преподаватель русской словесности В. Г. Варенцовъ.—Мод. Яг. Китарры и его значеніе для Казани.—Публичныя лекціи въ Казани по прикладнымъ знаніямъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ и успѣхъ этихъ лекцій.

Иначе относился я къ исторіи, которая и въ тотъ ранній возрастъ уже приковывала къ себѣ мое вниманіе. Въ этомъ отношеніи большое вліяніе оказалъ на меня Ст. Вас. Ешевскій, только что въ 1856 г. занявшій въ казанскомъ университетѣ каѳедру русской исторіи вмѣсто Ник. Ал. Иванова. Его лекціи по русской исторіографіи я читалъ лѣтомъ 1856 года у моего учителя Логинова, слушателя Ешевскаго, а затѣмъ въ 1857 г. тотъ же Логиновъ, а позднѣе Виноградскій, приносили мнѣ и давали читать лекціи Ешевскаго по исторіи царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Оба эти курса производили на меня глубокое впечатлѣніе и съ тѣхъ еще поръ установили двѣ основныя спеціальности моихъ послѣдующихъ занятій русской исторіей—ея исторіографіей и XVIII вѣкомъ. Въ 1857 г. четыре профессора—Буличъ, Бабстъ, Ешевскій и Пахманъ читали въ Казани публичныя лекціи, не помню, съ какой благотворительной цѣлью:

Digitized by Google

Буличъ о Державинѣ, Бабстъ о промышленномъ значеніи Волги, Ешевскій объ историческомъ значеніи русской колонизаціи въ Поволжьи и Пахманъ, если не измѣняетъ мнѣ память, о юридическихъ обычаяхъ казанскихъ инородцевъ финскаго племени. Изъ этихъ лекцій я былъ на лекціи Ешевскаго, которая тоже такъ меня поразила, что и вопросъ о колонизаціи русскаго племени сталъ однимъ изъ интереснѣйшихъ для меня вопросовъ въ руской исторіи: ему я посвятилъ мою магистерскую диссертацію. Но Ешевскій имѣлъ вліяніе и на мои занятія всеобщей исторіей. Въ декабрѣ 1856 г. пріѣхала въ Казань родственница моего отца, Елена Ѳеод. Укова и привезла мнѣ въ подарокъ многотомную „Всемірную исторію“ итальянца Чез. Канту во французскомъ переводѣ (C. Cantu, „Histoire universelle“, 1853—1855, 19 vol in 8°), излагающую событія политической жизни и культурную исторію всего человѣчества отъ сотворенія міра до 30-хъ годовъ XIX в. Канту такъ-таки и начинаетъ свою „Исторію“ съ изложенія книги Бытія. Ешевскій, какъ разъ вскорѣ послѣ этого подарка пріѣхалъ къ намъ вечеромъ съ Буличемъ и Бабстомъ, и я, разумѣется, не замедлилъ похвастаться передъ нимъ моимъ Канту, притащивъ ему всѣ 19 томовъ. Ешевскій сказалъ мнѣ, что если я ему на вступительномъ университетскомъ экзаменѣ (въ то время не было экзаменовъ „зрѣлости“ въ гимназіяхъ, и при вступленіи въ университетъ, какъ гимназистовъ, такъ и стороннихъ, экзаменовали профессора университета)—дамъ честное слово, что прочелъ всего Канту, то онъ мнѣ безъ экзамена поставитъ 5. „Но предупреждаю,—прибавилъ онъ,—читайте съ осторожностью, потому что Канту клерикалъ“. Легко

Digitized by Google

себѣ представить мой восторгъ!... На другой же день я принялся за Канту и сталъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ дѣлать изъ него конспектъ. Но я совершенно не понималъ, что значитъ „клерикалъ“, спросить же объясненія этого слова не только у Ешевскаго, но и у своихъ учителей-студентовъ, я не рѣшался изъ ложнаго самолюбія. Въ 1859 году я кончилъ всѣ 19 томовъ и къ тому времени А. С. Павловъ, одинъ изъ моихъ учителей, въ то время баккалавръ казанской духовной академіи, объяснилъ мнѣ весьма обстоятельно, что значитъ „клерикалъ“. Но увы! Мнѣ не привелось держать вступительнаго экзамена у С. В. Ешевскаго: онъ оставилъ Казань еще въ 1858 г.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку ученыхъ достоинствъ Ешевскаго. Всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ хорошо извѣстно, что это былъ одинъ изъ весьма немногихъ выдающихся русскихъ историковъ, имя котораго съ почетомъ можетъ стоять наряду съ современными ему историками западно-европейскими, а среди русскихъ ученыхъ по всеобщей исторіи его имя лучезарно блеститъ рядомъ съ именами Грановскаго и Кудрявцева. Онъ былъ ученикомъ перваго изъ нихъ и преемникомъ по каѳедрѣ второго и принадлежалъ къ одной съ ними школѣ. Обладая широкимъ общимъ образованіемъ и обширной исторической и филологической эрудиціей, онъ, какъ и Грановскій съ Кудрявцевымъ, является талантливымъ апостоломъ высокихъ прогрессивныхъ идей, развивающихся постепенно въ общественной и культурной жизни западно-европейскихъ народностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ ученымъ изслѣдователемъ и художественнымъ изобразителемъ этой жизни. Онъ

Digitized by Google

былъ въ Казани совершенно случайнымъ представителемъ каѳедры русской исторіи. Занимаясь спеціально той многознаменательной эпохой въ исторіи германо-романскаго міра, въ которую слагался этотъ міръ на развалинахъ античной римской культуры, Ешевскій долженъ былъ погрузиться въ чуждую для него область исторіи восточной части Европы. Тѣмъ болѣе заслуги съ его стороны. Его курсы и статьи по русской исторіографіи, по исторіи колонизаціи и по исторіи русскаго XVIII в. доселѣ имѣютъ большое значеніе въ отношеніи методологическомъ и какъ образцы для выясненія научной связи между исторіей всеобщей и русской. Ешевскій предлагалъ въ Казани профессору всеобщей исторіи Мих. Ив. Славянскому помѣняться съ нимъ каѳедрами, потому что Славянскій былъ магистромъ русской исторіи, а Ешевскій магистромъ всеобщей; но облѣнившійся и отставшій отъ науки Славянскій не согласился. Онъ читалъ лекціи попросту, буквально по рукописному курсу Фр. Лоренца, своего бывшаго профессора въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Лекціи Ешевскаго въ Казани производили на студентовъ большое впечатлѣніе.

Аудиторія Ешевскаго была всегда переполнена слушателями, несмотря на тихій, болѣзненный голосъ и невозможное косноязычіе профессора. Худой, изможденный, средняго роста блондинъ, съ весьма невзрачной и даже не выразительной физіономіей, Ешевскій проглатывалъ цѣлыя слова и произносилъ нѣкоторые звуки такъ, какъ я не слыхалъ ни у кого: вмѣсто **к** онъ напримѣръ выговаривалъ **ч**, вмѣсто **л—р** и на оборотъ. Иногда, вслѣдствіе этого происходила путаница невообразимая и даже пресмѣшные qui pro quo. Но умная, содержатель-

Digitized by Google

ная и горячая рѣчь профессора не только заставляла забывать всѣ эти недостатки,—она преобразовывала его самого: Ешевскій на каѳедрѣ даже какъ бы выросталъ физически, лицо его одухотворялось и онъ просто приковывалъ къ себѣ слушателя.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ешевскаго въ 1864 г. лѣтомъ, въ Москвѣ, гдѣ я былъ съ моими родителями уже по окончаніи мною курса въ казанскомъ университетѣ. Это было въ незадолго передъ тѣмъ открытомъ зоологическомъ саду. Ешевскій очень обрадовался встрѣчѣ со мной и много разспрашивалъ меня о Казани и о казанскомъ университетѣ. Я былъ пораженъ болѣзненнымъ состояніемъ Ешевскаго. Его мучила одышка, ноги совсѣмъ заплетались, и онъ едва передвигалъ ими, опираясь на костыль. Нервныя страданья не оставляли его съ самаго отъѣзда изъ Казани: продолжительное заграничное леченіе въ 60-хъ годахъ не помогло; вскорѣ послѣ нашего свиданья въ Москвѣ онъ снова поѣхалъ за границу, но опять напрасно. 27 мая 1865 года С. В. Ешевскій скончался всего на 37-мъ году отъ роду. Его преждевременная кончина была великой потерей для русской науки и неутѣшной скорбью для всѣхъ лично его знавшихъ.

Каѳедру русской исторіи въ казанскомъ университетѣ послѣ Ешевскаго занялъ Нилъ Александровичъ Поповъ. Какъ теперь помню его первое появленіе въ нашей гостиной въ 1858 году. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ (ему въ то время шелъ 25-й годъ) симпатичной наружности, съ каштановыми, назадъ зачесанными волосами, въ золотыхъ очкахъ, откидывавшій голову нѣсколько назадъ и имѣвшій очень пріятный,

Digitized by Google

какой-то своеобразно пѣвучій голосъ. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1854 году, Н. А. Поповъ въ 1857 году едва только сдалъ свой магистерскій экзаменъ и въ литературѣ былъ извѣстенъ лишь двумя статьями: рецензіей на VI-й т. „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, объ Іоаннѣ Грозномъ, и монографіей о „польской королевѣ Варварѣ“ (2-й женѣ короля Сигизмунда-Августа), помѣщенными въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Онъ самъ добродушно удивлялся своему назначенію въ Казань, о чемъ мнѣ чистосердечно заявлялъ, помню, въ 1874 году, объясняя это назначеніе личнымъ къ нему расположеніемъ Соловьева. Впослѣдствіи Н. А. Поповъ составилъ себѣ вполнѣ заслуженную репутацію, какъ образцовый преподаватель и изслѣдователь русской исторіи въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ народностей. Его докторская диссертація „Объ отношеніи Сербіи къ Россіи въ царствованіе Александра I“, состоящая изъ двухъ большихъ томовъ, представляетъ серьезный ученый трудъ по исторіи отношеній Россіи къ южнымъ славянамъ, а въ московскомъ университетѣ онъ нѣсколько лѣтъ къ ряду читалъ курсъ по исторіи Польши и Чехіи. Но въ исходѣ 50-хъ годовъ въ Казани Н. А. Поповъ былъ новичкомъ въ русской исторіи, такъ сказать дебютантомъ: онъ самъ въ то время только начиналъ изучать ее какъ слѣдуетъ и былъ занятъ диссертаціей на степень магистра—о Татищевѣ. Въ Казани онъ обратилъ вниманіе на мѣстную исторію, по которой сообщилъ немало интересныхъ данныхъ въ „Русскій Вѣстникъ“ и въ „Чтенія московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ“. Въ „Московскія Вѣдомости“, выходящія тогда подъ редакціей Вал. Ѳеод. Корша писалъ

Digitized by Google

Н. А. Поповъ интересныя „Казанскія письма“, въ которыхъ касался мѣстной умственной и общественной жизни. Въ то время у насъ не было ни одной частной газеты и вся казанская пресса выражалась только въ „Губернскихъ вѣдомостяхъ“, а потому „Письма“ Н. А. Попова представляли большой интересъ для казанцевъ, и имя ихъ автора должно занять почетное мѣсто въ исторіи казанской публицистики.

Чтеніе лекцій, писанье диссертаціи, изученіе мѣстной исторіи и занятіе публицистикой не наполняли однако всего времени молодого и даровитаго профессора. Онъ посѣщалъ вечера, балы и почти не пропускалъ ни одного представленія съ участіемъ актера Милославскаго, тогдашней казанской театральной знаменитости. Не могу не удѣлить здѣсь попутно, кстати, хотя немного мѣста Ник. Карл. Милославскому.

Актеръ Милославскій, нѣкогда постоянно игравшій на казанской сценѣ, въ 1858—1859 г.г. лишь „гастролировалъ“ на ней (впрочемъ, тогда этотъ терминъ не былъ въ употребленіи). Милославскій—сценическій псевдонимъ Ник. Карл. Фридебурга, „въ молодости лихого гусара, ставшаго актеромъ вслѣдствіе разныхъ коловратностей судьбы. Это былъ выдающійся и весьма разнообразный сценическій талантъ. Онъ былъ одинаково хорошъ и въ водевиляхъ, и въ драмахъ, и въ трагедіяхъ. Его главнѣйшіе амплуа состояли въ первыхъ роляхъ французкихъ мелодрамъ и ихъ русскихъ подражаній 30-хъ и 40-хъ годовъ, которыя, по тогдашней отдаленности Казани отъ русскихъ образованныхъ центровъ, съ успѣхомъ разыгрывались у насъ въ исходѣ 50-хъ годовъ; кромѣ того онъ прекрасно исполнялъ многія роли въ

Digitized by Google

Шекспировскихъ пьесахъ и въ нѣкоторыхъ новыхъ, русскихъ бытовыхъ комедіяхъ. Въ мелодрамы онъ вносилъ жизнь, реальное пониманіе ея, а потому мелодраматическіе герои въ его игрѣ возстаютъ доселѣ въ моей памяти не тѣми манекенами, какими они являются подъ перомъ ихъ авторовъ, а живыми людьми, ясно, во весь ростъ очерченными личностями. Съ этимъ, я увѣренъ, согласятся всѣ видѣвшіе Милославскаго въ такихъ, напримѣръ, пьесахъ, какъ „Серафима Лафайль", „Графиня Клара д'Обервилль", „Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока", „Графъ Уголино", „Испанскій дворянинъ" и т. д. Особенно хорошъ былъ онъ въ роли дона Сезара де-Базанъ въ „Испанскомъ дворянинѣ". Эта весьма талантливая комедія передѣлана съ французскаго Мих. Ник. Лонгиновымъ, когда тотъ былъ еще юнъ и неопытенъ. Въ зрѣлые года жизни Лонгиновъ являлся извѣстнымъ библіофиломъ, библіографомъ и историкомъ новой русской литературы, а подъ конецъ жизни, въ 70-хъ годахъ, однимъ изъ самыхъ суровыхъ главноуправляющихъ цензурнымъ вѣдомствомъ. Донъ Сезаръ де-Базанъ, прокутившійся и раззорившійся испанскій дворянинъ, до нѣкоторой степени напоминалъ самого Ник. Карл. Фридебурга. Люди, хорошо знавшіе Фридебурга и его прошлое, утверждаютъ то же и относительно Кречинскаго, героя комедіи Сухово-Кобылина, появившейся въ 1856 году и надѣлавшей въ то время очень много шуму. Милославскій въ роли Кречинскаго былъ превосходенъ, и злые языки остроумничали, что Ник. Карл., продѣлавшій самъ такіе же пассажи, какъ Мих. Вас. Кречинскій, никогда даже не готовился къ этой роли. А какъ хорошъ былъ Милославскій въ „Гамлетѣ"! До сихъ поръ звучатъ въ

Digitized by Google

моихъ ушахъ его діалоги съ Полоніемъ и Офеліей, его объясненіе съ матерью и знаменитое „*быть или не быть*“! На представленія съ участіемъ Милославскаго въ зиму 1858 – 1859 годовъ записывались заранѣе, и театральная зала постоянно была переполнена. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этотъ годъ казанская драматическая труппа была вообще очень хороша. Кромѣ Милославскаго было нѣсколько актеровъ и актрисъ, которые впослѣдствіи заняли видное положеніе на столичной петербургской сценѣ. Таковы: В. Н. Виноградовъ, Д. И. Дудкинъ (въ Петербургѣ игравшій подъ фамиліей Озерова), А. П. Прокофьева.

Понятно, поэтому, увлеченіе Н. А. Попова казанскимъ театромъ, въ то время доставлявшимъ дѣйствительно необыкновенно высокое эстетическое наслажденіе.

Казанской жизнію Поповъ, повидимому былъ, доволенъ. Его удивляла тогдашняя дешевизна этой жизни сравнительно съ Москвой. Бывало, зайдетъ рѣчь о различныхъ цѣнахъ казанскихъ—и Нилъ Александровичъ только и восклицаетъ: „баснословно дешево!“ И дѣйствительно цѣны на все въ Казани были тогда баснословно-дешевы. Такъ напр., мои родители за квартиру въ домѣ Котовщикова на Ново-Горшечной улицѣ (гдѣ въ настоящее время, впрочемъ съ пристройкой, помѣщается Александровская больница), за квартиру, состоявшую изъ шести комнатъ въ бель-этажѣ и пяти въ антресоляхъ, платили въ годъ 360 р.

Въ 1860 году Н. А. Поповъ оставилъ Казань, получивъ мѣсто адъюнкта при каѳедрѣ русской исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ преемники себѣ въ Казани онъ указалъ баккалавра казанской духовной академіи

Digitized by Google

Аѳон. Прок. Щапова, произведшаго въ то время фуроръ своей книгой „Русскій расколъ старообрядства“, въ которой впервые расколъ разсматривался какъ явленіе общественное, а не исключительно церковно-религіозное.

Послѣ Казани я встрѣтился съ Н. А. Поповымъ въ Москвѣ, у С. М. Соловьева въ 1867 г. и возобновилъ съ нимъ мое знакомство. Съ тѣхъ поръ видались мы съ нимъ часто, когда онъ былъ профессоромъ въ Москвѣ, а затѣмъ и директоромъ московскаго архива министерства юстиціи, сблизились и, хотя рѣдко, но переписывались, и наши добрыя отношенія не прекращались до самой его кончины, послѣдовавшей въ декабрѣ 1891 г.

По отъѣздѣ Н. Н. Булича въ Петербургъ чтеніе лекцій по русской литературѣ было поручено преподавателю нижегородской гимназіи Виктору Гавриловичу Варенцову, съ которымъ моихъ родителей познакомилъ Григоровичъ. Варенцовъ, высокій, худощавый брюнетъ, поражалъ меня меланхолическимъ обликомъ лица и какою-то затаенной думой, выражавшейся во взорѣ. Помню впечатлѣніе, которое произвела его публичная лекція о Тредьяковскомъ, читанная имъ въ 1860 г. и напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Я былъ на этой лекціи, и о впечатлѣніи отъ нея могу говорить какъ очевидецъ. Казанскую публику поразило въ лекціи не то, что В. Г. Варенцовъ впервые представилъ автора „Телемахиды“, не такимъ бездарнымъ піитой и шутомъ, какимъ его привыкли у насъ разумѣть съ легкой руки Лажечникова, искаррикатурившаго его въ своемъ „Ледяномъ домѣ“, и выставилъ многія дѣйствительныя заслуги Тредьяковскаго,—но „либеральное“ обличеніе служебныхъ злоупотребленій провинціальныхъ воеводъ XVIII в. въ

Digitized by Google

нашемъ Поволжьи. Особенный эффектъ произвело то обстоятельство, что это было сказано въ присутствіи губернатора Козлянинова, бывшаго на лекціи. Дружные апплодисменты сопровождали профессора, сходившаго съ каѳедры, и губернаторъ апплодировалъ усерднѣе другихъ.

Варенцовъ, будучи уже профессоромъ, женился на дочери, сколько мнѣ помнится, саратовскаго лютеранскаго пастора Марбурга и бывалъ у насъ съ женой. Разница въ годахъ и въ наружности между ними была очень значительна: мужу было лѣтъ за сорокъ, женѣ лѣтъ семнадцать; она была маленькаго роста, голубоглазая блондинка—типическая представительница сентиментальной нѣмки. Вхожу въ эти подробности, потому что о Варенцовѣ имѣется весьма мало біографическихъ данныхъ. Ихъ столь мало, что С. А. Венгеровъ, въ своемъ „Біографическомъ Словарѣ“ заявляетъ даже, что сообщеніе *единственнаго некролога* Варенцова о томъ, что онъ былъ профессоромъ въ казанскомъ университетѣ основано *на недоразумѣніи.* (см. т. IV, с. 85).

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ еще объ одномъ профессорѣ казанскаго университета 50-хъ годовъ, съ которымъ батюшка познакомился, т. сказ., независимо отъ университета. Мой отецъ былъ знающій и опытный сельскій хозяинъ, и его раціональные агрономическіе пріемы даже при условіяхъ крѣпостного права, были хорошо извѣстны въ Казани, а потому, едва онъ переселился туда на жительство, какъ былъ выбранъ въ члены казанскаго экономическаго общества, иниціаторомъ и основателемъ котораго былъ секретарь общества, профессоръ технологіи Модестъ Яковлевичъ Китарры, съ которымъ и не замедлилъ познакомиться мой батюшка.

Digitized by Google

Модестъ Яковлевичъ Китарры принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ замѣчательнымъ русскимъ людямъ, которые не только оставляютъ глубокій слѣдъ отъ своей дѣятельности, но даже опережаютъ свое время содержаніемъ и направленіемъ ея. При жизни Китарры пользовался въ Казани, по справедливости, большимъ значеніемъ и вліяніемъ—неужели же эта жизнь не стоитъ подробнаго и серьезнаго изученія? Думаю, что отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможенъ, а между тѣмъ до сихъ поръ не нашлось въ Казани человѣка, который составилъ бы біографію М. Я. Китарры, вполнѣ его достойную.

М. Я. Китарры былъ образцовымъ профессоромъ технологіи въ университетѣ (онъ былъ прекрасный лекторъ), организаторомъ раціональныхъ техническихъ пріемовъ фабричнаго и заводскаго производства въ Казани и распространителемъ техническихъ, агрономическихъ и экономическихъ знаній не только въ казанской губерніи, но во всемъ Поволжьи и Пріуральи. Въ университетѣ онъ создалъ цѣлую школу, имѣя весьма много учениковъ; два самыхъ крупныхъ казанскихъ завода,—Крестовниковыхъ и Алафузова, всецѣло обязаны ему своимъ процвѣтаніемъ; онъ основалъ и привелъ въ движеніе казанское экономическое общество, впавшее послѣ него въ летаргію; онъ устраивалъ при этомъ обществѣ сельско-хозяйственныя и промышленныя выставки и основалъ журналъ: „Записки казанскаго экономическаго общества“, который въ 50-хъ годахъ былъ, если не лучше двухъ старѣйшихъ русскихъ хозяйственныхъ журналовъ, петербургскаго, „Трудовъ Императорскаго вольнаго экон. общества“ и московскаго „Журнала сельскаго хозяйства“—то стоялъ

Digitized by Google

въ уровень съ ними. Въ особенности „Записки казанскаго экономическаго общества“ были хороши за 1858 и 1859 г.г., когда Китарры уже не было въ Казани, но статьи для журнала этихъ годовъ были заготовлены еще имъ. Въ „Запискахъ“ этихъ годовъ возбуждались вопросы экономическіе, затрогивалось крѣпостное право—центральный нервъ тогдашней публицистики, а потому этотъ журналъ обратилъ на себя серьезное вниманіе столичной прессы. Всѣ толки и крики, больше крики, которые раздаются въ наши дни о важности экономическихъ факторовъ въ народной жизни, о поднятіи кустарныхъ промысловъ и объ улучшеніи земледѣльческой культуры,—все это неудержимое стремленіе къ профессіональному, технически-ремесленному образованію—могутъ по меньшей мѣрѣ вызывать удивленіе и улыбку у тѣхъ, кто знавалъ такого рода серьезнаго ученаго и почтеннаго практическаго дѣятеля, какъ Мод. Як. Китарры. Свои раціональныя воззрѣнія по этимъ вопросамъ научно и скромно проводилъ онъ въ казанскую жизнь сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Вотъ чѣмъ онъ опередилъ свое время, вотъ чѣмъ заслужилъ благодарность потомства! Прибавьте къ этому личныя симпатичныя качества Китарры: его близость къ студентамъ, его пониманіе нуждъ и стремленій молодежи—и вамъ будетъ понятно восхваленіе его въ приведенныхъ выше студенческихъ виршахъ. Въ кабинетѣ технической химіи казанскаго университета помѣщается прекрасный живописный, во весь ростъ, портретъ Мод. Як. Китарры. Это выраженіе признательности благодарныхъ учениковъ своему учителю; а многимъ-ли изъ казанцевъ извѣстенъ этотъ портретъ?

Digitized by Google

При имени Китарры невольно вспоминается одно изъ проявленій ученой дѣятельности нашего университета, весьма полезное, сколько мнѣ извѣстно не уничтоженное никакимъ оффиціальнымъ распоряженіемъ, но заглохшее, забытое, какъ глохнетъ и забывается у насъ на Руси вообще весьма многое хорошее изъ прежняго времени. Разумѣю тѣ даровыя публичныя лекціи по прикладнымъ знаніямъ, которыя читались въ химической аудиторіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Эти лекціи имѣли бы большое значеніе именно теперь, когда подымается такъ много шуму изъ за профессіональнаго, техническаго образованія. На публичныя лекціи отпускаются доселѣ изъ казны особыя суммы, и въ то время эти лекціи посѣщались весьма охотно очень разнообразной публикой. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ по химіи Бутлерова, по технологіи Китарры и по механикѣ Котельникова—были просто въ модѣ, и публика стремилась на нихъ столь же ревностно, какъ на театральные спектакли съ участіемъ Милославскаго. Насколько лекціи эти производили сильное впечатлѣніе, могу, до нѣкоторой степени, судить по себѣ. Я до сихъ поръ помню совершенно отчетливо талантливыя чтенія А. М. Бутлерова о главнѣйшихъ свойствахъ простыхъ тѣлъ, сопровождаемыя эффектными опытами, въ родѣ горѣнія фосфора въ кислородѣ и Друммонодова свѣта. А какъ краснорѣчиво читалъ лекціи Котельниковъ! Только лекціи по физикѣ у Больцани не удавались. Говорилъ онъ по русски скоро, невнятно и плохо, съ итальянско-еврейскимъ акцентомъ (родомъ онъ былъ итальянскій еврей, изъ тирольскаго города Ботцена, по итальянски называющагося Bolzano), да и мысль его не отличалась систематичностью и ясностью; опыты

Digitized by Google

у Больцани были неудачны и я помню, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря появилась у него совершенно случайно какая-то миска, опрокинутая вверхъ дномъ, какъ отлетѣла внизъ крышка этой миски, а изъ миски показалось красное пламя съ цѣлой группой чертей.... Этотъ неудачный опытъ произвелъ въ публикѣ гомерическій смѣхъ.

Д. Корсаковъ.

Казань,
февраль 1898 г.

Digitized by Google

Университетъ въ 1860-хъ и въ 1870-хъ годахъ.

Воспоминанія о профессорахъ и студентахъ въ началѣ 1860-хъ годовъ*).

21 іюля 1860 года самолетскій пароходъ привезъ меня къ казанской пристани, а татаринъ въ шарабанѣ доставилъ въ такъ называемые „Карюкинскіе номера" противъ Владимірской церкви—нѣчто среднее между постоялымъ дворомъ и гостинницей—гдѣ за 30 копѣекъ въ сутки можно было имѣть комнату съ досчатыми перегородками, досчатой кроватью безъ тюфяка и маленькимъ столомъ такой же плотничной работы. Едва ли не большая часть пріѣзжавшихъ въ Казань для поступленія въ университетъ прошли черезъ это чистилище, въ которомъ въ настоящее время помѣщаются, кажется, казармы. Видъ на Казань изъ оконъ номера представлялъ картину возникавшихъ изъ пепла развалинъ: слѣды большаго пожара 25 мая 1859 года были въ то время еще свѣжи въ забулачной части города.

---

*) «Первый шагъ». Провинціальный литературный сборникъ. 1876. Казань.

Digitized by Google

Наскоро одѣвшись, я тотчасъ же, въ сопровожденіи брата, отправился въ университетъ разузнать: кому и какъ подавать прошеніе. По мѣрѣ приближенія къ университету сердце во мнѣ замирало. Не знаю, съ какими чувствами теперешняя молодежь подходитъ къ университету въ первый разъ въ жизни,—въ наше время наклонность къ идеализаціи и отчасти, пожалуй, сантиментализму была такъ велика, что зданіе университета въ глазахъ новичка студента долго казалось какимъ то священнымъ храмомъ, внушающимъ невольное желаніе снять шапку и съ благоговѣніемъ прислушиваться къ торжественному гулу шаговъ, разносимому эхомъ по темнымъ корридорамъ. Университетскій дворъ, съ своей оригинальной обстановкой—ротондой анатомическаго театра, башней обсерваторіи, флюгерами надъ физическимъ кабинетомъ, съ памятникомъ Державину и величественной лѣстницей, ведущей со двора въ главное зданіе—представлялся чѣмъ то въ родѣ древней площади въ Афинахъ и, казалось, ждалъ, чтобъ какой нибудь Сократъ собралъ здѣсь вокругъ себя толпу учениковъ, жадно прислушивающихся къ каждому слову учителя. И такіе Сократы дѣйствительно были въ наше время между профессорами. До какой степени обожаніе къ университету было въ то время распространено между молодежью, показываетъ слѣдующій фактъ или, по крайней мѣрѣ, разсказъ, ходившій въ то время между студентами: студентъ Ш-ій, имѣвшій репутацію завзятаго энтузіаста, одинъ изъ тѣхъ людей, судя по разсказамъ, которые, кажется, родятся проповѣдниками, былъ по какому то поводу исключенъ изъ университета, долженъ былъ отправиться на родину, въ Пермскую губернію, и здѣсь, скитаясь по Уралу въ

Digitized by Google

качествѣ домашняго учителя, пробылъ нѣсколько лѣтъ, потомъ въ качествѣ гувернера при дѣтяхъ какого то милліонера, очутился въ Парижѣ и наконецъ, послѣ долгой разлуки, снова вернулся проѣздомъ въ Казань и увидѣлъ университетъ.. Разсказываютъ, что въ этотъ моментъ онъ упалъ на колѣни посреди Воскресенской улицы, снялъ шапку и вознесъ предъ параднымъ крыльцомъ университета нѣчто въ родѣ молитвы. Нѣкоторые говорили, будто онъ нѣсколько помѣшался, другіе приписывали этотъ поступокъ желанію порисоваться, третьи вѣрили его искренности, во всякомъ случаѣ—хотябы даже этотъ разсказъ былъ совсѣмъ не вѣренъ (я не берусь за него ручаться) —достаточно того, что онъ ходилъ между студентами, чтобъ признать въ немъ своего рода „знаменіе времени". Что несомнѣнно, такъ это огромное вліяніе, которымъ пользовался Ш—ій на Уралѣ между молодежью: не одинъ десятокъ молодыхъ людей, преимущественно семинаристовъ, подъ обаяніемъ его проповѣди, начиналъ готовиться въ университетъ, преодолѣвая всѣ препятствія, и очень многіе чуть не пѣшкомъ являлись въ то время въ Казань изъ Перми, Екатеринбурга, уральскихъ заводовъ въ полной увѣренности, что здѣсь ихъ встрѣтитъ радушная семья товарищей, которая не дастъ имъ умереть съ голоду и поможетъ пробраться въ университетъ.

Но буду продолжать разсказъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Университетскіе сѣни, съ своими статуями великихъ людей и героевъ окончательно сразили меня, когда я переступилъ впервые порогъ университета: точно я попалъ на тотъ свѣтъ, въ Дантовъ рай, и на душу повѣяло ослѣпляющимъ величіемъ окружившихъ меня безсмертныхъ представителей генія и героизма. Но нѣсколько

Digitized by Google

робкихъ шаговъ далѣе—и я въ канцеляріи со всей ея обычной ultra-прозаической обстановкой. Письмоводитель посмотрѣлъ мои бумаги и показалъ форму прошенія къ ректору. „Только на врядъ-ли васъ примутъ—добавилъ онъ—лѣта вамъ не вышли: пятнадцать съ половиной, а нужно шестнадцать. Попытайтесь, однако“..

Это извѣстіе легло тяжелымъ камнемъ на мою душу.. „Не примутъ, не примутъ. Какъ это онъ легко говоритъ.. Но что я долженъ дѣлать тогда? Ѣхать назадъ и поступить куда нибудь въ писцы? Нѣтъ, лучше кажется умереть, чѣмъ такая перспектива. И развѣ я виноватъ, что меня приняли въ гимназію на полгода раньше установленныхъ лѣтъ“. Нѣсколько разъ въ день ходилъ я въ квартиру ректора, должность котораго въ то время исправлялъ профессоръ К-овъ, и все не заставалъ его. Наконецъ, уже послѣ обѣда, мнѣ удалось захватить этого почтеннаго и добрѣйшаго старца воставшимъ отъ сна, въ халатѣ, съ заспанными глазами.—„Не могу съ“ былъ отвѣтъ,—не могу съ, вотъ правила—и онъ показалъ печатную брошюрку, возвращая прошеніе назадъ. Лице его, безъ сомнѣнія, какъ всегда, сіяло добротой и на этотъ разъ еще болѣе обыкновеннаго, потому что, услыхавъ это рѣшительное „не могу“, я изобразилъ изъ себя статую отчаянія, но мнѣ, подъ вліяніемъ огорченія, этотъ рѣдкій добрякъ показался безсердечнымъ сухимъ старикомъ, жестокимъ, достойнымъ ужаса. Возвратясь къ себѣ въ номеръ, я предался совершенному унынію, братъ тоже не зналъ, что дѣлать. Вдругъ насъ осѣнила счастливая мысль обратиться за совѣтомъ и протекціею къ инспектору округа Чашникову, который, во время своихъ частыхъ ревизій, успѣлъ пріобрѣсти во всѣхъ гимназіяхъ

Digitized by Google

(между дѣтьми, по крайней мѣрѣ) репутацію добрѣйшаго человѣка, способнаго близко принять къ сердцу положеніе каждаго изъ молодежи, ввѣренной его высшему надзору. „Душенька, миленькій, голубчикъ, дитя мое“—это были обычныя названія, съ которыми любилъ обращаться къ дѣтямъ старикъ „генералъ“ (въ то время статскіе „генералы“ были въ рѣдкость по министерству просвѣщенія), напоминавшій своею наружностью и манерами Суворова, и нельзя сказать, чтобы намъ, гимназистамъ, было жестко спать на этой мягкой постилкѣ: мы любили этого ревизора, не боялись его и всегда отвѣчали при немъ отлично—благодаря очень простому обстоятельству: „генералъ“ имѣлъ обыкновеніе подсказывать гимназистамъ слово за словомъ, такъ что оставалось только повторять за нимъ и выслушивать похвалы и поощренія.

Къ этому то добродушному сановнику мы и рѣшили обратиться въ своемъ затруднительномъ положеніи. Чашниковъ принялъ насъ съ своими обычными странностями: пока мы дожидались его въ залѣ, онъ нѣсколько разъ то подойдетъ къ двери, пріотворитъ ее, заглянетъ въ щелку, то опять быстро захлопнетъ дверь и протомитъ еще минутъ пять, опять выглянетъ и опять спрячется и т. д. Наконецъ онъ вышелъ своей суетливой походкой, разсыпался въ извиненіяхъ, что заставилъ долго ждать, изобразилъ въ своемъ голосѣ и лицѣ самое горячее сочувствіе постигшей меня бѣдѣ и посовѣтовалъ подать прошеніе попечителю—князю Вяземскому, повторяя въ десятый разъ, что это добрѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ, который, видя горячее желаніе молодаго человѣка попасть въ университетъ, навѣрное сдѣлаетъ все возмож-

Digitized by Google

ное. Очарованный добротою окружнаго инспектора и оживленный надеждами, я вернулся въ свой номеръ,—съ нетерпѣніемъ ждать слѣдующаго дня. Часовъ въ 12 утра братъ довелъ меня до дверей канцеляріи попечителя и куда то ушелъ, мнѣ оставалось только взойти, потребовать, чтобы обо мнѣ доложили, и подать прошеніе, но позади меня стояли 7 лѣтъ дореформенной гимназіи и держали меня за фалды моего все еще гимназическаго вицъ-мундира съ краснымъ воротникомъ. Какъ это ни страннымъ покажется—я долженъ признаться, что у меня не хватало духу предстать предъ попечителя и еще вдобавокъ „князя"—заговорить съ нимъ съ глазу на глазъ, просить его. Постоявъ у дверей, я вернулся и прошелся по Воскресенской, надѣясь оправиться, опять простоялъ у дверей,—и опять не нашелъ въ себѣ рѣшимости взойдти и подать прошеніе. Я терся около крыльца и воротъ, а мимо меня одинъ за другимъ входили и уходили просители. Солнце пекло меня невыносимо, мучила жажда и усталость, тревожила мысль, что братъ вѣроятно меня ждетъ, что проходящіе начинаютъ замѣчать мое странное дежурство на улицѣ съ прошеніемъ въ рукахъ и дивятся, что это значитъ: самолюбіе страдало жестоко, а привычный страхъ передъ такой высокой особой, какъ попечитель, которая бывало не только на гимназистовъ, но и на самого директора, инспектора и учителей наводила трепетъ—этотъ страхъ такъ глубоко сидѣлъ во мнѣ что, по всей вѣроятности, я такъ и ушелъ бы отъ попечительскаго крыльца домой, простоявъ съ 12 до 3 подъ іюльскимъ солнцемъ, еслибъ надо мною не сжалился какой то учитель, успѣвшій мимо меня раза два пройти въ канцелярію и обратно. „Да что вы тутъ все стоите-

Digitized by Google

—кого ожидаете?“ спросилъ онъ меня съ улыбочкой, глубоко уязвившей мое самолюбіе. Не помню ужъ чѣмъ я постарался объяснить свое положеніе добровольнаго привратника, знаю только, что, благодаря этому учителю, я очутился въ пріемной попечителя и стоялъ здѣсь, буквально задыхаясь отъ волненія. Это было въ той самой комнатѣ, которая и теперь (въ 1876 году) обречена быть свидѣтельницей еще сильнѣйшихъ волненій, страховъ, ожиданій, радостей и отчаянія—въ комнатѣ, гдѣ производятся по средамъ и пятницамъ экзамены на званіе учителей и учительницъ. Съ тою только разницею, сказать къ слову, что теперь въ ней задыхаются не отъ однихъ душевныхъ волненій, но еще въ добавокъ отъ духоты и тѣсноты.

Очень скоро дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и я увидѣлъ на порогѣ полную, высокую, представительную фигуру попечителя. Въ его наружности не было ничего оффиціальнаго: длинные вьющіеся волосы спадали ему на лобъ черными съ просѣдью прядями, придавая видъ какой то поэтической безпечности, неформенный черный сюртукъ, небрежно повязанный галстухъ, какая то аристократическая небрежность, простота самая естественная, говорившая сама за себя—все это имѣло способность сразу производить на посѣтителя необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Вскинувъ на меня глазами и съ необыкновенною ловкостью приставивъ къ глазу лорнетку-одноглазку „князь“ (такъ всѣ называли попечителя) взялъ у меня изъ рукъ прошеніе, быстро пробѣжалъ его глазами и тотчасъ же, въ двухъ словахъ, рѣшилъ мою судьбу. „Подайте прошеніе въ вольные слушатели, сказалъ онъ, а когда вамъ исполнится 16 лѣтъ,

Digitized by Google

мы васъ зачислимъ въ студенты". Сказавъ эти слова, онъ быстро повернулся и скрылся за дверями своего кабинета. Радость моя была безмѣрна, точно тяжелый камень отвалилъ отъ сердца и, кажется, я не шелъ, а летѣлъ къ брату съ извѣстіемъ, что двери университета для меня открыты.

Первые дни по пріѣздѣ въ Казань, я нетерпѣливо желалъ видѣть какого нибудь студента, но они были въ разъѣздѣ и на улицѣ почти не встрѣчались. Скоро однако мое желаніе исполнилось. Мнѣ предстояло доставить одному своему товарищу по гимназіи, который раньше меня уѣхалъ въ Казань, посылку отъ его родныхъ. На посылкѣ значилось, что объ адресѣ его можно узнать „у швейцара университета Козловскаго". Побывавъ такимъ образомъ въ каморкѣ этого ветерана, предъ глазами котораго и до сихъ поръ съ незапамятныхъ временъ проходятъ одно за другимъ студенческія поколѣнія, какъ предъ какимъ то незыблемымъ вѣковѣчнымъ дубомъ, —я попалъ въ студенческую квартиру. Боже мой, какое неприглядное впечатлѣніе произвела на меня холостая студенческая обстановка. Оказалось, что мой товарищъ пріютился вмѣстѣ съ какимъ то медикомъ старшихъ курсовъ, типичнымъ представителемъ дореформеннаго студенчества. Двѣ кровати со скомканными одѣялами, съ грязноватыми подушками, кое какъ брошенными, на окнѣ пустыя бутылки и огарокъ въ засаленномъ подсвѣчникѣ, на столѣ разсыпанный табакъ, разбросанныя гильсы и необходимая принадлежность обстановки медика студента—человѣческій черепъ, на полу соръ, на стульяхъ и на полкахъ въ безпорядкѣ разбросанныя книги и тетради, духота, тѣснота, и среди всего этого фигура „сту-

Digitized by Google

дента“ съ длинными волосами, въ одномъ бѣльѣ и халатѣ—вотъ въ какомъ видѣ предстало передо мной въ первый разъ студенчество, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей.

Передавъ посылку товарищу, который въ этой новой обстановкѣ, и уже съ синимъ воротникомъ вмѣсто краснаго, тоже показался мнѣ какимъ то чужимъ, я почувствовалъ сильнѣйшее желаніе поскорѣе бѣжать прочь и сидѣлъ, какъ на угольяхъ.—„Кури, братъ, вонъ на столѣ табакъ, подчивалъ товарищъ съ какимъ то новымъ непривычно-развязнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ и манерѣ,—кури, здѣсь ни кто не запрещаетъ. Теперь—шабашъ. Отошла лафа нашему Егоркѣ“ (подъ именемъ „Егорки“ у насъ въ гимназіи былъ извѣстенъ инспекторъ, вѣчно, какъ водится, воевавшій съ нами за куренья). Разговоръ не клеился и мой инстинктъ уже шепталъ мнѣ на ухо „отнынѣ вы уже больше не товарищи съ этимъ новоиспеченнымъ медикомъ“ съ которымъ, бывало, столько счастливыхъ часовъ проводили вмѣстѣ, то готовясь вмѣстѣ къ экзамену, то играя вмѣстѣ въ „чушки“ или въ шашки, до которыхъ онъ, въ качествѣ сына лавочника, имѣлъ такую охоту, съ которымъ, бывало, въ запуски бѣгали по праздникамъ къ архіерейской службѣ—слушать знаменитаго протодьякона и до слезъ захлебывались отъ восторга, когда въ концѣ евангелія онъ приводилъ въ нервный трепетъ всю соборную публику.

Это лекціи? спросилъ я, увидавъ на столѣ литографированную тетрадь и намѣреваясь съ благоговѣніемъ заглянуть въ нее, какъ въ источникъ самой мудрости.

— Нѣтъ, братъ, это такая штука,—почище лекціи будетъ: это—Бюхнеръ: „Матерія и Сила“. Слыхалъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не слыхалъ. Это что же такое?

— А вотъ заходи, какъ нибудь, другой разъ—я тебѣ дамъ почитать, такъ самъ увидишь.

И въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Старый студентъ съ длинными волосами, оторвавшись отъ книги, которую читалъ все время, искоса посмотрѣлъ на меня своими пронзительными и, казалось, насмѣшливыми глазами. Мнѣ стало какъ то неловко, и даже страшно; я поспѣшилъ уйти и ужь не бывалъ у этого товарища.

— Ты читалъ, спросилъ я у брата, только что возвратясь изъ этой экспедиціи въ „студенческую" квартиру, —ты читалъ Бюхнера: „Матерія и Сила?"

— Нѣтъ, но я знаю—отвѣчалъ онъ, и не совѣтовалъ бы тебѣ читать. Не сладишь ты съ этимъ. Только напрасно это совѣтовать,—не послушаешь.

Я, однако же, вполнѣ расположенъ былъ послушать.

Въ тотъ же день мы искали квартиру, и я очень затруднялъ брата условіемъ найти мнѣ такую, гдѣ бы по крайней мѣрѣ въ посты, если уже не по средамъ и пятницамъ, не заставляли ѣсть скоромную пищу. Братъ улыбался на это, но, твердо держась своего любимаго педагогическаго принципа—невмѣшательства въ дѣло развитія, усердно искалъ, чего нельзя было найти при тѣхъ средствахъ, какія имѣлись для моего содержанія въ Казани. Въ забулачной части города, въ купеческихъ домахъ—намъ рѣшительно объявляли, что студента ни за какія деньги не возьмутъ на квартиру, потому что студенты народъ безпокойный, а въ тѣхъ улицахъ, гдѣ обыкновенно живутъ студенты, въ такъ называемыхъ студенческихъ скитахъ—я не соглашался жить ни за

Digitized by Google

какія блага въ мірѣ—„изъ того же самаго страха студентовъ“ которымъ объяты были мирные домовладѣльцы Забулачья, Вознесенской улицы и другихъ старокупеческихъ гнѣздъ въ Казани. Дѣло кончилось тѣмъ, что я попалъ въ качествѣ домашняго учителя въ семейство какого то комиссаріатскаго чиновника, откуда, впрочемъ, вскорѣ долженъ былъ удалиться, такъ какъ гимназія дала мнѣ только аттестатъ, исполненный „отличныхъ и хорошихъ“ отмѣтокъ, но не оставила въ моей головѣ даже настолько познаній, чтобы я могъ уроками зарабатывать себѣ хлѣбъ: мнѣ приходилось репетировать уроки съ гимназистомъ, не помню 2-го или 3-го класса, а я на каждомъ шагу оказывался чуть ли не слабѣе своего ученика и въ познаніяхъ, и даже въ соображеніи—тамъ, гдѣ касалось дѣло ариѳметическихъ задачъ. Въ такихъ обстоятельствахъ мое положеніе, какъ учителя, становилось совершенно невыносимо и я вырвался съ этой первой своей квартиры въ Казани, какъ узникъ изъ тюрьмы. Впрочемъ, и безъ этихъ обстоятельствъ трудно было бы вынести ту отвратительную обстановку, въ которую я попалъ: грязь, безпорядокъ, грубость и, что всего хуже, невозможность уединиться, въ то время, какъ уединеніе было необходимѣе самой пищи. Съ отъѣздомъ брата я остался одинъ, какъ перстъ, въ чужомъ городѣ и меня взяла невыразимая тоска. Напрасно я силился читать уже не серьезныя статьи, какъ я разсчитывалъ сначала, а хотя бы и романы: ничто меня не занимало, самыя книги казались мнѣ отвратительны, какъ и все окружающее. Видъ незнакомыхъ улицъ, плачевно-писклывое выкрикиванье торговокъ, разносившихъ яблоки, монотонный крикъ водовоза: „воды кабанной, воды“. Все это

Digitized by Google

дѣйствовало болѣзненно, раздражительно на мои нервы и едва я оставался одинъ въ комнатѣ, слезы начинали градомъ катиться изъ моихъ глазъ. Въ этихъ слезахъ я находилъ единственное утѣшеніе и облегченіе давившей меня тоски. Забывая, какъ я рвался ѣхать въ Казань, какъ горячо желалъ поступить въ университъ, я, заливаясь горькими слезами, посылалъ тысячи упрековъ всѣмъ вообще и никому въ частности: „всѣ меня забыли —мысленно причиталъ я, уткнувшись лицомъ въ подушку,—оставили меня одного, никто обо мнѣ не вспомнитъ, никто не пожалѣетъ“.

Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, такъ какъ сойти съ ненавистной квартиры у меня самого не хватило бы смѣлости, но на выручку мнѣ явился человѣкъ, имѣвшій впослѣдствіи большое вліяніе на мое развитіе и оставившій по себѣ воспоминаніе, какъ о добромъ геніи. Это былъ одинъ академикъ (т. е. студентъ или въ то время уже кандидатъ духовной академіи), съ которымъ я успѣлъ познакомиться еще въ то время, пока братъ мой—тоже бывшій воспитанникъ казанской академіи—оставался еще со мною въ Казани. Эту личность —назову ее Александромъ Васильевичемъ—стоило бы описать живыми красками, и я очень сожалѣю на сей разъ, что не имѣю къ тому надлежащихъ талантовъ. Бываютъ на свѣтѣ люди—я впрочемъ уже давно теперь ихъ не встрѣчаю—къ которымъ особенно идетъ названіе „симпатичный“: къ числу ихъ принадлежалъ и мой добрый геній. Это былъ человѣкъ высокаго роста, стройный, съ правильными чертами лица, онъ какъ то гордо держалъ голову на плечахъ, какъ носятъ ее наши „quasi—аристократы“, что, вмѣстѣ съ энергичнымъ взглядомъ

Digitized by Google

проницательныхъ сѣрыхъ глазъ, придавало ему смѣлый, почти вызывающій видъ; онъ говорилъ громко, сильно жестикулируя руками, и имѣлъ завидную способность одушевляться самъ и одушевлять другихъ. Его вполнѣ можно было назвать серьезнымъ человѣкомъ—въ томъ смыслѣ, что пустыя и глупыя шутки были не въ его характерѣ, но въ то же время онъ обладалъ замѣчательно веселой натурой: кажется, всѣ пріятныя ощущенія выражались у него болѣе или менѣе сильнымъ смѣхомъ, обличавшимъ добродушіе и привѣтливость. Люди, побывавшіе въ рукахъ школьной дисциплины и продолжительныхъ школьныхъ занятій, очень рѣдко сохраняютъ этотъ искренній, свѣжій смѣхъ, свидѣтельствующій о бодрости духа—за исключеніемъ, развѣ, глупцовъ и мѣднолобыхъ, веселость которыхъ, впрочемъ, всегда очень скоро обличаетъ свой источникъ.

Если можно такъ выразиться, культъ Александра Васильевича былъ построенъ на обожаніи „молодаго поколѣнія". Не знаю, каковъ изъ него вышелъ педагогъ на дѣлѣ, но по крайней мѣрѣ, отправляясь въ Красноярскъ, на свою родину (кажется, смотрителемъ училища) —Александръ Васильевичъ уже заранѣе всей душой былъ привязанъ къ своимъ будущимъ воспитанникамъ и очень много мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ съ ними „возиться". Въ ожиданіи же этого, онъ усердно „возился" со мной: по нѣскольку разъ въ недѣлю не лѣнился онъ шагать ко мнѣ въ городъ изъ академіи, и нерѣдко лишь за тѣмъ, чтобы, взявъ меня съ собою, отправиться куда нибудь въ дальнюю прогулку—въ Швейцарію или на Подсѣку, такъ какъ въ началѣ, безъ особаго приглаше-

Digitized by Google

нія, я стѣснялся приходить къ своему руководителю, боясь ему надоѣсть или помѣшать.

Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, блиставшимъ яркой осенней синевой, на коврѣ изъ опавшихъ листьевъ, расположившись гдѣ нибудь на краю живописнаго оврага, Александръ Васильевичъ неустанно просвѣщалъ меня, жадно внимавшаго его одушевленной рѣчи. Въ то время естественно-историческое направленіе еще не было въ модѣ, да и по натурѣ своей Александръ Васильевичъ едва ли бы чувствовалъ къ нему расположеніе, также, какъ и я—по этому, предметомъ нашихъ бесѣдъ или, лучше сказать, экспромптуированныхъ лекцій Александра Васильевича были преимущественно вопросы нравственно-религіозные, философія и исторія. Для меня все было ново и потому все было полно живаго интереса. Но что особенно было для меня дорого—это та поддержка, которую я почерпалъ въ рѣчахъ своего наставника въ отношеніи своихъ религіозныхъ вѣрованій, осуждаемыхъ со всѣхъ сторонъ обступившимъ меня духомъ скептицизма, по мѣрѣ сближенія съ студенческой средой, и не находившихъ себѣ никакой опоры ни въ томъ, что намъ читалось въ университетѣ, подъ именемъ богословія, ни въ силахъ собственнаго дѣтски-безсильнаго ума. Между тѣмъ я не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые сбрасываютъ прежнія убѣжденія съ такой же легкостью, какъ изношенный сапогъ, и довольствуются, въ замѣну ихъ, нѣсколькими общими непродуманными положеніями модной философіи своего времени. Религіозные вопросы стояли для меня, вслѣдствіе этого, на первомъ планѣ, являлись источникомъ самыхъ жгучихъ мученій и нерѣдко заставляли среди ночи вскакивать съ постели

Digitized by Google

и по цѣлымъ часамъ проводить въ лихорадочной умственной работѣ, кончавшейся совершеннымъ упадкомъ силъ. Александръ Васильевичъ былъ, можетъ быть, не столько горячимъ защитникомъ религіи, христіанства, сколько непримиримымъ врагомъ людей въ то время философіи матеріализма. Еслибъ онъ не былъ при этомъ самымъ искреннимъ приверженцомъ принциповъ свободы, равенства и братства, для которыхъ лучшее выраженіе находилъ въ христіанствѣ, понимаемомъ въ духѣ евангелія, ему было бы, разумѣется трудно завоевать себѣ право голоса въ кружкахъ образованной молодежи, никогда не отличающихся у насъ духомъ терпимости: но онъ былъ свой въ этихъ кружкахъ потому, что искренность его сочувствія всему живому, его страстная любовь къ молодому поколѣнію—придавали его личности нравственный авторитетъ и дѣлали его симпатичнымъ. Онъ былъ неутомимъ въ спорахъ: бывали случаи невѣроятные для такихъ стариковъ, какими сдѣлала насъ жизнь къ настоящему времени,—что зимнее утро, заглянувъ въ замерзшія окна нашей студенческой квартиры, заставало насъ еще въ спорахъ, начавшихся съ вечера. Разумѣется, въ этихъ диспутахъ я и другіе первокурсники почти не принимали фактическаго участія, но изображали изъ себя публику, съ горячимъ вниманіемъ слѣдившую за турниромъ главныхъ бойцовъ, изъ которыхъ одинъ былъ Александръ Васильевичъ, а другой—воплощенная противоположность ему, студентъ университета М-нъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей тогдашняго студенчества.

Пришло наконецъ время лекцій. Робкими шагами расхаживали новички по корридору, съ любопытствомъ

Digitized by Google

заглядывая въ аудиторіи. Старичокъ—помощникъ инспектора, съ нѣмецкой чопорностью прохаживаясь по корридору, видимо искалъ предлога разговаривать съ новыми овцами своего стада и плѣнялъ насъ своимъ вѣжливымъ обращеніемъ. Первая лекція, которую я прослушалъ въ университетѣ, была по богословію, но о ней нечего сказать, такъ какъ она не оставила никакого впечатлѣнія. За то мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда начнетъ свои чтенія кто нибудь изъ „настоящихъ“ профессоровъ. Этотъ жребій выпалъ на долю профессора „энциклопедіи законовѣдѣнія“, которую въ это время читалъ г. Н—въ. Аудиторія была полна, всѣ ждали перваго слова съ замираніемъ седца. Наконецъ, вотъ и профессоръ, молодой человѣкъ, съ тетрадкой въ рукѣ, входитъ на кафедру: довольнымъ взглядомъ обводитъ онъ свою аудиторію и хранитъ нѣсколько секундъ таинственное молчаніе.

Тишина усугубляется. Наконецъ, вотъ оно—торжественное привѣтствіе, котораго всѣ мы ждали, зная напередъ, что оно будетъ сказано, и все таки желая услышать его собственными ушами; оно долетѣло до нашего слуха и пробѣжало по нервамъ, какъ электрическій токъ: „Милостивые государи“! началъ профессоръ, разставно произнося каждый слогъ и такимъ тономъ, какъ будто онъ самъ безконечно счастливъ, что можетъ преподнести намъ этотъ дорогой подарокъ.—„Милостивые государи“. —Кто это говоритъ и кому говорятъ? Давно ли инспекторъ ставилъ насъ на колѣни и кричалъ зычнымъ голосомъ: „свиньи, свиньи“—и вдругъ мы сдѣлались „Милостивые государи. „Это ли не счастье, это ли не восторгъ?..

Впиваясь глазами въ профессора, ловя каждый взглядъ его, слѣдя за каждымъ движеніемъ, я просидѣлъ первый

Digitized by Google

часъ на университетской скамейкѣ въ какомъ то неизъяснимомъ блаженствѣ, но—увы! ничего, какъ есть ничего не понялъ.

Когда первый восторгъ прошелъ, это обстоятельство поразило меня, какъ открытіе очень грустное и убійственное для моего самолюбія.—„Вы все поняли на лекціи Н—ова“? рѣшился я спросить дома товарища.—„Понялъ, а что“—А я ничего не понялъ, грустно проговорилъ я. Какъ же я буду слушать лекціи? Я совсѣмъ не знаю этихъ словъ, насъ этому не учили. Ну, что это такое: субъэктъ, объэктъ, конкретный, абстрактный, индивидуумъ, энциклопедія.. а я ничего не понимаю. Объясните мнѣ—вы въ семинаріи учились философіи“.

И вотъ началась для меня работа, то приводившая меня въ восторгъ, когда я что нибудь себѣ усвоивалъ изъ усердныхъ объясненій товарища или Александра Васильевича, то повергавшая въ отчаяніе, когда мой умъ отказывался уловить какія нибудь тонкости научной терминологіи. Въ началѣ дѣло шло туго: цѣлый вечеръ, напримѣръ пришлось посвятить на объясненіе мнѣ такихъ простыхъ понятій, какъ субъэктъ и объэктъ. Случалось, что въ нетерпѣливомъ желаніи какъ можно скорѣе постигнуть всю премудрость, я брался не съ того конца и только напрасно себя мучилъ: разъ, напримѣръ, я засѣлъ за статью Лаврова о гегеліанской философіи, написанную самымъ отчаяннымъ гегеліанскимъ языкомъ, и льстилъ себя надеждою, что при помощи необыкновеннаго напряженія ума, читая 10 разъ одно и тоже, добьюсь до пониманія, но, разумѣется, напрасно. Тѣмъ не менѣе, подобная гимнастика безъ сомнѣнія приносила свою пользу. И откуда взялась охота къ чтенію „серь-

Digitized by Google

езныхъ“ книгъ и статей, за которое, бывало, я никакъ не могъ усадить себя. Надъ Бѣлинскимъ мы просиживали по цѣлымъ часамъ, увлекаясь преимущественно философской частью его сочиненій. Споры и препирательства были безконечные: за обѣдомъ, за чаемъ, на улицѣ мы толковали о „я“ и „не—я“, о „вещи о себѣ“ и т. п. Пониманія было мало, но желаніе понять страшное. Къ срединѣ зимы у насъ образовалось нѣчто въ родѣ тѣснаго кружка изъ трехъ—четырехъ первокурсниковъ, и мы задумали—легко сказать—прочитать Фихте на нѣмецкомъ языкѣ. Разумѣется, далѣе первой страницы дѣло не пошло, такъ какъ нѣмецкимъ языкомъ мы владѣли не болѣе того, сколько требуется, чтобы перевести, помощью лексикона легонькую статейку изъ христоматіи. Но философія мало по малу отходила у насъ на второй планъ, и вмѣсто того мы скоро увлеклись политической экономіей, благодаря только что появившемуся въ то время переводу Милля и благодаря возобладавшему въ нашемъ кружкѣ вліянію студента М—ина, о которомъ я уже упоминалъ выше, какъ о противникѣ Александра Васильевича. Я познакомился съ нимъ на первыхъ же лекціяхъ. Кто то изъ товарищей указалъ мнѣ на него издали и шепнулъ многозначительно: „Видите, вонъ этотъ, бирюкомъ сидитъ,—изъ Сибири, батюшка, пѣшкомъ пришелъ. Столоначальникомъ гдѣ то былъ, въ полиціи, кажется, а здѣсь на пріемномъ экзаменѣ такъ отвѣчалъ, что всѣ профессора только рты разинули. Онъ вашего же факультета, филологъ“.

Этотъ разсказъ чрезвычайно заинтересовалъ меня, заинтересовала и самая внѣшность сибирскаго выходца. Высокаго роста, сутулый, рыжеватый, лѣтъ 30 на видъ,

Digitized by Google

онъ рѣзко отличался отъ окружавшей его толпы юнцовъ, съ розовыми щеками, съ физіономіями, еще не утратившими слѣдовъ самой первой юности. Но всего больше бросался въ глаза его огромный лобъ, напоминавшій своею выразительностью скульптурную работу смѣлой руки художника, задавшагося цѣлью изобразить философа. Самаго лица, даже, вы какъ будто, не замѣчали: узенькіе глаза на немъ точно прятались подъ густыми бровями, приподнятыми у наружныхъ краевъ, какъ у китайца, и смотрѣли на землю; прочія черты лица не шевелились, и вся массивная сутулая фигура этого человѣка, какъ будто, желала смиренно укрыться отъ постороннихъ взоровъ, но великолѣпный лобъ тѣмъ рѣшительнѣе выступалъ на видъ и привлекалъ на нее невольное вниманіе. Этотъ „новичекъ" рѣшительно ни съ кѣмъ не заговаривалъ и держался совершенно особнякомъ, не то изъ дикости, не то желая показать, что онъ ни въ комъ не нуждается. Разъ между лекціями я нашелъ его одиноко сидѣвшимъ на окнѣ въ отдаленномъ углу корридора, куда не заходила толпа студентовъ. Выставивъ свой скульптурный лобъ, согнувшись и опустивъ глаза въ землю, онъ сидѣлъ недвижимъ, какъ статуя. Его смиренная фигура внушила мнѣ смѣлость подойдти и заговорить.

— „Вы, я слышалъ, пѣшкомъ изъ Сибири пришли"? спросилъ я, прямо приступая къ дѣлу.

Онъ мелькомъ взглянулъ на меня, улыбнулся, даже, немного покраснѣлъ, какъ конфузливая дѣвушка, и проговорилъ очень мягкимъ, не гармонировавшимъ съ его наружностью голосомъ: „Нѣтъ, пріѣхалъ". Я не зналъ, какъ продолжать разговоръ, М—нъ молчалъ. Но, должно

Digitized by Google

быть, въ краткій періодъ этого молчанія совершился одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ процессовъ, которые на старинномъ языкѣ назывались „симпатіею душъ“. Ни одинъ изъ товарищей не понравился мнѣ на столько, какъ этотъ, годившійся мнѣ въ отцы. Впрочемъ, я уже говорилъ, что природный инстинктъ всегда подсказывалъ мнѣ, на кого положиться.

— „Я желалъ бы съ вами познакомиться“ предложилъ я, протянувши руку.—Очень пріятно, отвѣчалъ М—нъ, и прибавилъ тотчасъ же: я, вотъ домой хочу идти, неугодно ли со мной.... чайку выпьемъ“.

— А какъ же лекціи?—„Какія еще лекціи“?—Лекторъ нѣмецкаго языка сейчасъ придетъ.—„Ну, Богъ съ нимъ, нечего у него дѣлать“. Ему дѣйствительно нечего было дѣлать, такъ какъ М—нъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ лучше насъ всѣхъ.

Дорогой онъ спросилъ меня, почему я до сихъ поръ съ краснымъ воротникомъ—(у него былъ синій, студенческій) и какъ то къ слову похвалился, что онъ самъ пришилъ себѣ синій воротникъ: „купилъ синяго сукна да пуговицъ и передѣлалъ свой вицъ-мундиръ на студенческую форму“. Квартира М-на оказалась за перегородкой у какого то татарина, имѣвшаго двухъ женъ, которыя въ то время, какъ мы проходили черезъ кухню, усердно стряпали салму и громко перекрикивались по татарски. Комната М-на вполнѣ отвѣчала моему идеалу студенческаго жилища: въ ней было необыкновенно чисто, и вслѣдствіе этого, не смотря на крайнюю бѣдноту обстановки, почти уютно. На деревянной тесовой кровати лежалъ войлокъ, вмѣсто матраса, одна подушка и ситцевое одѣяло; затѣмъ былъ столъ, стулъ и контор-

Digitized by Google

ка, въ углу чемоданъ. Книги были въ порядкѣ, на конторкѣ я замѣтилъ листы исписанной бумаги.

—„Вы что это пишете?“ спросилъ я.

—Да, вотъ, думаю курсовое сочиненіе подать, или какъ тамъ ихъ называютъ въ университетѣ: „на тему“ что ли или „на медаль“? Услыхавъ это, и еще болѣе, узнавши, что тема задана какая то мудреная, которую я и по названію не совсѣмъ понялъ, какой то „сравнительный взглядъ на развитіе“—ужь не помню чего-я преисполнился благоговѣнія къ высокой учености своего новаго товарища, который къ тому же говорилъ о сочиненіи на медаль такимъ тономъ, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи, точно онъ уже десять разъ писалъ, и полонъ ящикъ накопилъ себѣ разныхъ медалей за сочиненіе.

—Да, на что вамъ медаль? спросилъ я.

—„Извѣстно, на что,—отвѣчалъ М-нъ: продамъ, мнѣ тутъ на нѣсколько мѣсяцевъ станетъ“.

За чаемъ зашелъ разговоръ о переводѣ политической экономіи Милля и о Шлоссерѣ—это были въ то время, въ 1860, двѣ—еще единственныя—переводныя книги, читавшіяся съ увлеченіемъ серьезными читателями школы „Современника“—или, можно прибавить, игравшія ту же роль въ русской печати, какую послѣ нихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ пріобрѣтали: Бокль, Льюисъ, Дрэперъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Марксъ и наконецъ, въ наше время, вѣроятно, имѣла бы „Позитивная философія“ О. Конта, если бы была переведена на русскій—и которую—кстати замѣчу—уже Богъ знаетъ съ чьего голоса и по чьему указанію, мы, студенты 1-го курса, еще въ 1860 году пробовали брать изъ универ-

Digitized by Google

ситетской библіотеки и, разумѣется, тотчасъ же возвратили—по той же причинѣ, какъ и сочиненія Фихте, т. е. убоявшись премудрости языка. Видя, что я ничего еще не читалъ, но горю желаніемъ все знать и представляю очень благодарную почву для каждаго просвѣтителя—а въ шестидесятыхъ годахъ охота „просвѣщать“ у всѣхъ „просвѣтившихся“ была страшная,—М-нъ сразу долженъ былъ войти въ роль моего руководителя, и, такимъ образомъ, я очень скоро попалъ межъ двухъ огней: съ одной стороны меня „развивалъ“ представитель, если можно такъ выразиться, трансцедентальнаго идеализма—Александръ Васильевичъ, съ другой—представитель реалистическаго идеализма начала шестидесятыхъ годовъ,—М-нъ, которые, впрочемъ, оба сходились въ томъ отношеніи, что тотъ и другой были яркими—и, каждый по своему,—страстными выразителями начавшагося въ то время умственнаго движенія. Одного—настигло это движеніе въ замкнутыхъ стѣнахъ Академіи; другаго—въ канцеляріи Енисейскаго губернатора, и въ то время, какъ одинъ, кончивъ курсъ Академіи, возвращался въ Красноярскъ, другой только что пріѣхалъ оттуда искать высшаго образованія въ университетѣ.

Возвращаюсь къ университету. 1860 годъ былъ годомъ реформъ и въ нашемъ университетѣ, настолько измѣнившихъ его внутренній бытъ, что, какъ бы ни было близко прошлое, нашъ курсъ уже не нашелъ почти и слѣда его. Товарищи старшихъ курсовъ разсказывали намъ о томъ, какъ еще недавно начальство строго смотрѣло, чтобы студенты ходили въ формѣ, застегивались на всѣ пуговицы, отдавали честь на улицѣ каждому проходящему профессору, но ни чего этого мы уже не за-

Digitized by Google

стали. Застали только, какъ остатки отжившей старины, нѣкоторыя студенческія пѣсни, вродѣ слѣдующей

Инспектору Ланге
Дѣлаетъ то честь,
Что онъ ходитъ къ Станге *)
Смотритъ, кто тамъ есть.

Но, ни самого инспектора Ланге, ни обычая посѣщать Станге—при насъ уже не было, и о гомерическихъ кутежахъ ходили только преданія. Студенческая форма тоже была отмѣнена въ 1860, мѣра эта была встрѣчена общимъ сочувствіемъ со стороны старыхъ студентовъ, но молодежь, новички, хотя по принципу и одобряли „гражданскій“ сюртукъ, однако же не могли удержаться отъ искушенія видѣть себя съ синимъ воротникомъ, символомъ студенчества, и понадѣлали себѣ вицъ-мундиры. Я видалъ даже нѣкоторыхъ барчатъ первокурсниковъ въ трехуголкѣ, со шпагой и въ новенькихъ, съ иголочки парадныхъ мундирахъ.—Ходили мы также смотрѣть карцеръ, помѣщавшійся въ самомъ дальнемъ углу корридора, на антресоляхъ, и не мало дивились, что была когда то возможность посадить „студента“ въ такое—дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ мерзкое помѣщеніе. Представьте себѣ комнату шаговъ въ пять въ длину и столько же въ ширину, съ тяжелой дверью, высокую, безъ оконъ, вмѣсто которыхъ свѣтъ проникалъ сверху, черезъ крышу, въ высокую трубу со стеклами. Въ комнатѣ этой не было никакой мебели, а ея стѣны съ обитой штукатуркой, не бѣленыя, безъ сомнѣнія, со

*) Виноторговецъ, погребокъ котораго посѣщали студенты.

Digitized by Google

временъ Магницкаго, наконецъ, грязь, пыль, и паутина—придавали ей такой мрачный видъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ при одной мысли о возможности просидѣть тутъ сутки—двои, питаясь водой и хлѣбомъ. Но старики—сторожа, показывавшіе намъ эту реликвію, не раздѣляли нашего отвращенія къ ней: напротивъ, они съ какимъ то сожалѣніемъ о прошломъ разсказывали о томъ, какъ имъ доводилось водить сюда и сажать подъ замокъ прежнихъ студентовъ „Что нынче за́ порядки, слышалось въ ихъ тонѣ—то ли дѣло прежде бывало“.

Въ томъ же 1860 году попечитель разрѣшилъ студентамъ имѣть свою „курительную“, и намъ были подъ этимъ названіемъ отведены въ нижнемъ коридорѣ (кажется, вторая и третья дверь на право) двѣ довольно обширныя комнаты, съ огромнымъ столомъ по серединѣ, и съ диванами по стѣнамъ. Эти комнаты правильнѣе было бы назвать газетными, такъ какъ сюда собирались студенты не только днемъ, но и вечеромъ—главнымъ образомъ для того, чтобы читать газеты и журналы, выписывавшіеся въ складчину. Онѣ сразу сдѣлались любимымъ мѣстопребываніемъ всего студенчества, и многимъ бѣднякамъ были полезны еще въ томъ отношеніи, что здѣсь они находили по вечерамъ свѣтъ, тепло и спокойный диванъ, вмѣсто полутьмы, холода и сырости своихъ непріютныхъ угловъ. Впродолженіи дня, здѣсь въ густыхъ облакахъ дыма всегда толпились цѣлыя массы студентовъ, шли оживленные толки, иногда устраивались экспромптомъ диспуты, привлекавшіе общее вниманіе: здѣсь каждый чувствовалъ себя легко, свободно, лучше, чѣмъ дома. Кто могъ истратить лишній гривенникъ, тотъ ко всѣмъ прочимъ удобствамъ, могъ при-

Digitized by Google

соединить еще стаканъ кофе. со вкусными сухарями и съ густыми сливками отъ услужливаго буфетчика, Григорія Ивановича—вѣроятно, не одной тысячѣ казанскихъ студентовъ памятнаго за свой веселый нравъ и широкій кредитъ, которымъ у него пользовались студенты. Кромѣ этой общей курительной или газетной, были еще студенческія библіотеки: у филологовъ—своя довольно обширная и обладавшая многими историческими сочиненіями, у медиковъ тоже довольно полная библіотека, у математиковъ—не знаю, насколько хороша, а у юристовъ—не помню, была ли. Юристы въ то время еще не задавали тону въ университетѣ, но уже и тогда, въ 1860 году, можно было замѣтить, что наплывъ молодежи на этотъ факультетъ будетъ годъ отъ году больше: носились слухи о судѣ присяжныхъ, адвокатурѣ и потому будущность юриста представлялась въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, только не въ отношеніи матеріальныхъ разсчетовъ, какъ, можетъ быть, поймутъ эти слова нѣкоторые изъ современныхъ читателей: совсѣмъ не то,—гласность, публичность, общественный характеръ и значеніе дѣятельности адвоката, рыцарская сторона адвокатуры—вотъ что дѣлало привлекательной мечту объ этомъ поприщѣ для тогдашней молодежи изъ студентовъ. Можетъ быть, были между нами и такіе, у которыхъ въ затаенныхъ мечтахъ носилось представленіе и о „карьерѣ“, но это тщательно скрывалось: горе было бы тому товарищу, который рѣшился бы выставить на видъ свои не идеальныя стремленія—его покрыли бы презрѣніемъ и насмѣшками.

Кромѣ помянутыхъ студенческихъ библіотекъ по факультетамъ, была еще одна, въ высшей степени инте-

Digitized by Google

ресная по принципу, положенному въ ея основаніе— областная, „Сибирская библіотека“. Она была основана сибиряками студентами съ цѣлью сближенія ихъ между собою во имя интересовъ общей родины.

Фундаментальной университетской и казенной студенческой библіотекой мы въ то время также безпрепятственно пользовались, доставая безъ труда, какъ я уже говорилъ, даже такія сочиненія, какъ La philosophie positive Огюста Конта.

Наконецъ, въ городѣ были еще двѣ частныя библіотеки—какого то Шогина, состоявшая изъ однихъ, кажется, старыхъ журналовъ, и Кунавина, перешедшая послѣ къ г. Шидловскому, а нынѣ составляющая собственность г-жи Шерстневой.

Изъ всего, сказаннаго о внутреннемъ бытѣ тогдашняго студенчества, отчасти уже видно, что въ немъ замѣтенъ былъ начинавшійся, по просвѣщенному почину начальства и при сочувственномъ покровительствѣ попечителя, князя Вяземскаго, поворотъ отъ прежнихъ—такъ сказать, казенныхъ формъ корпораціи къ новому корпоративному быту, въ основу котораго ложился принципъ свободы отношеній и чувство братства между студентами. Въ началѣ же 1860 года въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ чрезвычайно важный шагъ—учрежденіе студенческаго суда.

Однажды утромъ насъ собрали всѣхъ въ университетскую залу и здѣсь, тогдашній инспекторъ, проф. Янишевскій, отъ имени попечителя объявилъ студентамъ, что имъ разрѣшено выбрать изъ среды себя 12 судей, подъ названіемъ „депутатовъ“, которымъ ввѣрялось разбирательство разныхъ мелкихъ дѣлъ уголовнаго и граж-

Digitized by Google

данскаго характера, возникающихъ, какъ между студентами внутри ихъ собственной среды, такъ и между студентами и посторонними лицами. Приговоры этого суда подлежали утвержденію инспектора и вывѣшивались въ курительной комнатѣ, мѣры взысканія, которыя онъ могъ налагать на студента, заключались: въ совершенномъ исключеніи изъ университета навсегда или на время, или во временномъ удаленіи изъ студенческаго общества, состоявшемъ въ томъ, что виновному запрещался входъ въ „курительную“ комнату и участіе въ студенческой взаимно-вспомогательной кассѣ. Никто не можетъ сказать, что студенты не оправдали въ этомъ отношеніи оказаннаго имъ довѣрія. Напротивъ, въ судьи были выбраны самые лучшіе люди, отличавшіеся строгостью своихъ принциповъ и другими дѣйствительными, несомнѣнными достоинствами, успѣвшими внушить къ нимъ особенное уваженіе со стороны товарищей. Настроеніе какъ самихъ судей, такъ и массы студенчества, было таково, что уже одинъ страхъ общественнаго мнѣнія, требовавшаго самыхъ строгихъ мѣръ за самый легкій проступокъ, если онъ имѣлъ характеръ бросающаго тѣнь на достоинство *студента*, какъ представителя всѣхъ лучшихъ идей своего времени,—одинъ этотъ страхъ дѣлалъ немыслимой прежнюю распущенность, плодъ приниженнаго состоянія не полноправности.—„Теперь пришелъ конецъ, говорили мы съ восторгомъ, прежнимъ безобразіямъ. Было время, когда эти безобразія считались, въ своемъ родѣ, молодечествомъ—этотъ допотопный взглядъ теперь не возможенъ“.—Мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда представится случай новому суду воспользоваться своими полномочіями, Случай не замед-

Digitized by Google

лилъ представиться. Съ быстротой молніи разнеслась между студентами вѣсть, что такого-то числа, вечеромъ, въ курительной комнатѣ будетъ происходить разбирательство по обвиненію одного студента другимъ въ утайкѣ часовъ. Задолго до назначеннаго времени курительная комната была полна народомъ, какъ церковь въ пасхальную заутреню. На диванахъ, на окнахъ, даже на концѣ стола, около котораго возсѣдалъ ареопагъ „двѣнадцати"—вездѣ были студенты плотною массою. Обвиняемый стоялъ въ страшномъ волненіи, блѣдный, лицо его судорожно подергивалось. Слѣдствіе длилось нѣсколько часовъ, допросы производилъ депутатъ филологовъ, студентъ Х-въ, самая популярная въ то время личность между студентами. Его лицо носило ясный отпечатокъ глубокаго сознанія не только важности, но и тяжести положенія: видно было, что онъ до глубины души озабоченъ—какъ бы не увлечься ему въ ту или другую сторону отъ самаго строгаго, самаго безпристрастнаго правосудія. Этотъ человѣкъ обладалъ, и теперь обладаетъ, дѣйствительно, такой тонко развитой въ нравственномъ отношеніи натурой, что положеніе судьи, рѣшителя судьбы человѣка, на немъ должно отзываться съ болѣзненной тяжестью. Но эта то особенность натуры, этотъ живой гуманизмъ, проникавшій все существо Х-ва и разливавшій вокругъ него какую-то обаятельно человѣчную атмосферу, наконецъ, самая наружность его, носившая отпечатокъ постоянной умственной и сердечной работы, его тихій, имѣвшій въ себѣ что то таинственное голосъ, мягкій взглядъ его свѣтлыхъ голубыхъ глазъ,—все это выдѣляло его изъ толпы, привлекало къ нему симпатіи и внушало невольное уваженіе; прибавьте къ

Digitized by Google

этому завидный даръ слова и вы поймете, почему, бывало, воцарялась мгновенная тишина въ шумномъ кружкѣ студентовъ, когда разносилась вѣсть, что X-въ имѣетъ что то сказать къ общему свѣдѣнію.

Первый опытъ суда кончился обвиненіемъ, и на другой день въ курительной комнатѣ было вывѣшано объявленіе, что обвиненный исключается изъ студенческаго общества на годъ. Было много голосовъ за совершенное его исключеніе изъ университета, но X-въ явился его защитникомъ, и всѣ мы оцѣнили вскорѣ, послѣ перваго порыва неумолимости, что болѣе строгій приговоръ свидѣтельствовалъ бы о нѣкоторомъ увлеченіи судей въ сторону отъ безпристрастія, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Второй опытъ студенческаго суда происходилъ подъ предсѣдательствомъ инспектора, такъ какъ въ дѣлѣ было замѣшано постороннее лицо въ качествѣ обвинителя. Обвинялись какіе то студенты въ томъ, что, желая ночью попасть въ погребокъ, выбили въ него двери. Среди студенческой массы у судейскаго стола на этотъ разъ стоялъ въ качествѣ обвинителя, какой то молодой и очень ловкій прикащикъ, Ни мало не стѣсняясь особенностью своего положенія, онъ такъ и сыпалъ словами, вызывавшими по временамъ громкій хохотъ, когда дѣло касалось какихъ нибудь курьезныхъ подробностей совершившагося буйства. Чѣмъ кончилось это дѣло—не помню. По третьему дѣлу, обвиняемый въ растратѣ денегъ, собранныхъ отъ спектакля въ пользу студентовъ, представилъ такія доказательства своей невинности, что былъ оправданъ, и вѣра въ справедливость суда была такъ полна въ студенческомъ обществѣ, что оправдательнаго приговора было вполнѣ достаточно,

Digitized by Google

что бы ни малѣйшей тѣни подозрѣнія не осталось на томъ, кого оправдали. Было, кажется, еще два-три случая судебныхъ засѣданій, но у меня не осталось объ нихъ въ памяти никакихъ подробностей.

Когда я поступилъ въ студенты, нашъ историко-филологическій факультетъ былъ такъ бѣденъ профессорами, что могъ бы быть названъ фактически не существующимъ, если бы не достопамятный Викторъ Ивановичъ Григоровичъ,—нынѣ (1876 г.) заслуженный профессоръ одесскаго университета—который одно время оставался единственнымъ представителемъ науки на всемъ факультетѣ. Правда, кромѣ него, къ началу учебнаго года было еще два профессора—одинъ греческой, а другой—римской словесности, оба нѣмцы: одинъ—плохо говорившій по русски, а другой и совсѣмъ не говорившій; оба старики, особенно послѣдній,—типъ нѣмецкаго гелерта старинныхъ временъ. Я только одинъ разъ видѣлъ его длинную, до безобразія высокую и тощую фигуру, медленно передвигающую тонкія ноги и беззвучно шевелящую губами—и до сихъ поръ у меня о ней сохранилось воспоминаніе, какъ о какомъ то привидѣніи или призракѣ, мелькнувшемъ передъ моими глазами, чтобъ показать живой обращикъ—покрытой пылью вѣковъ и заживо забытой учености стараго добраго времени.

По почину Х-за, который за то и поплатился исключеніемъ изъ университета, студенты—филологи рѣшили попросить этихъ старцевъ оставить занимаемыя ими кафедры, предпочитая остаться при одномъ профессорѣ на всемъ факультетѣ. Рѣшено и сдѣлано. Одинъ профессоръ внялъ просьбѣ студентовъ и не являлся бо-

Digitized by Google

лѣе на кафедру, другой,—фигуру котораго я только что описалъ, наотрѣзъ сказалъ, что онъ не хочетъ ничего слушать и будетъ читать свои порыжѣвшія тетрадки, хотя бы передъ пустой аудиторіей. Этотъ отвѣтъ своимъ презрительнымъ отношеніемъ къ дѣлу университетской науки, и перспектива слушать лекціи, если не на латинскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ профессоръ русскаго языка не зналъ, да и знать не хотѣлъ,—побудили студентовъ принять рѣшительныя мѣры. Несчастный старикъ нѣмецъ былъ нарочно предупрежденъ объ этомъ студентами, но тѣмъ не менѣе явился на лекцію. Что у него была за цѣль—не понимаю. Явился, и былъ пораженъ не бывалымъ собраніемъ слушателей: вмѣсто одного-двухъ, ходившихъ прежде, такъ сказать „по наряду", чтобы въ самомъ дѣлѣ не приходилось читать голымъ стѣнамъ, онъ видитъ человѣкъ тридцать, полное собраніе факультета. Тѣмъ не менѣе плетется къ кафедрѣ, достаетъ изъ кармана темно-коричневую отъ древности тетрадку лекцій и дрожащими отъ волненія старческими губами произноситъ какую то латинскую вступительную фразу. Увы, какъ ни способна была эта картина возбудить чувство жалости, она не тронула юношей, которымъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или опять, какъ прежде, отряжать изъ своей среды слушателей по очереди для того, чтобы старикъ имѣлъ удовольствіе читать свои лекціи никому, кромѣ него непонятныя, или ожесточить на этотъ разъ свое сердце. Мы сдѣлали послѣднее. Раздался оглушительный кошачій концертъ свистковъ—и живой анахронизмъ исчезъ съ кафедры навсегда. Едва замерли въ нашихъ ушахъ звуки его медленныхъ шаговъ по корридору, мы разбрелись въ

Digitized by Google

разныя стороны, почти не разговаривая о происшедшемъ.... Я не свисталъ, но уже одно участіе въ этой исторіи тяжело отзывалось въ сердцѣ—точно я былъ свидѣтелемъ убійства. Мнѣ было жалко старика почти до слезъ. Началось слѣдствіе: двоихъ, ходившихъ объясняться съ профессорами на счетъ ихъ выхода изъ университета, исключили. Но они знали напередъ, что такъ будетъ, и сознательно „приносили себя въ жертву“ процвѣтанію своего факультета: предполагалось, что на мѣсто выбывшихъ такимъ образомъ профессоровъ явятся болѣе талантливые, болѣе достойные, молодые представители науки. Нужно было приготовить имъ мѣсто, хотя бы для этого и понадобились двѣ жертвы. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли тогда студенты эту „исторію“ и глубоко вѣрили этому объясненію....

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой....

Такимъ образомъ, въ началѣ 1860—61 учебнаго года историко-филологическій факультетъ въ казанскомъ университета представлялъ, такъ сказать, ниву, ждущую сѣятелей: предстояло замѣстить слѣдующія кафедры: греческой словесности, римской словесности, эстетики и исторіи искусствъ, исторіи русской литературы, русской исторіи и всеобщей исторіи, не говоря уже о томъ, что кафедры славянской филологіи и исторіи славянскихъ литературъ занималъ одинъ профессоръ, тогда какъ ихъ полагалось, кажется два. Несмотря на то, что позади не имѣлось въ запасѣ никакихъ особыхъ мѣръ для приготовленія профессоровъ на вакантныя кафедры, да и вообще, повидимому, университетская наука передъ этимъ

Digitized by Google

временемъ не обрѣталась въ авантажѣ, почти всѣ поименованныя выше кафедры были замѣщены въ самый короткій срокъ, и что замѣчательно—замѣщены съ такимъ достоинствомъ, съ какимъ далеко не всегда случается и въ наше время, хотя, повидимому, столько мѣръ употребляется и столько средствъ тратится на приготовленіе достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія вакантныхъ кафедръ. Даже на кафедру эстетики нашелся кандидатъ, отъ котораго ожидали въ свое время очень много, но не дождались къ сожалѣнію до сихъ поръ ничего. Въ наше время, то есть съ кандидатами настоящаго времени, такіе случаи то же не рѣдкость, но есть тутъ и маленькая разница: науки ли нынче очень упростились, или способы достиженія высшихъ познаній стали проще, или что другое—только въ наше время молодые люди, на мой взглядъ, гораздо меньше церемонятся съ вопросомъ о томъ, стремиться имъ на кафедру или нѣтъ? и стремятся „ничто же сумняся". Прежде народъ былъ церемоннѣе. Такъ напр. изъ кандидатовъ 1860 года мнѣ извѣстны двое, М—въ и К., которымъ, такъ сказать, стоило только шагнуть, и они были бы на кафедрѣ: ихъ приглашали, ждали, давали имъ средства готовиться, и они дѣйствительно готовились, но—убоялись премудрости и возвратились вспять, то есть—я хочу сказать, сами сочли себя недостойными, въ то время, какъ другіе думали о нихъ совсѣмъ иначе. К., напр., готовившійся на кафедру энциклопедіи законовѣдѣнія, долженъ былъ, разумѣется, погрузиться съ самаго же начала въ философію права, и погрузился съ головой: прочиталъ массу книгъ, исписалъ горы бумаги, а кончилъ тѣмъ, что отказался отъ дальнѣйшихъ приготовленій. Напрасно убѣждали его то-

Digitized by Google

варищи не дѣлать этого, воспользоваться случаемъ уѣхать за границу, и повѣрить имъ пока на слово, что современемъ разсѣется тотъ туманъ, который густымъ облакомъ окружилъ его умъ при первомъ прикосновеніи къ философіи.... „Какой-же я буду профессоръ, съ запальчивостью возражалъ К., какой я буду профессоръ, когда я не могу разрѣшить: что такое бытіе?"—Да ты разрѣшишь его со временемъ, погодя, не вдругъ, вѣдь ты еще только принялся..—„Нѣтъ, нѣтъ, я чувствую, что не разрѣшу, оставьте меня въ покоѣ, отвяжитесь" воскликалъ К—съ отчаяньем , и дѣйствительно отказался отъ предложенной ему кандидатуры на кафедру. Другой кандидатъ—на кафедру эстетики, написавшій свою кандидатскую диссертацію на оригинальную тему—„о лубочныхъ картинахъ" и за границей былъ, и диссертацію написалъ на магистра, и даже пробную лекцію приготовилъ, но вдругъ—тоже, должно быть, подъ вліяніемъ какой-нибудь назойливой мысли о неразрѣшимости нѣкоторыхъ вопросовъ—отказался отъ кафедры и поступилъ домашнимъ учителемъ къ какому то помѣщику. Ходитъ про него слухъ, что онъ будто бы до сихъ поръ продолжаетъ собирать лубочныя картинки, а злые языки прибавляютъ, что присоединяетъ къ этой коллекціи еще коллекцію всевозможныхъ ярлыковъ, коль скоро на нихъ имѣется какая нибудь картинка, и все это, будто бы, съ цѣлью изученія тѣхъ условій эстетическаго развитія, въ которыхъ находится наша народная масса. Насколько все это справедливо—не знаю.

Студенты-филологи въ 1860 году были сильно озабочены вопросомъ о замѣщеніи кафедръ, въ особенности русской исторіи, возбуждавшей въ то время особенный

Digitized by Google

интересъ, благодаря знаменитому вопросу о варягахъ и диспуту Костомарова съ Погодинымъ. Мы писали даже коллективное письмо къ бывшему кіевскому профессору русской исторіи Платону Васильевичу Павлову, прося его занять такую же кафедру въ казанскомъ университетѣ. Не помню результатовъ этой попытки, но дѣло въ томъ, что она показываетъ, какъ почти наканунѣ пріобрѣтенія университетомъ на кафедру русской исторіи г. Щапова, извѣстность этого ученаго и его популярность были еще незначительны. Студенты искали себѣ профессора за тридевять земель въ то время, какъ рядомъ съ ними находился одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и симпатичныхъ изслѣдователей по русской исторіи. Но князь Вяземскій былъ на этотъ разъ прозорливѣе своихъ студентовъ. Если не ошибаюсь, были какія то препятствія къ переходу г. Щапова изъ казанской духовной академіи въ университетъ, или, вѣрнѣе сказать, къ тому, чтобъ онъ могъ читать лекціи и числиться на кафедрѣ и въ томъ и въ другомъ учрежденіи въ одно и тоже время. Попечитель устранилъ эти препятствія и, можно сказать, подарилъ университету Щапова, а г. Щапову— университетскую кафедру. Это былъ еще первый, небывалый примѣръ, чтобы на университетскую кафедру явился кандидатъ изъ воспитанниковъ духовной академіи, изъ ея магистровъ. Студенты университета относились къ этому нововведенію недружелюбно: напротивъ—академики замѣтно гордились тѣмъ, что изъ нихъ „изыдетъ пророкъ“, имѣющій покорять сердца и умы университетскихъ слушателей.

Тотъ маленькій кружокъ, къ которому принадлежалъ въ это время я, благодаря Александру Васильевичу,

Digitized by Google

съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія г. Щапова на кафедрѣ въ университетѣ. Александръ Васильевичъ былъ страстный поклонникъ Щапова и отзывался о немъ не иначе, какъ восторженно. Зная чрезъ насъ, что студенты университета предубѣждены противъ Щапова, какъ вышедшаго „изъ духовныхъ", онъ сильно безпокоился по временамъ за успѣхъ первой лекціи любимаго профессора, то, напротивъ, восклицалъ рѣшительно: „да нѣтъ, нѣтъ.—Это невозможно. Невозможно, чтобы молодежь не поняла его; не оцѣнила. Вотъ вы увидите: онъ „придетъ, увидитъ и побѣдитъ".

Александръ Васильевичъ былъ правъ. Послѣ первой своей лекціи, г. Щаповъ имѣлъ полное право сказать словами Цезаря: „veni, vidi, vici"! Добравшись до описанія этой лекціи, я чувствую потребность, подобно древнимъ лѣтописцамъ, предпослать въ видѣ предисловія рядъ сожалѣній, что перо мое недостаточно краснорѣчиво, чтобы дать хотя блѣдный очеркъ предлежащаго ему описанія событій. Вступленіе въ университетъ г. Щапова—это дѣйствительно было цѣлое событіе въ лѣтописяхъ внутренняго быта университета. Въ тотъ короткій періодъ, пока г. Щаповъ занималъ у насъ кафедру русской исторіи—онъ, можно сказать, царилъ въ университетѣ: каждое его появленіе на кафедрѣ было своего рода тріумфомъ—долгое время въ тотъ часъ, когда читалъ г. Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи, клиника и анатомическій театръ пустѣли, у подъѣзда университета былъ съѣздъ экипажей, такъ какъ городская публика тоже приходила въ движеніе и стремилась послушать „знаменитость" на кафедрѣ, какъ сбѣгается слушать знаменитость на сценѣ, а на этотъ разъ

Digitized by Google

„знаменитость“ была своя, такъ сказать, домашняя, а не пріѣзжая, не выписанная. Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Щаповѣ, а о студентахъ и говорить нечего: они ходили, какъ ошалѣлые, отъ восторга. Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ.

И такъ, никто не предчувствовалъ—наканунѣ какого движенія находится университетъ, когда подходило время первой, вступительной лекціи г. Щапова. Все, что могли сдѣлать слухи, шедшіе изъ академіи, это возбудить особый интересъ къ новому, ожидаемому профессору. На счетъ его достоинствъ шли споры, въ которыхъ пессимисты не опускали случая щегольнуть дешевымъ остроуміемъ на счетъ семинарскаго происхожденія профессора —„Вотъ, какъ онъ начнетъ вамъ украшать свою лекцію разными „яко-бы“ да „понеже“ такъ увидите, что это за сокровище“. Тѣмъ не менѣе, на первую лекцію набралось народу столько, что въ большой 7-й аудиторіи не доставало мѣстъ для желающихъ слушать. Рѣшено было перейдти въ зало. Г. Щаповъ почему то замедлилъ, академики, которыхъ также много явилось на его лекцію, тревожились по этому поводу и боялись, что лекція вовсе не состоится. Наконецъ разнесся слухъ, что г. Щаповъ пріѣхалъ, что онъ въ „профессорской“.—Каковъ онъ? Не видѣлъ ли кто его?—спрашивали студенты другъ друга, будучи наэлектризованы всей окружающей обстановкой, свидѣтельствовавшей о всеобщемъ ожиданіи чего то новаго, небывалаго и торжественнаго. Особенно поражала необычайная масса собравшагося народу, точно предстоялъ торжественный актъ. Наконецъ вышелъ весь ученый синклитъ, съ попечителемъ во главѣ, и занялъ передній рядъ креселъ. Всѣ взоры обращены были на дверь, изъ

Digitized by Google

которой черезъ минуту долженъ былъ показаться г. Щаповъ.

Трудно представить себѣ фигуру человѣка, болѣе способную произвести впечатлѣніе на образованную массу съ перваго же раза. Щаповъ вышелъ въ простомъ черномъ сюртукѣ, носившемъ почти домашній характеръ, какъ будто къ намъ вышелъ человѣкъ изъ своего рабочаго кабинета: ни оффиціальный мундиръ, ни черный фракъ и бѣлый галстухъ не напоминали ни о какой молочной подготовкѣ ученаго къ появленію на кафедрѣ. Напротивъ, нѣкоторая небрежность въ костюмѣ показывала, что профессоръ и не вздумалъ позаботиться о „представительности", предоставивъ попеченіе объ этомъ предметѣ своему служителю, какому нибудь академическому сторожу изъ отставныхъ солдатъ, не имѣвшему ни малѣйшаго понятія объ этикетѣ. Не смотря на то, что г. Щаповъ былъ съ подвязанной щекой, его выразительныя черты лица невольно бросались въ глаза съ перваго взгляда. Онъ былъ блѣденъ, его маленькіе черные глаза блестѣли и бѣгали болѣе обыкновеннаго, обнаруживая неистощимый запасъ энергіи и энтузіазма. Надъ этими глазами низко нависли густыя брови, придавая лицу видъ сосредоточенности и глубокой серьезности, однако безъ малѣйшаго оттѣнка суровости. Вы тотчасъ же замѣчали, что эти брови сдвинуты внизъ не нарочно, не по привычкѣ, а самой природой, какъ будто для того, чтобы высокій прямой лобъ ученаго казался еще открытѣе, еще болѣе придавалъ какого то величія его внѣшнему виду и яснѣе обнаруживалъ смѣлую, стремительную энергію. Прибавьте къ этому огромную массу мелко-вьющихся волосъ на головѣ, придававшихъ какой

Digitized by Google

то гордый львиный видъ всей фигурѣ Щапова и вы поймете, что уже одинъ его выходъ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на студенческую массу. Вмѣсто смиреннаго и скромнаго труженика, говорящаго „понеже“ и „поелику“, какъ не шутя ждали нѣкоторые изъ студентовъ, нехотѣвшіе вѣрить, что и изъ Галилеи пророкъ приходитъ, предъ взорами толпы появилась фигура, величественная, при всей своей внѣшней простотѣ, и быстрыми шагами взошла на высокую актовую кафедру.

Воцарилась тишина. Тихимъ, но внятнымъ голосомъ, пріятнымъ баритономъ, проговорилъ г. Щаповъ свою первую фразу—и тотчасъ же долженъ былъ остановиться на нѣсколько минутъ: какой то ропотъ и гулъ пробѣжалъ по залѣ, всѣ переглянулись, послышались вопросы, обращенные другъ къ другу: „что, что такое, что онъ сказалъ“? хотя каждый слышалъ эти краткія, но рѣшительныя слова, и у каждаго на всю жизнь они запали въ памяти: до такой степени въ томъ тонѣ, которымъ они были сказаны, въ блескѣ глазъ, сопровождавшемъ ихъ, во всей фигурѣ говорившаго ихъ отражалась внутренняя сила, убѣжденіе, страстность и энергія. Что особеннаго было въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, которые читатель сейчасъ увидитъ—и однако они произвели цѣлый переполохъ, длившійся нѣсколько минутъ: вся масса, точно морская волна, набѣгающая на берегъ, какъ то разомъ подалась впередъ, ближе къ кафедрѣ; ряды стульевъ моментально смѣшались, всѣ были на ногахъ, прошло еще нѣсколько минутъ и г. Щаповъ стоялъ на своей кафедрѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ тѣсной толпой студентовъ, внизу кафедры, цѣпляясь за

Digitized by Google

ея края, кругомъ—на стульяхъ, на плечахъ другъ у друга, на самой кафедрѣ, рядомъ съ профессоромъ, почти стѣсняя его—всюду лѣпились фигуры, изображающія изъ себя самое напряженное вниманіе, наэлектризованныя вдохновенной рѣчью, затаившіе дыханіе.... Щаповъ читалъ:

„Скажу напередъ: не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской исторіи“.

„Въ настоящее время, кажется, уже утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію: что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе теперь не ново: его начали уже проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: начало областности—позвольте мнѣ такъ его выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи, развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи: всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ одну идею государственнаго развитія. Съ эпохи утвержденія московской централизаціи, въ нашихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ различныхъ провинцій: нисколько не раскрываются разнообразныя историко-географическія, бытовыя и экономическія особенности областей, не изображаются моральныя, политическія и физико-географическія условія ихъ внутренняго развитія

Digitized by Google

и быта: мѣстное саморазвитіе, внутренняя жизнь областей остаются въ сторонѣ, а вмѣсто того на первомъ планѣ рисуются дѣйствія государственности, централизаціи.—Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ ни несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исторія, въ самой основѣ, есть по преимуществу, исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное, территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую особую, самобытную, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной государственной географической централизаціи московской; а въ областныхъ лѣтописяхъ раздается самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ собиранія Русской земли. Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства: онъ многозначительно выразился въ смутное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявился на земскихъ соборахъ XVII вѣка,

Digitized by Google

сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII и въ началѣ XIX-го столѣтія,—во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проэкты, относительно конституціоннаго устройства областей и т. д.—и мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи. Русская исторія, основанная на идеѣ централизаціи, исключающая идею областности, есть тоже, что отрицаніе существеннаго, жизненнаго значенія областей, какъ разнообразныхъ органовъ въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма—всего народа. А кто не знаетъ, что безъ знанія устройства и отправленій различныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма? Такъ точно, и безъ знанія разнообразной историко-этнографической организаціи, характера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ невозможно полное и отчетливо—ясное пониманіе русской исторіи. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ историко этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей".

„Какъ нѣтъ въ Европѣ самаго малаго государства, которое бы едва могло ровняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ, этнографическимъ

Digitized by Google

разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскихъ областяхъ. Много ли общаго, напримѣръ, между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ? Много ли общаго между Польшей и Камчаткой, или между Кавказомъ, Архангельскою областью и Казанскимъ краемъ? и т. д. А разнообразныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣлый словарь? А эти юмористическія присловья, которыми такъ мѣтко и согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другой? А существованіе территоріальныхъ округовъ, совершенно независимыхъ отъ округовъ административныхъ, отличныхъ нравами жителей, языкомъ, промыслами и т. д?. Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ нашу обширную Россію во всемъ историко-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей—и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не было объяснено, отчего образовались такія областныя особенности, какое онѣ имѣютъ значеніе въ исторіи,—не говоримъ уже о томъ, какое значеніе онѣ имѣли или могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству, къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному быту и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и оффиціально высказывали то убѣжденіе, „что должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую Имперію, что государство должно вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области“. Если когда, то особенно въ наше время,

Digitized by Google

наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ.—И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время кажется, и въ самихъ провинціяхъ, стала пробуждаться потребность самопознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей провинціальной литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданіе областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областнаго самопознанія, но и органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идей политическаго самопознанія и саморазвитія, въ составѣ цѣлаго государственнаго союза".

„Итакъ, съ мыслью объ областности и народности, я избираю для своихъ чтеній исторію великорусскаго народа, или великорусскихъ областныхъ общинъ, въ связи съ Сибирью. Здѣсь, въ Великой Россіи былъ центръ исторической борьбы областнаго элемента и народности съ централизаціею и государственностью. Здѣсь рѣшалась судьба всѣхъ многочисленныхъ, обширныхъ и разнообразныхъ областей и сосредоточилась ихъ новая историческая жизнь—государственно-союзная, и, если можно такъ сказать, здѣсь сковывается, держится будущее нашихъ областей. Кромѣ того, въ этой части русской исторіи есть много такихъ важныхъ, первоклассныхъ вопросовъ, которые доселѣ ждутъ еще изслѣдованія, какъ напримѣръ, вопросъ о колонизаціи и значеніи ея въ русской исторіи, или хоть тотъ же современный вопросъ—объ историческомъ значеніи москов-

Digitized by Google

ской централизаціи и т. д. Безъ дальнѣйшихъ предисловій, спѣшу сообщить вамъ, Мм. Гг., общій взглядъ на исторію великорусскаго народа до централизаціи и послѣ централизаціи областей“....

Я былъ бы радъ процитировать хотя всю вступительную лекцію г. Щапова, еслибы имѣлъ на то разрѣшеніе, и пользуюсь случаемъ выразить здѣсь желаніе очень многихъ изъ его слушателей,—что бы она была напечатана авторомъ, какъ одно изъ лучшихъ его произведеній. Предметомъ первой лекціи г. Щапова былъ „Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа“—и можно сказать, что въ русской литературѣ вы не найдете такого богатаго мыслями, самостоятельно выработаннаго и талантливо обработаннаго краткаго очерка народной русской исторіи отъ ея начала до эпохи освобожденія народа отъ крѣпостнаго права. По мѣстамъ, въ этомъ очеркѣ, г. Щаповъ, можно сказать, возвышался до художественности, его рѣчь начинала принимать поэтическій колоритъ и въ живомъ, прочувствованномъ чтеніи производила потрясающее впечатлѣніе.

Лекція продолжалась часа два, пока лекторъ и аудиторія не почувствовали того неизбѣжнаго утомленія, которое бываетъ результатомъ напряженнаго, исполненнаго волненій вниманія. Г. Щаповъ оборвалъ лекцію чуть-ли не на полсловѣ, и быстрымъ движеніемъ скрылся изъ зала. Онѣмѣвшая толпа разступилась передъ нимъ съ инстинктивнымъ почтеніемъ. Нѣсколько секундъ въ залѣ еще длилась мертвая тишина, но вдругъ, какъ гремучій ударъ лѣтней грозы, разразился страшный громъ рукоплесканій. Это продолжалось съ минуту, толпа не двигалась съ мѣста, продолжая рукоплескать.

Digitized by Google

Профессора и самъ попечитель дѣлали тоже. Потомъ начались какіе то восторженные крики, наконецъ ко всему этому присоединился оглушительный трескъ мебели, ломавшейся подъ напоромъ толпы, устремившейся наконецъ вслѣдъ за профессоромъ. Нѣкоторые неистово стучали въ полъ стульями и ногами. Всѣ куда то спѣшили, бѣжали, сами не зная, куда, и думаю, не прошло полчаса, какъ весь городъ зналъ о необычайномъ событіи, совершившемся въ университетѣ. Съ этихъ поръ г. Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы: по крайней мѣрѣ мѣсяцъ ажитація въ средѣ студентовъ не могла улечься.

Но разсказъ мой слишкомъ затянулся,—пора кончить, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ. Болѣе интереснаго ничего не случилось, да и не могло, кажется, быть въ теченіе перваго года моего студенчества, какъ эта лекція и ея продолженія. На этомъ я и кончу.

Л. О.

Digitized by Google

Изъ воспоминаній о Казани и о Казанскомъ университетѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ *).

На начинающемся склонѣ лѣтъ все живѣе и обаятельнѣе чувствуется прелесть молодости и сила ея впечатлѣній,—чувствуется и надобность ихъ опредѣленія, для выясненія роли послѣдовавшихъ за ними вліяній. Воспоминанія о годахъ ученья въ университетѣ такъ близки съ воспоминаніями объ окружавшемъ это ученье, что мнѣ трудно отдѣлить одно отъ другого. Огромна разница жизни городской и университетской въ тогдашніе и нынѣшніе годы! Огромна разница и во внутреннемъ смыслѣ годовъ, самихъ по себѣ; да и не тотъ, далеко не тотъ, сталъ пишущій эти строки, перебродившій, хотя и упрямый шестидесятникъ! Эти разницы дѣлаютъ теперь анекдотичнымъ то, что въ свое время рѣшительно не давало повода ни къ какимъ замѣчаніямъ, тѣмъ болѣе сколько нибудь вызывающимъ улыбку. Могучее десятилѣтіе 60-хъ годовъ и глубокая, патріархальная тишина губернскаго захолустья были еще недавно, но жизнь ушла впередъ много сильнѣе. Мало осталось даже и при-

*) Комитетъ Общества приноситъ свою благодарность С. В. Смоленскому за статью, написанную имъ для Сборника.

Digitized by Google

знаковъ этого бывшаго такъ недавно. Конечно, и нынѣшнее поколѣніе, начавшее гордый XX-й вѣкъ, дастъ лѣтъ черезъ 50 немало содержанія для замѣтокъ всякаго свойства, пожалуй и анекдотическаго. И нынѣшняя Казанская и университетская жизнь уйдетъ впередъ въ неожиданныя для нынѣшней молодежи стороны и дали. Но шестидесятники, всетаки, стали волею судебъ на такомъ рубежѣ русской жизни, за каковой нельзя признать текущіе годы, несмотря на очевидную ихъ значительность не только во многихъ, но безусловно во всѣхъ отношеніяхъ. Едва ли даже и повторится въ исторіи нашей родины и въ исторіи нашего просвѣщенія такая пора, какъ незабвенной памяти 60-е годы. Во всякомъ случаѣ поколѣніе, которое бы такъ живо перечувствовало, такъ сильно пережило эту удивительную пору пробужденія и могучаго подъема,—поколѣніе это наше. Другія поколѣнія были либо стары, либо молоды для твердаго воспріятія нашихъ впечатлѣній и направленія по нимъ всей своей жизни. Наше поколѣніе не могло, конечно, сильно перечувствовать ни Севастопольскій погромъ, въ его послѣдовавшихъ внутреннихъ проявленіяхъ, ни даже всю мощь 19-го февраля въ его непосредственномъ, немедленномъ вліяніи. Мы подросли лишь къ годамъ главныхъ результатовъ этихъ событій и наша молодая мысль, наша благородная, порывистая юность воспиталась на очевидной разности быстро уходившаго прошлаго и быстро же наступавшаго новаго, свободнаго, высоко-поучительнаго. Съ сущею любовью, съ безграничною благодарностью поминаю я именно здѣсь моего удивительнаго, добраго отца, Василія Герасимовича Смоленскаго,—рыцаря чести и свободной мысли, неумолчнаго заступника-се-

Digitized by Google

кретаря по дѣламъ Казанскихъ студентовъ; не менѣе благоговѣйно и именно здѣсь же поминаю я знаменитое имя просвѣтителя инородцевъ—Николая Ивановича Ильминскаго, моего крестнаго отца и дядю по матери. Этимъ двоимъ сильнымъ умамъ я обязанъ складомъ всей моей жизни, направленной именно ими, вмѣстѣ съ руководившимъ мною Казанскимъ Университетомъ. Я выросъ подъ гармоническимъ сочетаніемъ семейныхъ и учебныхъ вліяній, жившихъ въ свою очередь подъ впечатлѣніями огромныхъ надеждъ, самыхъ пылкихъ упованій, самаго неудержимаго служенія правдѣ и просвѣщенію. Не для нашего только впрочемъ, поколѣнія были такъ знаменательны 60-е годы. Мощь ихъ и донынѣ не исчерпана!

Но что же была въ то время Казань? О, нынѣшняя молодежь, даже читатели среднихъ лѣтъ, не съумѣютъ представить себѣ и малой доли тогдашняго соннаго, самодовольнаго покоя далекой Казани. Для такого представленія надо сдѣлать надъ собою особое усиліе. То была Казань, сейчасъ же послѣ отмѣны крѣпостного права, многими тогда даже не понятной. Представимъ себѣ зиму въ городѣ, отдѣленномъ пятисуточною дорогою отъ Москвы? Представимъ себѣ жизнь безъ телефона, безъ телеграфа, безъ электрическаго свѣта, безъ желѣзной дороги, почти безъ пароходовъ, безъ трамвая, безъ водопровода, даже безъ газетъ, безъ фотографіи, безъ оперы и концерговъ, безъ новыхъ книгъ.... Представимъ себѣ все безправіе, ужасавшее „передовыхъ“, но не удивлявшее благодушныхъ Казанцевъ! Представимъ себѣ искренніе восторги „передовыхъ“ отъ пламенныхъ статей вновь появившихся журналовъ и недоумѣніе крѣпостниковъ и провинціальныхъ генераловъ передъ огорошившею ихъ

Digitized by Google

гласностью и развязностью этихъ „завиральныхъ идей“! Представимъ себѣ общественное и административное, вполнѣ гласное господство властныхъ „послѣдышей“ крѣпостничества и вполнѣ легендарныхъ всякаго сорта взяточниковъ? Теперь почти нельзя представить себѣ мѣру тогдашняго захолустнаго, безпробуднаго сна, но —самобытнаго, нелишеннаго своеобразной логики. Это, уже вполнѣ вымершее міросозерцаніе, пожалуй, и недоступно людямъ начала XX вѣка. Одиноко жили отдѣльные свѣтлые умы въ этомъ провинціальномъ снѣ, въ мірѣ грубаго самодурства всякихъ злоупотребленій и явленій давно уже прекращенныхъ свыше. Чистые люди, горячіе поборники правды, едва вышли на смѣшную борьбу и въ честнѣйшемъ трудѣ не только побѣдили, но заставили простить и забыть прошлое. Они переродили Казань. Именно отъ разности всей тогдашней Казанской жизни, въ сравненіи съ нынѣшнею, является надобность сначала освѣтить бытовую тогдашнюю Казань, хотя бы въ краткихъ словахъ. Этимъ выдѣлиться яснѣе вся величина значенія Казанскаго Университета въ тѣ же годы. Только по уясненіи этой разницы опредѣлится мѣра почтительной благодарности старѣющаго студента къ своей любимой „alma mater“. Въ мои студенческіе годы моя „mater“ была именно „alma“. Такова эта „mater“ въ моемъ сердцѣ до сихъ поръ и съ этой любовью и почтительной благодарностью я лягу въ могилу. Университету я обязанъ болѣе всего развитіемъ во мнѣ чувства широкой терпимости и уваженія ко всему существующему—преходящему, какъ подчиненному законамъ высшимъ, управляющимъ судьбами скрытаго въ насъ стремленія къ самоулучшенію. Это чувство, конечно, не

Digitized by Google

имѣетъ ничего общаго съ попустительствомъ чего либо безнравственнаго, но оно всегда удерживало меня отъ самоувѣреннаго суда и огульнаго отрицанія всего въ чемъ либо мнѣ несимпатичномъ. „Во всякой гадости, говаривалъ мой отецъ, непремѣнно найдется что либо хорошее, вполнѣ порядочное; уважь то и въ гадости". Съ такой стороны не позволяю себѣ рѣзко осудить подробности, давно пережитыя въ бытовой Казани, давно въ ней отсутствующія, но въ свое время бывшія, пожалуй, необходимою частью того быта. Итакъ, вотъ въ краткихъ чертахъ, Казань въ концѣ 50-хъ годовъ.

Главныя улицы, Воскресенская, Покровская, Грузинская, отчасти Красная и Черноозерская съ Лядскою, могли поспорить своими торцовыми мостовыми съ нынѣшними Петербургскими улицами. Охранялись они днемъ будочниками, державшими въ рукахъ престранныя „аллебарды", т. е. особаго сорта топоры съ черенками аршина въ $2^1/_2$; ночью по тѣмъ же улицамъ ходили караульщики стучавшими въ особыя колотушки; по ночамъ, въ сроки не отмѣчавшіеся „полагается луна", Казанскія улицы оглашались чрезвычайно протяжными криками „слушаааай" тѣхъ же стражей, какъ и часовыхъ на каланчахъ и гауптвахтахъ. Эти крики были необходимы, такъ какъ освѣщеніе отъ „масляныхъ въ 3 рожка фонарей" было дѣйствительно плохо, а грабежи и разбои на дамбѣ и по Сибирскому и Лаишевскому трактамъ были почти ежедневны. Зимою улицы Казани, кромѣ самыхъ главныхъ, были по ухабамъ и сугробамъ нехуже нынѣшняго Сибирскаго тракта; весною и осенью всѣ немощенныя улицы (т. е. къ перечисленнымъ выше надо прибавить Проломную, Поперечную улицу отъ Чернаго озера, мимо

Digitized by Google

Каз. монастыря къ острогу, тракты по Рыбной и всѣ спуски отъ Воскресенской къ Булаку) представляли собою нѣчто непроходимое и даже непроѣзжее. Лѣтомъ Казанская пыль была такая же, какъ и теперь. Такія улицы сами собою вынуждали къ устройству высокихъ деревянныхъ тротуаровъ, отдѣльныхъ мостковъ къ домовымъ крыльцамъ, или къ прокладыванію черезъ особенно топкіе перекрестки то длинныхъ досокъ, то бревенъ, то ряда большихъ камней. По вечерамъ Казанцы сидѣли дома, вынужденные же пѣшеходы ходили по такимъ улицамъ съ фонарями въ рукахъ и съ провожатыми. Керосиновыхъ лампъ тогда еще не было, стеариновыя свѣчи были очень дороги слѣдовательно, либо масляная лампочка, либо сальная свѣча, давала возможность перебраться съ одной стороны на другую. Особенно трудны и непріятны были сообщенія по Рыбному базару. Казанцы прямо страдали отъ упражненій въ прыжкахъ и въ соблюденіи равновѣсія въ дебряхъ Старой Горшечной и Собачьяго переулка, или Засыпкиной и Кошачьяго переулка. Въ этихъ палестинахъ, какъ и въ Суконныхъ и въ „Мокрыхъ“ улицахъ, иногда виднѣлись днемъ экипажи безъ лошадей, завязшіе въ грязи такъ крѣпко, что хозяева ихъ, безъ страха отъ воровъ, спокойно отправлялись далѣе верхомъ „на коняхъ“, а на другой день, уже при помощи добрыхъ людей, выручалась застрявшая пролетка, или коляска, или плетушка.... Скалываніе весенняго льда началось въ Казани только въ началѣ 70-хъ годовъ. Тогда же началось и замощеніе второстепенныхъ улицъ. Окраинныя улицы были замощены много позднѣе.

Эта неудовлетворительность улицъ создала въ Казани массу уличной разносной и развозной продажи. Такое

Digitized by Google

предложеніе всякихъ предметовъ первой необходимости совпадало съ домосѣдною жизнью нашихъ матерей и бабушекъ, отправлявшихся „на базаръ“ возможно рѣже и притомъ съ капиталомъ въ олинъ рубль, даже и менѣе. Много можно было тогда купить на одинъ рубль для простой и неприхотливой Казанской жизни. Я ѣздилъ часто во 2-ю гимназію на зимнемъ ломовикѣ отъ Покрова за пятачекъ ассигнаціями, т. е. $1^1/_2$ копѣйки; мои первыя познанія въ разницѣ по величинѣ стертыхъ двугривеннаго и пятіалтыннаго укрѣпились именно при покупкѣ матерью сотни отборныхъ яицъ за 35 коп.; наша, хотя и небольшая, но приличная квартирка, во 2-мъ этажѣ каменнаго дома въ Засыпкиной улицѣ, оплачивалась съ дровами отъ хозяина 6-ю, или 7-ю рублями; годовая плата за ученье въ гимназіи (5 р.) считалась очень высокою; ложа въ театрѣ стоила, кажется, 1 руб., какъ и кресло 1-го ряда; я твердо помню, что матушка моя заплатила 1 руб. за отличныя ботинки.

Улицы Казани вообще были крайне безлюдны. Онѣ оглашались всякими пѣвучими возгласами, годовыми и сезонными, имѣвшими свои напѣвы и свои прибаутки; то кричатъ, вызывая издали потребителей, „Вóды кабанной, воды—эй“, „Говядины свѣжей, говядины, телятины, свинины“, или „дичи битой, гусей, утокъ, цыплятъ, куръ, всякой птицы“, или „Эй ребятишки, дамъ вамъ по пышкѣ, выходи скорѣе, бѣги живѣе, пара копѣйка“ и проч., или „àрбуза, àрбуза, арбузай“, или трубилъ передъ возгласомъ въ длинный жестяной рогъ и пѣлъ: „А, гспда, уксусу“ и мн. др.

Казанскія улицы, по удаленіи ихъ отъ центральной части города, становились болѣе длиннозаборными и за-

Digitized by Google

тонувшими въ тѣни огромныхъ садовъ. Нѣкоторые изъ этихъ улицъ и садовъ были сущими пустырями. Напр. совершенно пусто было гористое пространство между Собачьимъ переулкомъ и односторонкою Старо-Горшечной улицы; огроменъ былъ лѣсной пустырь на мѣстѣ домовъ Юшкова у Николаевской площади, все Забулачье было рядомъ огромныхъ дворовъ и товарныхъ складовъ съ очень рѣдкими постройками; мѣстности между Духовною Академіею и такъ наз. 1-ю горою были совершенно пусты. По окраинамъ города, весною, водились многочисленные и многолюдные хороводы. Казань была очень пѣвуча вообще; пѣсни пѣлись втихомолку у многихъ воротъ почти каждый вечеръ; свадьбы сопровождались сполна всѣмъ цикломъ пѣсенъ, красота которыхъ была прямо поразительна. Казанскія свадьбы впрочемъ имѣли еще особенности: напр. „придáнные“ поѣзда ломовиковъ съ сундукомъ на каждомъ возу и съ свахой во главѣ такого поѣзда; были и бурные, полупьяные поѣзда свадебныхъ гостей, горланившихъ пѣсни, бившихъ въ тазы, кострюли и пр. и также со стоящей свахой на первомъ возу, усердно голосившей „Вó лузяхъ“ и т. п. Въ свадебные періоды, обыкновенно, очень пополнялась въ „Губернскихъ вѣдомостяхъ“, публиковавшаяся зачѣмъ-то во главѣ этого органа, „вѣдомость о числѣ найденныхъ полиціею безъ чувствъ пьяными“. Партіи этихъ горемыкъ всегда можно было видѣть на другой день, подъ надзоромъ будочниковъ, съ метлами, лопатами на всѣхъ улицахъ Казани; спины этихъ невольныхъ городскихъ санитаровъ были всегда отмѣчены надписями: № такой то, изъ такой то части.

Въ моемъ дѣтствѣ я жилъ на Малой Покровской

Digitized by Google

улицѣ и мимо нашего дома проходили въ Сибирь партіи пересыльныхъ арестантовъ. Тяжело и вспомнить о скованныхъ по разнымъ системамъ группахъ людей, тихо шедшихъ подъ надрывавшій душу особый барабанный бой. Этотъ бой я много разъ слышалъ и при печальныхъ процессіяхъ, когда мимо 2-й Казанской гимназіи возили на Сѣнную площадь преступниковъ для публичныхъ экзекуцій. Горемыкъ этихъ возили на особыхъ высокихъ черныхъ телегахъ, гдѣ они сажались спиною къ лошадямъ; на груди этихъ несчастныхъ висѣли доски съ надписями; за такою позорною колесницею шелъ палачъ съ плетью.... На каждую такую казнь, въ „большую перемѣну" бѣгала чуть не половина гимназіи. Я ниразу не видалъ исполненія казни, такъ какъ жестокій нервный припадокъ съ однимъ товарищемъ-малышемъ возвратившимся съ Сѣнной испугалъ меня, а узнавшій о томъ отецъ мой взялъ съ меня слово никогда не ходить на такія зрѣлища. Впрочемъ, въ миніатюрѣ, продѣлывалось у насъ въ гимназіи тоже самое; развѣ только-что не отвозили домой обезумѣвшихъ, или въ обморокѣ, гимназистовъ, какъ то заканчивало каждую экзекуцію на Сѣнной.....

Была и барская, чиновная Казань. Казанскій архіепископъ Афанасій ѣздилъ по городу не иначе какъ при звонѣ во всѣхъ попутныхъ ему церквахъ. Онъ, всегда при всѣхъ орденахъ, постоянно кидалъ направо и налѣво изъ оконъ кареты гривенники, пятіалтынные, двугривенные.... Такое же бросаніе денегъ, конечно, не нищимъ и не просившимъ, а ради страннаго престижа, практиковали и болѣе знатные и богатые казанцы. Между послѣдними я самъ зналъ одну княгиню, такъ и умершую неграмотною; эта

Digitized by Google

особа, жившая отъ церкви всего въ 20—30 саженяхъ, ѣздила къ обѣднѣ не иначе, какъ въ каретѣ шестерикомъ. Помню свадьбу сестры вполнѣ русскаго барчука моего,— товарища: на вопросъ священника: „не обѣщалася еси“ и пр. она, выросшая заграницею, по совершенному незнанію русскаго языка, только и съумѣла сказать по наставленію жениха: „niètte“; эта же барышня однако вышла замужъ съ вѣдома родителей лишь при условіи „похищенія“ и „погони“.... Помню и многіе случаи возвращенія съ охоты сотенъ собачьихъ сворь со всякими при нихъ „доѣзжачими“, „борзовщиками“ и иныхъ чиновъ псарями. Казанскіе богачи—помѣщики соперничали между собою въ роскоши по этой части, какъ и по разведенію превосходныхъ лошадей на своихъ заводахъ. Но скоро сократились эти дорогія затѣи, а богатѣйшія земли поволжья и закамья быстро разошлись по другимъ рукамъ.

Вотъ Черноозерское гулянье: сезонъ его начинается вскоре послѣ гулянья по „Крѣпостному бульвару“, въ дни весенняго Волжскаго разлива. Здѣсь почти отсутствуетъ Казанское дворянство,—гуляютъ чиновники и крупное купечество. Въ тѣ годы еще не было засыпано огромное озеро, занимавшее тогда болѣе половины всего сада. Гулянье было тѣсно уже потому, что средняя площадка была традиціонно-дѣтскою. Узкія южныя аллеи, вдоль Воскресенской улицы, наполнялись канцеляристами, не желавшими попадаться на глаза начальству. Послѣднее отмежевало себѣ „променады“ по широкой и длинной сѣверной аллеѣ. Изъ дворянства здѣсь показывались развѣ только отбившіеся отъ Казанскаго „общества“, или совсѣмъ переродившіеся въ мѣстныхъ чиновниковъ. Но что

Digitized by Google

за типы и что за обычаи! Избави Господи, пройтись мужу съ женой не „подъ ручку“,—на завтра же по всей Казани комментаріи такого „пассажа“; или: такой то Его П-ство не поклонился такому то.... такая то „М-me“ разговаривала съ тѣми, съ тою и пр. и опять всякія догадки. Вотъ идетъ „Его П-ство“ съ „Ея П-ствомъ“: за ними „въ почтительной дистанціи“ чиновники особыхъ порученій, или адъютанты, даже и малышъ-казачекъ. „Онъ“ въ вицъ-мундирѣ при всѣхъ орденахъ; „она“ въ платьѣ, въ шляпкѣ, въ накидкѣ, про которыя уже всѣ знаютъ, гдѣ эти вещи куплены, кто шилъ, сколько заплачено....; въ худшемъ случаѣ,—ожесточенные споры, что платье передѣлано изъ бывшаго у Ея П-ства на балѣ такого то числа, а шляпка у купчихи такой то моднѣе, а накидка прошлогодняя.... По бокамъ аллеи—ряды студентовъ, то дерзко курящихъ, то незастегнутыхъ „на всѣ“, то говорящихъ непочтительно—громко; по скамейкамъ: профессора, учителя, средніе чиновники, всякія кумушки. Сквозь строй этихъ сотенъ глазъ проходятъ разряженный цвѣтъ высшей Казанской администраціи и купечества съ ихъ упорно молчащими половинами.... Военный оркестръ играетъ либо марши, либо „Польку-соловей“, либо „кадриль изъ русскихъ пѣсенъ“, либо какую нибудь „польку-мазурку“.

То же общество по зимамъ ходитъ и катается по Воскресенской улицѣ между 3—4 часами дня. За невозможностью показать модныя платья, безсловесныя купчихи выворачиваютъ полы своихъ дорогихъ шубъ, чуть не замерзая въ открытыхъ шляпкахъ. Ихъ Степенства щеголяютъ санями, упряжью, толстѣйшими кучерами и сытыми лошадями. Пѣшіе раздѣляются, также какъ и на Чер-

Digitized by Google

номъ озерѣ: тѣже „сѣверные“ изъ болѣе чиновныхъ и тѣже „южные“—больше изъ титулярныхъ.

Въ частномъ быту въ этомъ обществѣ была масса совершенно отжившихъ типовъ: вотъ А, не говорящій ни о чемъ какъ только объ архіереяхъ. Онъ знаетъ ихъ всѣхъ по именамъ и по епархіямъ; онъ знаетъ, какъ звали каждаго до монашества, гдѣ кто кончилъ курсъ и въ какихъ епархіяхъ служилъ, гдѣ и за что какой орденъ получилъ, какую проповѣдь гдѣ говорилъ и пр. Только однажды онъ сконфузился: умерло разомъ много архіереевъ и подоспѣло открытіе новыхъ епархій и викаріатствъ. Старикъ спутался въ одноименныхъ архіереяхъ и не узналъ о всѣхъ вновь посвященныхъ.... Мѣстные остряки говорили, что даже и его карта Россійской имперіи съ значками и записями надъ каждой епархіей пришла въ непорядокъ, къ „вящему“ огорченію и другихъ, имѣвшихся тогда любителей духовныхъ особъ.... Вотъ „M-me B“: она съ глубокимъ чувствомъ говоритъ своей собесѣдницѣ, что отецъ передъ кончиною „благословилъ“ ее не ѣздить на пароходахъ, или на какихъ то тамъ „желѣзныхъ дорогахъ“.... „Свято, мать моя, исполню завѣтъ батюшки и не поддамся на лукавое уловленіе! Вонъ и капитаны то на пароходахъ все нѣмцы, а по желѣзной то дорогѣ куда ѣхать то? Къ Сергію то и „на конѣхъ“ доѣдемъ съ дощаника до Нижняго“.... Вотъ старый врачъ-профессоръ,—онъ же и акушеръ когда то: онъ поймалъ на гуляньѣ молоденькую, хорошенькую полковницу и говоритъ ей любезности: „желаю вамъ гнилой горячки, оспы, abort'a (ect... полковница въ полномъ недоумѣніи молча глядитъ вопросительно на стараго мужа) „лихорадки, операцій, помѣшательства... и*ж*бѣгнуть!“....

Digitized by Google

Вотъ другой старый же профессоръ-идеалистъ; онъ, конечно, близорукъ, разсѣянъ, ходитъ чуть не въ одной калошѣ: онъ толкается съ встрѣчными, восклицая „mille pardons“; онъ уже наступилъ на десятокъ мозолей и оторвалъ нѣсколько шлейфовъ, трактуя съ коллегой о разночтеніяхъ того то и о смѣлости выводовъ такого то.... Вотъ генералъ, достойный сотоварищъ Гоголевскаго Бетрищева, пожалуй и одного изъ героевъ „Коляски“. „Вчера, разсказываетъ генералъ, вижу у барака въ канавкѣ кирпичъ.... Спрашиваю: это что за новость?— В. П-ство, честь имѣю доложить...—Молчать! Какъ вы смѣете! Говорите: что это?—„Кирпичъ“, говоритъ, точно я не понимаю, что это кирпичъ! Я не понимаю вотъ чего: какъ вы смѣете говорить? Ну-съ, отвѣчайте: зачѣмъ онъ въ канавкѣ“!... Вотъ и другой генералъ, но штатскій: „вообразите! разсказываетъ онъ, вчера на молебнѣ въ соборѣ прикладываются ко кресту: идетъ А, идетъ Б, идетъ В, затѣмъ я, и вдругъ Г, цѣлуетъ крестъ прежде меня.... Архіерей въ недоумѣніи! Я говорю Г: позвольте-съ, позвольте! А онъ (и предерзко!) чмокнулъ и говоритъ: „извольте-съ“! Ну, натурально, я къ губернатору, а онъ: чего, говоритъ, съ него возьмешь!—въ Бога не вѣруетъ и законы отвергаетъ, а состояньице у него во-какое, да и дядюшка у него въ Питерѣ фигура не послѣдняя“.... Вотъ и еще Казанецъ: онъ говоритъ не иначе какъ рифмами; сегодня онъ, что называется „въ ударѣ“ и его громкій голосъ собираетъ кучку слушателей. Не подумайте, чтобы это былъ пустословъ,—далеко нѣтъ! Старецъ—уменъ, даровитъ, занятъ нумизматикой въ свободное время отъ службы, онъ же и отличный рыболовъ, онъ же и продергиваетъ въ рифмахъ—экспромптахъ все,

Digitized by Google

что̀ ни подвернется на язычекъ, иногда ѣдкій. „Въ академіи духовной“, повѣствуетъ онъ, живетъ народъ грѣховный. Примѣръ тому: Ильинскій, его поступокъ свинскій.... А чѣмъ же лучше Сольскій и другъ его Никольскій? учились бы смиренству, да шли бы въ духовенство“ *).... Смѣхъ слушателей, понимающихъ намеки и шпильки рифмоплета, подзадориваетъ старца и злобы дня продергиваются имъ иной разъ прямо талантливо. Попадаетъ тутъ „на орѣхи“ и консисторіи, и интендантству, и полиціи, и думѣ, и купцу, и „недѣйствительному“ т. е. помѣщику, упрямо требовавшему отъ всѣхъ чествованія „Превосходительствомъ“, каковымъ онъ не былъ на самомъ дѣлѣ.

Но довольно и этихъ примѣровъ. Сто̀итъ однако упомянуть о дружномъ нѣмецкомъ кружкѣ, крѣпко державшемъ Казань въ своихъ рукахъ. Тутъ были всякіе люди отъ профессора, аптекаря и булочника до слѣсаря, колбасника и повивальной бабки. Лѣтомъ эта колонія, упрямо неговорившая по-русски, объединялась въ загородной „Нѣмецкой Швейцаріи“, распѣвая знаменитую „Was ist das Deutschen Vaterland“ и другія возбуждающія пѣсни изъ всякихъ „Rütli“ и „Liederkranz'“-евъ. Нѣмцы завели въ Казани свое отличное пиво, съ помощью извѣстнаго Петцольда, и круговую помощь во всемъ; они усердно и исправно работали, нажились и держали себя замкнуто и независимо... Понятно, что и между ними были типичныя фигурки, особо выдававшіяся изъ среды казанцевъ. И они служили темами для уморительныхъ

*) Понятно, что фамиліи эти либо вымышлены, либо намекали на кого либо созвучіемъ съ подлинными

Digitized by Google

анекдотовъ, чаще всего на почвѣ самоувѣренности, невозможнаго ломанія русскаго языка и мелкой вражды между своими распѣтушившимися Mitglieder'ими.

Но стоитъ упомянуть объ эстетической сторонѣ тогдашней Казани. Насколько помнится, театръ въ Казани былъ всегда очень хорошъ, очень любимъ. Но музыка, особенно же серьезная, на моихъ глазахъ шла постоянно на убыль. Въ Казанскомъ театрѣ какъ то самъ собою устроился приготовительнный классъ для всѣхъ драматическихъ артистовъ, ставшихъ потомъ русскими знаменитостями. Отъ вліянія ли университета, или большого круга любителей-лицедѣевъ, дававшихъ „благородные" (!) спектакли, въ казанскомъ театрѣ можно было получать много „высокихъ наслажденій". Новая волна изъ произведеній Островскаго, Дьяченко и массы появившихся историческихъ хроникъ, переводовъ и всякаго пошиба обличеній, трактовалась на Казанской сценѣ вполнѣ достойно и послѣдовательно. Груба и непродолжительна была полоса оперетки, но за то русская опера была въ свое время такъ хороша и такъ энергична въ своей предпріимчивости, что ставила Казанскую сцену, послѣ столичныхъ, прямо въ первый рядъ русскихъ сценъ.

Гораздо слабѣе была музыка любительская. Всѣ усилія отдѣльныхъ любителей устроить серьезную музыку въ Казани, устроить отдѣленіе „Русскаго Музыкальнаго Общества" съ серьезной музыкальной школой,—рушились отъ недостатка силъ, средствъ и отъ равнодушія Казанцевъ къ труду въ области серьезнаго искусства. За то по части устройства любительскихъ благотворительныхъ концертовъ съ участіемъ доморощенныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, истязателей фортепьяно, или скрипки, въ тогдашней

Digitized by Google

Казани просто не было удержу. То пропоетъ какой нибудь капитанъ „Говорятъ что я кокетка“, то пропищитъ барышня „Борода ль моя бородушка“, то хохочетъ весь залъ слушая пѣніе хора Казанскихъ дамъ: „Ахъ, зачѣмъ мы, горемычныя, родились на бѣлый свѣтъ“.... („Аск. Могила)“. Особенно курьезны были благотворительные концерты, которые устраивались подъ объединявшимъ вліяніемъ Генералъ-губернатора Глинки-Маврина, въ пользу основаннаго „Общества попеченія о раненыхъ воинахъ“. Въ этихъ концертахъ, всегда многолюдныхъ, рядомъ съ серьезными исполнителями, выходили на эстраду новомодныя платья и прически, удивительные фраки, бряцающіе шпоры, разыгрывавшіе всякую дребедень и до крайности плохо. „Люблююю“.... пѣла, помнится, одна перезрѣлая генеральша, не владѣвшая дыханіемъ, „Люблю.... (вздохнувъ) ууу тебя“.... За ней вылѣзли кавалеръ съ дамой и сыграли зачѣмъ то въ 4 руки вальсъ Лисберга, а потомъ пьянистъ—юнкеръ самоувѣренно громыхалъ „концертный маршъ Волленгаупта“... Понятно, что любители серьезнаго искусства, каковыхъ было много въ кружкахъ Львова, Панаева,—могли только сидѣть, потупя очи долу. Квартеты были не публичны, симфоническихъ концертовъ не было совсѣмъ.

Но еще слабѣе были въ Казани другія искусства, особенно же живопись; ваяніе, лѣпка,—какъ кажется, совершенно отсутствовали.

Такова въ общихъ чертахъ была Казанская жизнь въ 60-хъ годахъ. Несомнѣнно, вліяніе Университета на Казань было очень значительно и Казанская жизнь была намного выше жизни другихъ провинціальныхъ городовъ, прозябавшихъ еще болѣе сонливо и прозаично. Какъ ни

Digitized by Google

медленны были тогда сообщенія, какъ ни туги были къ воспринятію „новаго“ почти всѣ Казанцы, все же Университету, энергично бодрившему все и вся, внутри и внѣ своихъ стѣнъ, принадлежало въ Казани, несомнѣнно, первое мѣсто въ дѣлѣ ея скорѣйшаго пробужденія. Само собою разумѣется, что и въ Университетѣ еще были „желѣзныя сѣдалища“, были совершенно непрактичные „искатели истины“, были и упрямые старики-чиновники, были и пресловутые ученѣйшіе нѣмцы; но рядомъ съ ними дружно подбиралась Совѣтомъ рать свѣжихъ дарованій. Появились энергичныя молодыя силы,—умы честные и свободно мыслившіе, живо принявшіе къ сердцу истинный долгъ служенія правдѣ и знанію. Понемногу слабѣли пережитки прошлаго въ Казанскомъ Университетѣ, невольно уступая неудержимому, стихійному напору требованій новой поры и свѣжихъ, талантливыхъ силъ. Именно эта бодрая „новь“ обновила Казанскій Университетъ и самую Казань, пріобщивъ ее къ переживанію „новыхъ словъ и вѣяній“. Къ серединѣ 60-хъ годовъ судьба послала, кромѣ того, рядъ очень даровитыхъ и дѣятельныхъ администраторовъ, одновременно оказавшихъ Казани дѣйствительно огромныя услуги. Таковы были архіепископъ Антоній, предводитель Петръ Гавр. Осокинъ, попечитель Петръ Дм. Шестаковъ, городской голова проф. Эрастъ Петр. Янишевскій, губернаторъ Скарятинъ съ полиціймейстеромъ Мосоловымъ и др. Много было разногласій и тогда, и послѣ, въ оцѣнкахъ дѣятельности этаго ряда Казанцевъ, особенно же о Скарятинѣ и Мосоловѣ. Но никто не отрицалъ въ нихъ ума и настойчивости совершенно перевернувшихъ Казань въ ея внѣшнемъ благоустройствѣ и въ ея внутренней

Digitized by Google

дѣятельности. Эти работники, конечно, были въ значительной долѣ крѣпостники. Они не разъ и не помалу пересаливали, ссорились между собою, но они же и мирились ради дѣла и каждый изъ нихъ велъ свое вполнѣ твердо, одушевленно. Но героевъ „Губернскихъ Очерковъ“ между ними рѣшительно не было. Поэтому и Казанцы живо понимали ихъ энергію и помогали имъ. Поэтому Казань въ 5—7 лѣтъ проснулась и зажила по новому.

Въ это именно время я поступилъ въ Университетъ. Это было въ 1867 г. Нашъ гимназическій выпускъ былъ послѣднимъ изъ стараго ученья, такъ какъ слѣдовавшіе за нами были уже „классики“. Еще тогда болѣе дальновидные люди, изъ бывшихъ постарше насъ, не безъ боли предсказывали результаты столь печальнаго Толстовскаго настойчиваго режима. Но насъ не коснулась мертвящая классическая выучка и долбяжка. Мы читали много и спорили о прочитанномъ чуть не до слезъ еще въ гимназіи.... Впрочемъ, наше вниманіе было гораздо склоннѣе къ рѣшеніямъ по своему всякихъ „высшихъ вопросовъ“ и къ форсу другъ передъ другомъ по части прочтенія послѣднихъ книжекъ всякихъ журналовъ. Бѣлинскаго мы понимали по своему, знали почти наизусть, хотя впрочемъ съ толкомъ не болѣе, какъ и катихизисъ Филарета.... Некрасовъ, Писаревъ, Добролюбовъ, Чернышевскій были наши близкіе друзья; стыдно и вспомнить, какъ мало мы знали Пушкина, читать и учить котораго мой отецъ заставлялъ меня чуть не насильно. Время было для юношей самое горячее: въ тѣ годы печатались грандіозная эпопея „Война и миръ“, жестокія обличенія Щедрина-Салтыкова, писали Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Ал. Толстой,..... Наша начитанность каза-

Digitized by Google

лась намъ сильною и очень хорошею. Тѣмъ не менѣе уже первыя серьезныя университетскія лекціи осадили самоувѣренность горячихъ головъ и вытрезвили наши умы. Въ первый же годъ мы поняли, что отъ пылкихъ рѣчей и отъ скорыхъ рѣшеній до спокойнаго и достойнаго знанія и развитія, какъ условій разумной дѣятельности, намъ еще очень далеко. Слѣдующіе годы вразумили, по крайней мѣрѣ меня, еще болѣе.

Знакомство моего отца и друга нашей семьи Н. И. Ильминскаго съ многими профессорами Университета и Казанской духовной Академіи доставили мнѣ возможность видѣть людей науки еще въ мои дѣтскія годы. Внѣ моей семьи, по школьному товариществу, я увидалъ перваго университетскаго профессора въ лицѣ старца Петра Ивановича Котельникова. Я, съ дѣтства любившій музыку, обязанъ Котельникову знакомствомъ съ сочиненіями Себ. Баха, фуги котораго онъ постоянно игралъ на фортепьяно въ промежуткахъ между своими математическими вычисленіями. Снисходительный добрякъ-ученый, бывало, часто сажалъ меня и своего сына Петю около клавіатуры и серьезно показывалъ намъ, 8—9 лѣтнимъ, „dux“, „comes“, „intermedio“, „Pedale“... Мы, разумѣется, ничего не понимали, но фуги Баха крѣпко засѣли въ моихъ ушахъ послѣ этихъ уроковъ. Конечно, съ именемъ Котельникова соединялась въ Казани цѣлая вереница всякихъ анекдотовъ о его невозможной разсѣянности, довѣрчивости и совершенной простотѣ. Въ мои студенческіе годы Котельниковъ былъ уже очень старъ. Его худенькая, слабенькая фигурка всетаки оживала на лекціяхъ; его юморъ по прежнему прорывался даже и по поводу математическихъ формулъ, но дряхлость брала

Digitized by Google

свое. Бывало, мы почтительно давали ему дорогу въ университетскомъ коридорѣ: старецъ шелъ уже по стѣнкѣ, съ неизмѣннымъ краснымъ платкомъ и табакеркой въ рукѣ, извиняясь безъ всякаго повода и, очевидно, думая о чемъ либо.... Онъ—весь въ мѣлу послѣ лекціи, жилетъ его застегнутъ почти всегда несполна и наискосокъ... Улыбка его постоянна. Съ неменьшею почтительностью вспоминаю я о Викторѣ Ивановичѣ Григоровичѣ. Восторженный славистъ также былъ сюжетомъ множества всякихъ анекдотовъ, всегда забавныхъ, но всегда же трактовавшихъ о самомъ возвышенномъ служеніи Григоровича наукѣ и славянству. Этотъ „упрямый хохолъ“ былъ какимъ то особеннымъ, чистымъ человѣкомъ, увлекавшимъ, какъ говорили, аудиторію мощною силою своей несокрушимой вѣры въ величіе будущаго славянства. Онъ читалъ удивительныя лекціи, оживленно трактуя даже флексіи и суффиксы въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, глубоко осмысливая между строкъ такую сушь, какъ палеографія. Припоминаю и благодарныя рѣчи старыхъ студентовъ о частныхъ бесѣдахъ у Григоровича на его квартирѣ. Здѣсь, дома, скрытный и недовѣрчивый базиліанскій ученикъ преображался въ пламеннаго восторженнаго пророка-учителя. Его превосходное собраніе древнихъ рукописей оживало и по старымъ пергаменнымъ листамъ вѣщались удивленнымъ студентамъ совершенно новыя для нихъ, горячія исповѣданія.... Понятенъ потому и почтительный оттѣнокъ всѣхъ анекдотовъ о Григоровичѣ. Его „Болванка“, т. е. неразлучная съ нимъ собаченка, (и предрянная!) была извѣстна всей Казани. Если долго сидитъ „Болванка“ на извозчикѣ, или у какого либо крыльца,—то означало, что

Digitized by Google

сюда пріѣхалъ, или пришелъ Викторъ Ивановичъ, что онъ увлекся и въ томъ домѣ переживаются хорошія, пожалуй, и незабвенные часы. О мѣрѣ разсѣянности Григоровича—разсказывать излишне.

Было бы непослѣдовательно не упомянуть здѣсь о вліяніи Казанской духовной Академіи. Въ тѣ годы она, послѣ крутого, но умнаго ректора Іоанна, переживала конецъ страннаго ректорства Архимандрита Иннокентія и начало ректорства извѣстнаго Никонора Бровковича. Въ академіи въ тѣ годы была цѣлая плеяда блестящихъ профессоровъ. Между ними были прямо удивительные люди, вродѣ оріенталиста Г. С. Саблукова, глубокаго и восторженнаго о. Ѳеодора Бухарева, богослова-историка о. Хрисанфа Ретивцева и др. Эта пора Казанской Академіи художественно и серьезно описана ея историкомъ П. В. Знаменскимъ. Извѣстная Щаповская исторія, такъ сказать, сбратала многихъ студентовъ Академіи и Университета. Мы нерѣдко почитывали богословскія и философскія лекціи, снабжая академиковъ въ свою очередь книгами и лекціями, имѣвшими съ богословіемъ очень мало общаго, вродѣ Дарвина, или Бюхнера. Наши сношенія были очень оживленны. Вспоминаю, какъ не разъ мы были задѣты за живое, когда убѣдились, что академики бьютъ насъ логикою, да кромѣ того были гораздо сильнѣе насъ въ діалектикѣ. Кругъ ихъ мыслей, хотя и „не блестящихъ“ и даже „отсталыхъ“ (какъ намъ казалось), былъ, къ нашей досадѣ, всетаки рядомъ основательныхъ и „по своему“ мотивированныхъ положеній. Коробило насъ очень, когда наши оппоненты, невозможно выговаривавшіе нѣмецкую и французскую рѣчь, въ концѣ концевъ жестоко побивали насъ въ спорахъ о самыхъ

Digitized by Google

животрепещущихъ злобахъ дня. Мы просто на стѣну лѣзли со злости на наше безсиліе и надобность уступить, особенно же при разносѣ академиками новостей либо Писарева, либо Некрасова... Конечно, бывали и нашей улицѣ праздники. Наше ликованіе было принимаемо академиками гораздо миролюбивѣе, съ очевиднымъ однако намѣреніемъ вновь собраться съ силами, чтобы своими доводами побить наши новшества. Маленькіе домики Профессорскаго переулка, Старой Горшечной, Поповой Горы, слышали въ тѣ годы чуть не ежедневные диспуты между нами и горячія по воскресеніямъ и праздникамъ словесныя схватки съ академиками.

Полагаю, что каждый студентъ пережилъ рядъ своеобразныхъ впечатлѣній въ первые дни своего студенчества. Новость порядковъ, новость товарищества, высокое почтеніе къ университету, произвели, по крайней мѣрѣ на меня и моихъ новыхъ друзей, сильное и благотворное впечатлѣніе. Въ подробностяхъ вступленія въ новую жизнь съ перваго раза было даже трудно разобраться. Никогда, во всю мою жизнь, не пришлось мнѣ воспринять такого множества и разнообразія впечатлѣній, какъ въ первую половину 1867—8 учебнаго года. Наша „тройка“, т. е. я и товарищи Б. и К., ходили безъ разбора въ каждый свободный часъ на всякія лекціи, попадая съ славянскихъ нарѣчій на гистологію, съ русской исторіи на сферическую геометрію, съ греческой литературы на минералогію, или гражданское право, или анатомію... занесло насъ однажды даже и на химію. Мы жадно искали совпаденія впечатлѣній съ неясными для насъ самихъ симпатіями къ тому, или другому ряду знаній. Нигдѣ не читалось однако ни о Писаревѣ, ни о

Digitized by Google

Некрасовѣ, ни о гласности, о значеніи прессы, о земствѣ.... часто говорилось многое непонятное, прямо раздражавшее своею трудностью къ усвоенію, либо говорилось „неидущее прямо въ дѣло“, неотвѣчающее на наши будто бы „неотложные запросы“. Понятна причина такой своеобразной любознательности. Выборъ факультета хотя и обсуждался серьезно молодой головой передъ поступленіемъ въ Университетъ, но все же былъ сдѣланъ почти-что на угадъ.... Бесѣда съ отцемъ и восхитительныя лекціи Н. Н. Булича, впрочемъ, сразу угомонили разныя исканія и мое ученье скоро наладилось, такъ какъ созрѣло пониманіе надобности положительныхъ познаній. Сильное впечатлѣніе производила наступившая свобода жизни и занятій. Въ первыя недѣли, съ непривычки, даже сказывалась по утрамъ гимназическая забота попасть во время къ началу уроковъ, а по вечерамъ—о приготовленіи тѣхъ же уроковъ. И вдругъ—никакихъ уроковъ, никакого контроля кромѣ собственнаго, никакого стѣснѣнія! Велика была разница между окружавшимъ въ университетѣ и порядками гимназическаго ученія, бывшими еще такъ недавно и за столь много лѣтъ.

Въ новой, свободной жизни тогдашніе студенты, внѣ стѣнъ Университета, вели себя, въ огромномъ большинствѣ, совершенно прилично и достойно. Не считая, чтобы отдѣльные и немногіе могли набросить тѣнь на всѣхъ студентовъ моего времени, я твердо стою за нашу пору, какъ трудовую, одушевленную, хорошую студенческую жизнь, какъ проведенную большинствомъ вполнѣ безукоризненно. Полагаю, что не одному мнѣ странно читать въ воспоминаніяхъ пятидесятниковъ очень многія подробности быта тогдашнихъ „казенныхъ“ студентовъ.

Digitized by Google

Ничего и похожаго не было въ мою пору. Скажу даже и болѣе. Я видѣлъ близко и зналъ многихъ студентовъ первой половины 60-хъ годовъ. И въ ихъ средѣ могучій подъемъ начала 60-хъ годовъ перевернулъ студенческую жизнь на новый ладъ, оставивъ копированіе прошлаго либо немногимъ могиканамъ, либо особенно буйнымъ натурамъ. Конечно, и между нами бывали далеко не монахи. И въ нашемъ кружкѣ иногда не допѣвались „по независящимъ обстоятельствамъ“ послѣдніе куплеты „gaudeamus“; „младая кровь играла“ и въ насъ, но мы не задѣвали ничьего достоинства, ничьего спокойствія и веселились безъ знакомства съ полиціей. Поэтому, думаю, не у одного меня скуденъ отдѣлъ пикантныхъ описаній отдаванія дани молодости. Наши головы были заняты серьезно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мы жили далеко не скучно. Наши „сезоны“, особенно на „блинахъ“, отдѣльныхъ у филологовъ, или математиковъ и др., паче же того „проводы“ послѣ „20 мая“, были очень оживленны, пожалуй, даже давали поводъ къ росказнямъ.... Бывало, что и катавшіеся на Кабанѣ Казанцы иной разъ узнавали, что математики „сдали астрономію у Ковальскаго“, а медики „анатомію у Лесгафта“, а иные „сдали Булича, или Кремлева (т. е. литературу, или грозное Jus Romanum).... Но въ этомъ весельѣ былъ отдыхъ послѣ труда, была радость удачи, было наквитываніе отдыха послѣ долгаго напряженія головы и долгаго сидѣнья. Это веселье и до сихъ поръ вспоминается весело и чисто. И въ „Чортовомъ углу“, Бутыркахъ, на Волгѣ, въ Свіяжскѣ наше веселье было широко, дружно, на распашку, полно всякихъ споровъ.... Наши „проведемте, друзья, эту ночь веселѣй“ были очень забористы.... Наши „совѣты не-

Digitized by Google

честивыхъ", какъ и незабвенныя „мертвецкія" были полны самаго высокаго благородства.

Я уже упоминалъ о впечатлѣніи, полученномъ отъ превосходныхъ лекцій Н. Н. Булича. Отличны были лекціи Н. А. Ѳирсова по русской исторіи. Неожиданно труднымъ оказался курсъ богословія проф. А. П. Владимірскаго, не смотря на заранѣе прочитанное мною „Введеніе" Макарія, по которому мы сдавали экзаменъ при переходѣ на 2-й курсъ. А. П. Владимірскій читалъ намъ со всѣмъ не то, что требовалось имъ къ экзамену. Его курсъ, вѣроятно, очень интересный для академиковъ, уже прошедшихъ школьное богословіе, былъ составленъ въ направленіи, обличавшемъ заблужденія Бауера и Тюбингенской школы. Признаться мы, до университета и не слыхивали о такихъ заблуждавшихся, а услыхавъ, не могли понять ни должнаго для насъ богословія, ни степени заблужденій заграничныхъ ученыхъ. Совершенно неожиданнымъ для насъ и высоко интереснымъ, хотя и очень труднымъ, оказался курсъ логики и психологіи проф. М. М. Троицкаго. Наша „тройка", побиваемая въ спорахъ съ академиками, усердно штудировала этотъ курсъ, читавшійся съ оттѣнкомъ какъ бы снисхожденія къ нашей неподготовленности. Помню, что товарищей изъ семинаристовъ этотъ курсъ интересовалъ гораздо менѣе, какъ слишкомъ будто бы, „общедоступный".

Но были и плохіе лекторы. Таковъ напр. былъ А. О. Угянскій,—старый, совершенно неготовившійся къ своимъ бесѣдамъ. Онъ преподавалъ оба классическіе языка и исторію греческой и римской литературъ. Нѣкоторые изъ нашего курса, кромѣ семинаристовъ, явились на первую лекцію къ Угянскому развѣ только съ

Digitized by Google

знаніемъ половины греческаго алфавита. Отдѣливъ „овецъ отъ козлій“ Угянскій началъ съ нами греческую грамоту посильнымъ чтеніемъ басни Эзопа. „Лиса трунила надъ Львицей, что та приноситъ только одного дѣтеныша.... А львица въ отвѣтъ: „Одного,—но льва“. Но черезъ 15—20 минутъ вмѣсто греческаго чтенія мы слушали какія то странныя и неожиданныя рѣчи, почему-то найденныя умѣстными для перваго знакомства съ слушателями. Не помню теперь, что именно говорилось тогда Угянскимъ, но такія бесѣды, вполнѣ случайнаго содержанія, наполняли большую часть времени почти на каждой лекціи этого профессора. Говорили, что Угянскій превосходно зналъ оба языка, зналъ и обѣ литературы, но не знаю я,—постарѣлъ ли онъ, наскучило ли ему обученіе Уваровскихъ питомцевъ, охладили ли его неудачи по службѣ,—а только бесѣды Угянскаго, въ аудиторіи № 1, были чрезвычайно скучны и совершенно недѣловиты, даже подчасъ и неостроумны. Мнѣ и другимъ представлялось, что едва ли и самъ Угянскій, входя въ аудиторію, зналъ о чемъ онъ разговорится съ своими слушателями. Трактуя въ началѣ лекціи (конечно, безъ записокъ), положимъ, о Плутархѣ, Угянскій черезъ 10—15 минутъ говорилъ о Нибурѣ, или о раскопкахъ, потомъ о воровствѣ Англичанъ для своихъ музеевъ, потомъ объ англійской конституціи, потомъ объ Огаревѣ и Герценѣ, затѣмъ нигилистахъ, о Тургеневѣ и т. д. Иногда мы смѣялись, иногда же было прямо досадно... Злые языки разсказывали намъ, недоумѣвавшимъ новичкамъ, что, будто бы года за 2—3 передъ тѣмъ, въ аудиторіи Угянскаго произошелъ такой забавный эпизодъ: въ началѣ учебнаго года, когда аудиторія Угянскаго

Digitized by Google

была особенно многолюдна, неожиданно пришелъ на лекцію Угянскаго попечитель П. Д. Шестаковъ, особенно тогда нуждавшійся въ преподавателяхъ-классикахъ для Толстовской гимназической реформы. Занятія Угянскаго со студентами по части переводовъ съ греческаго языка почти не отличались отъ гимназическихъ уроковъ. Въ злополучный приходъ Попечителя будущіе классики-преподаватели изъ „Уваровскихъ псевдо-грековъ“ начали давать попечителю-знатоку такіе отвѣты, что Угянскій сначала краснѣлъ, потомъ же пришелъ въ отчаяніе, а Попечитель даже началъ дѣлать замѣтки въ спискѣ студентовъ.... Неожиданно однако явился на выручку товарищей какой то студентъ, впутавшійся въ отвѣты Попечителю. Ободрившійся Угянскій занялся съ этимъ студентомъ, отвѣчавшимъ дѣйствительно хорошо. Говорили, что будто бы неосторожный Угянскій похвалилъ студента Попечителю, прибавивъ однако: „лѣнивъ онъ, В. П-ство, рѣдко ходитъ на лекціи“. Шестаковъ спросилъ фамилію студента и былъ удивленъ, не найдя ее въ спискѣ. „какого Вы курса“? спросилъ Попечитель „5-го, В. П-ство, я—медикъ“.... Шестаковъ немедленно ушелъ изъ аудиторіи. „Ну! какъ тебя назвать? Зарѣзалъ ты меня, старика!—завопилъ Угянскій.....

Въ мое время Угянскій былъ, какъ кажется, чуть ли не послѣднимъ изъ той плеяды, у которой вполнѣ типичнымъ представителемъ былъ пресловутый Камбекъ. Угянскій говорилъ каждому студенту „ты“ и сопровождалъ свою бесѣду остротами кстати и не кстати, забывая о запоздалости многаго изъ того, что было когда то „отмѣнно тонко и умно, а нынѣ нѣсколько смѣшно“. Понятно, что о серьезныхъ занятіяхъ съ Угянскимъ

Digitized by Google

нельзя было и думать. Вскорѣ же, послѣ 10—15 бесѣдъ Угянскаго мнѣ, неучившемуся въ гимназіи греческому языку, показались невыносимыми всякіе двойные аугменты и домашнія упражненія въ греческихъ переводахъ. Это напоминало мнѣ гимназическую латынь и я посвятилъ часы Угянскаго слушанію задорныхъ лекцій С. М. Шпилевскаго по исторіи русскаго права и совсѣмъ заполонившей меня политической экономіи..... Даже невозможное польское ломанье русской рѣчи у Ю. А. Микшевича не остановило меня отъ этого увлеченія, въ которомъ, признаться, отчасти не раскаиваюсь и до сихъ поръ.

Если, кромѣ другихъ мелочей, добавить къ этимъ впечатлѣніямъ, что я былъ еще и усерднымъ скрипачемъ-квартетистомъ, то понятенъ мой переходъ на юридическій факультетъ. Кромѣ большей легкости курсовъ этого факультета, отъ которыхъ получалась большая свобода въ домашнихъ занятіяхъ, я выигрывалъ еще и въ избавленіи себя отъ латыни и греческаго языка; къ тому же гимназія не подготовила меня и къ какой ли возможности легкаго усвоенія славянскихъ нарѣчій. Грамматики ихъ показались мнѣ почему то очень запутанными. Прошло не мало лѣтъ, когда мнѣ пришлось пожалѣть объ этой ошибкѣ въ моей молодости. Какъ ни полезны были нѣкоторые курсы юриспруденціи, все же мой первый выборъ былъ вѣренъ и вся моя послѣдующая жизнь прошла посвященною всего болѣе исторіи и педагогикѣ, а не праву и суду.

Юридическій факультетъ въ мое время (1868—78 г.) обладалъ прекрасными учеными силами. Лучшая изъ нихъ—Осокинъ. Къ сожалѣнію, онъ не читалъ, а такъ

Digitized by Google

сказать, шепталъ свои превосходно составленныя лекціи по финансовому праву. Въ его аудиторіи кафедра была придвинута къ первой скамьѣ; но и здѣсь, на разстояніи можетъ быть 1-го—$1^1/_2$ аршинъ могли разслышать нашего ректора только 3—4 изъ близко сидѣвшихъ студентовъ. Однажды во время лекціи случился недалеко пожаръ. Ѣзда пожарныхъ подъ окномъ нашей аудиторіи сдѣлала то, что мы такъ и не узнали, о чемъ именно шепталъ намъ профессоръ. Кажется даже, что и самъ Е. Г. понялъ наше недоумѣніе и кончилъ лекцію раньше времени.

Но всего болѣе увлекся политической экономіей, которую читалъ Ю. А. Микшевичъ. Это былъ способный, пылкій, толстый полякъ, иногда читавшій превосходныя лекціи, иногда же повергавшій насъ въ самое полное недоумѣніе.... Передъ слушаніемъ курса Мишкевича я прочелъ его старыя лекціи, затѣмъ познакомился съ другими печатными курсами изъ подвернувшихся подъ руку, и затѣмъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ усердныхъ его слушателей. Меня чрезвычайно увлекали его чтенія о рабочихъ и фабрично-заводскихъ вопросахъ, о капиталѣ, равно и соотвѣтствующіе отдѣлы изъ курса Экономической Политики. Моя кандидатская работа была поцана тому же Мишкевичу. Какъ эта работа, такъ и всѣ наши курсовыя сочиненія прочитывались гласно, по Пятницамъ, въ 8 й аудиторіи, и Микшевичъ оживленно руководилъ нашими преніями. Перепалки на такихъ диспутахъ бывали иногда до того бурны, что Микшевичу приходилось даже и вразумлять пылкихъ спорящихъ. Само собою разумѣется, что, при живомъ общеніи и при разнообразіи сюжетовъ, интересъ

Digitized by Google

къ политической экономіи возросталъ и становился особенно жизненнымъ и постояннымъ, Попавшись на зубокъ кому либо, приходилось либо отгрызаться на находчивости и остроуміи, либо просить отсрочки для подысканія надобныхъ ссылокъ и справокъ, либо прямо сдаваться, даже и съ великимъ стыдомъ.... Часто, бывало, такого неудачника выручалъ профессоръ и, бывало, раздавалось увѣщаніе Микшевича къ нападавшимъ: „О—то, молодой человѣкъ, какъ же-жъ то можно.... такъ безжалостно.... О— то, надо-жъ спокойно спорить о—то, теперь теперь можно-жъ, полагаю продолжать“?

Я упомянулъ, что Микшевичъ иногда читалъ отлично составленныя лекціи. Сколько помнится его любимые отдѣлы были о производствѣ и распредѣленіи благъ. Но помню, что однажды Микшевичъ прочиталъ намъ вполнѣ своеобразную лекцію по статистикѣ. Лекція была „объ отношеніи свободы воли къ закону необходимости“ и показалась намъ совершенно невяжущеюся съ рядомъ бывшихъ предъ тѣмъ чтеній. Нѣкоторымъ даже вспомнилось, что въ этой лекціи было не мало знакомыхъ изложеній а нѣкоторыя замѣтили, что профессоръ держалъ тетрадку какъ то особенно скрытно.... Сгубила Микшевича опечатка, которой онъ самъ почему то не замѣтилъ, прочитавъ намъ вмѣсто „химическое сродство“— „средство“. Черезъ часъ послѣ лекціи мы уже летѣли по знакомымъ добывать послѣднюю часть „Войны и Мира“.... Вооруженные этой уликой, разсѣлись мы передъ лекціей нарочно на болѣе высокихъ скамейкахъ огромной 3-й аудиторіи. Записывавшіе лекціи предательски засѣли внизу на своихъ мѣстахъ и дѣлали видъ какъ будто бы не случилось ничего особеннаго. Насъ вы-

Digitized by Google

дало однако одновременное переворачиваніе листовъ романа чуть не 10-ю студентами, да оказавшаяся кому то надобность разрѣзать страницы..... Сколько помнится, Микшевичъ скоро увидалъ, что попался, и схитрилъ, зачитавъ далѣе, послѣ большого пропуска. Усиленное переворачиваніе страницъ на лавкѣ соглядатаевъ было отвѣтомъ на такую уловку и еще болѣе подтвердило засаду, а остановившіеся, „писатели“ привели профессора въ полное замѣшательство. Конечно, третьяго чтенія изъ романа не было. Бывали съ Микшевичемъ и другіе курьезы. Иногда онъ былъ разсѣянъ и экспромтомъ приводилъ совершенно неудачные примѣры. Невозможный выговоръ усугублялъ невыгодное впечатлѣніе. Мнѣ припоминается, что на одномъ изъ нашихъ диспутовъ по Пятницамъ, онъ хотѣлъ что-то объяснить, начавъ гримѣромъ, „О—то, ди́кари Новой Голландіи, вставъ цѣпочкой, ска́кають“..... Общая улыбка слушателей отшибла у разсѣяннаго Микшевича связь мыслей. „О—то, по види́мому, какъ же-жъ“..... началъ было онъ, но совершенно уже запутался. „О—то, Боже-жъ мой, продолжайте“ закончилъ онъ, красный уже, какъ печеный ракъ. Мы любили добраго Микшевича и, конечно, сидѣли потупя очи, пока не прошло и наше смущеніе.—Разсказывали также, что какъ то у разсѣяннаго Микшевича одинъ злоехидный русакъ предательски спряталъ въ сборной профессорской комнатѣ тетрадку его лекцій, и Микшевичъ, не хватившись во время, явился на кафедру безъ части изъ своей довольно уже обтершейся „клепсидры“; сначала было онъ рѣшилъ бесѣдовать наизусть, потомъ за́стѣнчивость и разсѣянность вскорѣ лишили его связ-

Digitized by Google

ной рѣчи.... „О—то, я.... что-то нездоровится“ сказалъ онъ, внезапно прервалъ чтеніе и уѣхалъ прямо домой.

Съ благодарностью вспоминаю я о лекціяхъ С. М. Шпилевскаго по международному праву, а еще болѣе того по исторіи русскаго права. Отлично обдуманный свой курсъ Шпилевскій читалъ увлекательно и наглядно, сопровождая изложеніе множествомъ всякихъ примѣровъ и толкованій русскихъ юридическихъ памятниковъ. Лично я началъ свои занятія русской стариной, именно благодаря лекціямъ Шпилевскаго. Съ неменьшемъ удовольствіемъ вспоминается и симпатичный старецъ. А. Г. Станиславскій,—толково читавшій философію права и Русское Государственное право.

Дополню эти выдержки изъ моихъ воспоминаній краткими штрихами о лицахъ, не принадлежавшихъ къ числу профессоровъ, но бывшихъ съ нами въ ежедневномъ общеніи. Вотъ два престарѣлыхъ помощника Проректора: Лаврентій Михеевичъ Ситновъ и Александръ Христофоровичъ Зоммеръ. Первый,—скромнѣйшій изъ старцевъ, богомольный, аккуратнѣйшій по службѣ, неизмѣнно шагаетъ по коридору во время лекцій и становится близъ часовъ въ промежутки между лекціями. Здѣсь онъ безвредно, пожалуй и безполезно, наблюдаетъ за входящими и уходящими студентами. Развѣ, развѣ когда онъ остановитъ кого либо изъ пришедшихъ въ невозможномъ костюмѣ, или выйдетъ за дверь, чтобы пригласить набравшихся курильщиковъ подняться далѣе отъ входа по лѣстницѣ. „Тамъ мѣста много господа“. тихо говоритъ онъ, „а здѣсь увидитъ васъ Его П-ство и можетъ прогнѣваться“. Деликатный Ситновъ даже не возбранялъ двоимъ, у того же входа, старцамъ-сторо-

Digitized by Google

жамъ вязать себѣ шерстяные чулки.,... Совсѣмъ другой былъ типичный Зоммеръ. Онъ описанъ, какъ кажется, не одинъ разъ казанскими студентами и даже воспѣтъ въ нѣсколькихъ застольныхъ пѣсняхъ. Я увидалъ его, въ 1-й разъ почти 75 лѣтняго, именно при стычкѣ съ чулочными старцами-сторожами. Зоммеръ пѣтушился, кричалъ на сторожей, очевидно имѣя въ виду произвести впечатлѣніе и на насъ, новичковъ, своимъ хорохореніемъ. Сторожа, очевидно, побаивались Зоммера и, съ возможною для старцевъ поспѣшностью, исполняли его приказанія. Новички-студенты, впервые глядѣвшіе такіе спектакли, доставляли тѣмъ Зоммеру большое удовольствіе; ему еще болѣе нравилось, когда студенты, разступаясь передъ нимъ, могли видѣть его очень повышенную осанку. Но спектакли скоро теряли свой наивный эффектъ, а разсказы Зоммера о случаѣ, когда онъ „съ Лобачевскимъ временно управлялъ учебнымъ округомъ“ уже проциркулировали между новичками. Зоммеру снова приходилось дѣлаться опять нестрашной фигуркой. Поэтому наступала пора новыхъ его воздѣйствій: Зоммеръ напр. внимательно осматривалъ какого либо входящаго студента, долго провожалъ его глазами и затѣмъ дѣлалъ въ своей книжкѣ какія то отмѣтки, будто бы весьма внушительныя..... Иногда этотъ маневръ продѣлывался Зоммеромъ даже у дверей многолюдной аудиторіи. Это дѣлалось и за счетъ своего кроткаго коллеги Ситнова. Онъ прямо уступалъ маленькому Зоммеру всѣ случаи показаться на вершокъ повыше. Иногда вспылившій Зоммеръ былъ забавенъ потому, что не догадывался о подстроенной ему возможности по пѣтушиться. Стараніе Зоммера при видѣ бумажекъ на полу, или при „шумѣ“

Digitized by Google

студентовъ, ожидавшихъ профессора, эфектно заканчивало сцену докладомъ „все исправно“ идущему на лекцію ректору, или проректору.

Типиченъ былъ и старый университетскій швейцаръ Козловскій. Чрезъ его „конторку“, равно и съ помощью объявленій у его комнаты, совершалось множество нашихъ малыхъ операцій всякаго рода: продажа и передача лекцій, книгъ, вещей, театральныхъ билетовъ, публикація всякихъ „протестовъ“, письменныхъ голосованій и пр. Эта же конторка была и нашимъ почтово-телеграфнымъ отдѣленіемъ. Кромѣ ежедневныхъ малыхъ даровъ за услуги, Козловскому-имянинику преподносилось въ половинѣ марта весьма значительная сумма. Подписной листъ по сему случаю имѣлъ заглавіе: „Г. г. студенты приглашаются къ пожертвованіямъ Козловскому на извѣстную потребность“. Празднованіе имянинъ было, конечно, веселое и не однодневное. Въ одни изъ такихъ имянинъ Козловскій много шумѣлъ, разсердившись за что-то на проректора Булича. „А забылъ онъ старое! Кто его въ карцеръ сажалъ? Козловскій. Кто ему въ карцерѣ мирволилъ?—Козловскій. Что мнѣ теперь, что онъ ординарный, или проректоръ! Не такихъ мы видали! Велика штука—Буличъ! За то я старикъ, я ихъ выручалъ изъ бѣды, да еще при Пушкинѣ! Кто имъ денегъ давалъ?—Козловскій. Кто ихъ сверху по домамъ развозилъ? Козловскій. Все Козловскій! а потому помни и почитай Козловскаго. Что же такое, что я ундеръ, а онъ генералъ? Кто меня не знаетъ за 50 лѣтъ? Легко сказать 50 лѣтъ“! и пр. Козловскій дѣйствительно оказывалъ студентамъ всякія услуги и безъ всякаго счета. Однажды, выходя съ крыльца, я встрѣтилъ выпившаго

Digitized by Google

студента, сдѣлавшаго такой приказъ: „Козловскій, скажи извозчику, чтобъ убирался къ черту“. Козловскій идя за мной, конечно ворчалъ, но все же объяснилъ извозчику: „вотъ пятіалтынный и ступай къ черту, баринъ велѣлъ“. Этихъ пятіалтынныхъ и двугривенныхъ у Козловскаго уходило и приходило каждый день безъ счета. Взаимное довѣріе и уваженіе между Козловскимъ и студентами было самое полное. Неудивительно по тому, что Университетъ почетно, in corpore, отъ профессоровъ до студентовъ, проводилъ Козловскаго въ могилу, помянувъ старика и добрымъ словомъ.

Опускаю здѣсь служителя-татарина при Анатомическомъ театрѣ, какъ и памятнаго Файзуллу, у физика Больцани. Первый зналъ отлично даже косточки праваго и лѣваго запястья, что́ понятно медикамъ; второй отлично владѣлъ машинами.... и оба были неграмотны! Опускаю и другія фигуры, изъ запоздалыхъ служакъ для конца 60-хъ годовъ, бывшихъ въ Правленіи Университета, въ его архивѣ, казначействѣ и библіотекѣ. Нѣкоторые изъ этихъ „песочницъ“ были вполнѣ типичны и могли выработаться только въ режимѣ тогдашней канцеляршины. Они были анахронизмами въ университетѣ, хотя и были смягчены вліяніемъ болѣе просвѣщенныхъ начальниковъ, чѣмъ тогдашніе предсѣдатели казанскихъ „магистратовъ“, „совѣстныхъ судовъ“, разныхъ губернскихъ правленій и учрежденій. Все это—лысое, сѣдое, въ старомодныхъ одѣяніяхъ, писало, отписывалось, характерно просиживая кожаныя сидѣнья стульевъ, скрипя гусиными перьями, судача между собою объ архіерейской службѣ, новой колокольнѣ, о присланныхъ „въ губернію“ наградахъ и т. п. Все это „чиновен-

Digitized by Google

ство“—„быльемъ поросло невозвратнымъ“. Но и среди этого мірка были люди вполнѣ свѣтлые. Помню хорошо одного изъ нихъ, горячаго, честнаго. Въ томъ же Правленіи въ 1870 г. однажды старые сослуживцы не безъ изумленія увидали коллегу, бѣшено рвавшаго № своеобразной Московской газеты, затѣмъ скомканной и полетѣвшей въ уголъ: „Де, де, Я-де, мы-де,—мерзавецъ..... предатель... скотина“...

Давно все это было! Съ тѣхъ успѣло пройти цѣлое поколѣніе, почти уступившее уже теперь свое мѣсто второму, новому поколѣнію. Еще 5—10 лѣтъ и въ первомъ ряду будутъ не наши дѣти, а наши внуки. Эта молодежь сейчасъ еще учится и готовится къ очередной своей работѣ, направленіе и средства которой существенно отличаются отъ выпавшихъ на нашу пору. Успѣли порѣдѣть наши ряды либо невольнымъ уклоненіемъ отъ непосильныхъ уже бурь житейскаго моря, либо простымъ переходомъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Но равнодушныхъ инвалидовъ между нами еще нѣтъ. И теперь, въ дружеской товарищеской бесѣдѣ старыхъ казанскихъ студентовъ неизмѣнно и упрямо звучатъ тѣ же нотки въ рѣчахъ, какія когда то, на Поповой горѣ, или на Горшечной, были только помоложе и самоувѣреннѣе. Тонъ и темпъ этой музыки остался тотъ же самый, только нюансы ея стали еще полнѣе широкою терпимостью и еще радостнѣе въ привѣтахъ правдѣ и прогрессу. Не сидимъ мы и безъ посильной работы. Этою неугасающею радостью въ трудѣ мы, уже довольно помятые жизнью, обязаны именно университету 60-хъ годовъ. Одиноко стоялъ этотъ дорогой намъ университетъ въ первые годы своей жизни.

Digitized by Google

Какъ всегда и всюду, независимая наука не могла не подчиниться вліяніямъ мѣста и времени и въ дальней Казани. Старые годы живо описаны достойнымъ питомцемъ университета Н. Н. Буличемъ. Извѣстно, какъ тяжело была выстрадана глубокая рана отъ Магницкаго, надолго обезсилившая свѣтъ Казанскаго ученья. Понадобилось много лѣтъ, чтобы понемногу стали невозможны копіи Городчанинова, наслѣдственно вырождавшіяся, въ русскихъ и въ нѣмцахъ, включительно до Камбека. Но и при этой своеобразной полосѣ все же обёрегается чистое и умное служеніе наукѣ, начиная еще съ Френа, Литтрова и Фукса, продолжаясь сиротливо было ушедшими въ свои раковинки Симоновымъ, Лобачевскимъ. Свѣжія силы Зинина, Ковалевскаго, Котельникова, Елачича, Казембека, Корнухъ-Троцкаго, Мейера и др. настолько подбодрили университетъ, что въ немъ зажилось свободнѣе Аристову, Попову, Дмитріевскому, Станиславскому, Григоровичу, Бутлерову, Ковальскому, Ешевскому, Буличу, Ковалевскому—сыну, Виноградову, т. е. той „стаѣ славныхъ“, которые въ свою очередь дали Университету цѣлый рядъ—его славныхъ же учениковъ. Къ такимъ именно старымъ и новымъ учителямъ подошла и наша университетская пора. Если это еще не былъ гребень волны, то во всякомъ случаѣ волна была высока сама по себѣ и умные пловцы этой волны учили насъ, въ 60-хъ годахъ, твердо вѣрить въ правду и силу любимой ими науки. Эту вѣру восприняли мы благоговѣйно и благодарно. Силою этою вѣры мы напутствуемъ слѣдующія поколѣнія, чествуя тѣмъ и храмъ этой вѣры—родной, вѣковой Казанскій Университетъ.

Ст. Смоленскій.

Digitized by Google

Университетъ въ 1870-хъ годахъ.

Отрывки изъ воспоминаній.

«Vivat, crescat, floreat»!...

Въ маѣ 1874 года я окончилъ курсъ во 2-й казанской гимназіи, въ августѣ я подалъ прошеніе о зачисленіи меня въ студенты физико-математическаго факультета казанскаго университета. Ректоръ, Н. А. Кремлевъ,—извѣстный юристъ, профессоръ Римскаго Права, принялъ у меня прошеніе, сдѣлалъ на немъ какую то помѣтку,—и я сталъ студентомъ.

На первомъ курсѣ математическаго разряда нашего факультета было человѣкъ пятнадцать, на первомъ курсѣ естественнаго разряда, помнится, было всего восемь человѣкъ—въ томъ числѣ, студенты Кротовъ и Зайцевъ: первый изъ нихъ теперь профессоръ казанскаго университета, второй—томскаго. Мы скоро всѣ перезнакомились между собою, частью на лекціяхъ, частью въ химической лабораторіи проф. А. М. Зайцева, гдѣ мы, математики и натуралисты, занимались вмѣстѣ качественнымъ анализомъ. Тогда проф. Зайцевъ читалъ органическую химію на второмъ курсѣ для обоихъ разря-

Digitized by Google

довъ, и спеціально для насъ, занимавшихся въ его лабораторіи, химію аналитическую (качественный анализъ). Въ лабораторіи встрѣчалъ я молодаго доцента Ф. М. Флавицкаго—теперь онъ заслуженный профессоръ казанскаго университета.

Вѣроятно, не менѣе трети моихъ товарищей были изъ духовныхъ семинарій. Мы, гимназисты, относились къ бывшимъ семинаристамъ большею частью съ уваженіемъ, зная, что поступленіе въ университетъ представляло для нихъ своего рода подвигъ: мы непосредственно переходили изъ гимназіи въ университетъ, семинаристы должны были сдавать экзамены по нѣкоторымъ предметамъ, кромѣ того, имъ приходилось считаться и съ другими затрудненіями.

Большая часть семинаристовъ поступала, впрочемъ, на медицинскій факультетъ. На лекціи физики проф. Больцани собирались первокурсники физико математическаго и медицинскаго факультетовъ, такъ какъ курсъ былъ общій, но экзаменъ производился различно, отдѣльно для медиковъ, натуралистовъ и математиковъ. Здѣсь, на первой же лекціи, познакомился я съ бывшимъ питомцемъ тобольской семинаріи, поступившимъ на медицинскій факультетъ.

„Просто, не вѣрится, что я въ университетѣ“ говорилъ онъ: „бывало, соберемся, толкуемъ, считаемъ—и все выходитъ, что меньше, какъ на шестьдесятъ рублей до Казани не доберешься“. Впослѣдствіи я видѣлъ, какъ этотъ, очень скромный на видъ, юноша, впрочемъ, очевидно, старше меня и моихъ товарищей, усердно ходилъ на лекціи, въ анатомическій театръ; когда начались холода, онъ сталъ носить шапку изъ оленьяго

Digitized by Google

мѣха, какой-то странной, на нашъ взглядъ, формы, вывезенную изъ Сибири, очевидно, не имѣя возможности пріобрѣсти шапку въ казанскихъ лавкахъ.

Деньги за право слушанія лекцій, помнится двадцать рублей въ полугодіе, вносили мы казначею университета, Савельеву. Это былъ симпатичный старичекъ, любитель нумизматъ, и студенты охотно мирились съ его страстью говорить рифмами. Напр., встрѣтивъ на гуляньи университетскихъ лаборантовъ и съ ними г. Виноградскаго, который частнымъ образомъ занимался въ астрономической обсерваторіи, Савельевъ произнесъ „стихи".

Вижу я: идетъ народъ хватскій
И межь ними Владиміръ Виноградскій.

Затѣмъ добавилъ:

Онъ не принадлежитъ ни къ какой категоріи,
Его часто можно видѣть въ обсерваторіи,

Кругъ моего знакомства между товарищами, студентами другихъ факультетовъ и другихъ курсовъ, особенно расширился съ того времени, когда меня выбрали представителемъ курса въ такъ называемое депутатское собраніе по студенческой библіотекѣ. Библіотека эта носила настолько своеобразный характеръ, что я позволю себѣ поговорить о ней съ нѣкоторою подробностью. Помѣщалась она въ верхнемъ этажѣ дома на углу Малой Проломной и Рыбнорядской улицъ, теперь на ея мѣстѣ находится мастерская портнаго. Студенты, не имѣя права содержать ее сами, обращались къ кому либо изъ молодыхъ профессоровъ или доцентовъ съ просьбою

Digitized by Google

взять библіотеку на свое имя—въ зависимости отъ того, кто въ данное время былъ мнимымъ хозяиномъ библіотеки, появлялась вывѣска: библіотека такого-то. Но завѣдывало этою библіотекою депутатское собраніе, оно выбирало библіотекаря, исключительно изъ студентовъ, который имѣлъ комнату при библіотекѣ и получалъ денежное вознагражденіе,—оно распоряжалось выпискою книгъ, при чемъ, кромѣ книгъ и журналовъ литературнаго содержанія, также книгъ, которыя могли быть интересны для всѣхъ студентовъ, выписывали книги и журналы спеціально-научнаго содержанія по требованіямъ, заявленнымъ курсами отдѣльныхъ факультетовъ чрезъ своихъ представителей. Подписчиками, кромѣ студентовъ, могли быть и лица постороннія. Составъ библіотеки былъ прекрасный, и дѣла ея шли очень хорошо. Что съ нею сдѣлалось впослѣдствіи, я не знаю. Обыкновенно, авторы воспоминаній съ особенною любовью останавливаются на подробностяхъ своего вступленія въ университетъ, на впечатлѣніяхъ, которыя произвели на нихъ профессора, обстановка университетскаго преподаванія, товарищи. Для лицъ, пріѣхавшихъ въ университетъ изъ глухихъ губернскихъ или уѣздныхъ городовъ, все это, конечно, имѣетъ значеніе. Но я окончилъ курсъ въ казанской гимназіи, у меня было много знакомыхъ студентовъ, я бывалъ на университетскихъ публичныхъ лекціяхъ—словомъ, постепенно сближался съ университетскою жизнью. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что привыкнуть къ университетскимъ занятіямъ мнѣ было трудно, такъ какъ лекціонная система преподаванія требовала извѣстной самостоятельности и умѣнія пользоваться временемъ—привыкнувъ въ гимназіи къ урокамъ,

Digitized by Google

задаваемымъ изо дня въ день, мы какъ то растерялись (говорю о себѣ и своихъ товарищахъ гимназистахъ), семинаристы, привыкнувъ къ самостоятельной работѣ, выражавшейся въ писаніи такъ называемыхъ „задачекъ", чувствовали себя въ этомъ отношеніи увѣреннѣе. Многіе изъ нихъ вскорѣ послѣ поступленія сдавали „коллоквіумъ" для полученія стипендій, которыми потомъ и пользовались.

Составъ профессоровъ на нашемъ факультетѣ былъ, вообще говоря, хорошій. Добрыя начала, положенныя геніемъ Лобачевскаго, талантами Клауса и Бутлерова, приносили свои плоды. Теперь, когда не рѣдко приходится слышать разговоры по поводу лекціонной системы преподаванія и отрицательное къ ней отношеніе, невольно вспоминаешь прошлое и испытываешь чувство благодарности къ нашимъ профессорамъ, которые, посвящая много труда изученію сочиненій иностранныхъ ученыхъ, дѣлились съ нами результатами этого изученія, въ формѣ простой и ясной—бывая на лекціяхъ неорганической химіи, аналитической геометріи, дифференціальнаго исчисленія, физики и другихъ предметовъ, мы ясно видѣли, кто читаетъ по заученному, кто влагаетъ въ предметъ всю душу, кто читаетъ по старой памяти, между другими дѣлами, кто импровизируетъ и проч. Книги, которыя были намъ рекомендованы, служили подспорьемъ, но не могли замѣнить лекцій въ ихъ полномъ объемѣ. На естественномъ разрядѣ лекціи постоянно сопровождались опытами и, конечно, ихъ нельзя было замѣнить изученіемъ предмета по книгамъ, особенно, если имѣть въ виду, что чтеніе сочиненій на иностранныхъ языкахъ для гимназистовъ, только что окончившихъ курсъ, пред-

Digitized by Google

ставляло огромныя затрудненія, а книгъ на русскомъ языкѣ, естественно-научнаго содержанія, появлялось немного и стоили онѣ не дешево, не говоря уже о томъ, что для чтенія книгъ (не учебниковъ) требуется извѣстная подготовка, которая пріобрѣтается на тѣхъ же лекціяхъ.

Большое затрудненіе представили намъ лекціи профессора Больцани, человѣка во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательнаго. Мы хорошо знали его далеко незаурядную исторію. Іосифъ Антоновичъ Больцани пріѣхалъ въ Казань въ качествѣ приказчика магазина художественныхъ произведеній; профессоръ математики Поповъ, зайдя случайно въ магазинъ, засталъ молодого приказчика за чтеніемъ курса механики—изъ разговора выяснилось, что Больцани ясно представляетъ себѣ основныя идеи механики и легко разбираетъ формулы. Въ дальнѣйшей судьбѣ математика самоучки принялъ участіе Лобачевскій: благодаря его заботамъ, Больцани имѣлъ возможность приготовиться къ экзамену за полный курсъ гимназіи, поступилъ въ университетъ, былъ затѣмъ преподавателемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Казани, а потомъ сдѣлался профессоромъ. Къ сожалѣнію, какъ это не рѣдко бываетъ, особенно съ самоучками, Больцани, хорошо схватывая чужія мысли, и полагая всю силу въ огромной эрудиціи, мало культивировалъ собственныя идеи и какъ то сразу остановился въ своей дѣятельности, ограничиваясь чтеніемъ лекцій, которыя у него занимали немного времени. Лекціи эти носили настолько своеобразный характеръ, что уловить основную идею ихъ было очень трудно. Подобно многимъ самоучкамъ, онъ не могъ себѣ представить, какъ это—

Digitized by Google

другимъ непонятно то, что ему понятно, и обременялъ свое изложеніе множествомъ второстепенныхъ подробностей; при такихъ условіяхъ, онъ никогда не успѣвалъ закончить своего общаго курса, но очень любилъ, когда студенты отвѣчали въ такомъ же направленіи, въ какомъ онъ читалъ лекціи, и приводили тѣ формулы, какія онъ давалъ на лекціяхъ. У Больцани хороши были спеціальные курсы, назначаемые имъ для небольшаго числа студентовъ спеціалистовъ,—эти курсы онъ читалъ съ увлеченіемъ; впрочемъ, въ кабинетѣ у него занимались немногіе и школы онъ не составилъ. Въ ноябрѣ 1875 года мы, студенты, вмѣстѣ съ Больцани и другими профессорами, проводили тѣло бывшаго профессора анатоміи, Аристова; съ кладбища человѣкъ пять студентовъ математиковъ пошли въ физическую аудиторію, такъ какъ въ этотъ день и часъ должна была быть лекція физики, вышелъ Больцани и, узнавъ, что передъ нимъ исключительно студенты математики, прочиталъ экспромптомъ весьма интересную лекцію изъ отдѣла о земномъ притяженіи—съ этою лекціею у меня связано одно изъ лучшихъ воспоминаній о І. А. Больцани, какъ о профессорѣ; мѣсяца четыре спустя проводили мы на мѣсто вѣчнаго покоя и Іосифа Антоновича. Доцентъ математики Ф. М. Суворовъ (теперь профессоръ и деканъ физико-математическаго факультета) передъ погребеніемъ произнесъ горячее слово въ память своего учителя, иностранца родомъ, занесеннаго въ далекую Казань и посвятившаго свою жизнь образованію русскаго юношества. Послѣ Больцани осталась большая библіотека, состоявшая изъ книгъ, преимущественно по физикѣ, математикѣ, механикѣ и астрономіи, на языкахъ русскомъ, итальянскомъ,

Digitized by Google

нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ: всѣми этими языками онъ владѣлъ вполнѣ, но, я долженъ сказать это, по русски онъ говорилъ съ акцентомъ и довольно неправильно. Въ Казани считали Іосифа Антоновича евреемъ, но самъ онъ упорно отрицалъ это, называя себя чистымъ итальянцемъ.

При воспоминаніи о лекціяхъ І. А. Больцани, въ воображеніи невольно представляется Файзулла—имя это постоянно раздавалось на лекціяхъ физики, принадлежало оно татарину, служителю при кабинетѣ. Въ казанскомъ университетѣ въ мое время служители при кабинетахъ, едва ли не въ большинствѣ, были изъ татаръ. Этотъ обычай имѣлъ какой то традиціонный характеръ, объясненіе его находили въ томъ обстоятельствѣ, что въ старину пьянство между татарами было почти неизвѣстно, тогда какъ русскіе служители, случалось, отливали спиртъ изъ банокъ съ препаратами, которые находились въ анатомическомъ и зоологическомъ музеяхъ, доливая ихъ водою, и пили его вмѣсто водки, а препараты, конечно, портились. Проще, быть можетъ, объяснить этотъ обычай тою причиною, что преобладающее большинство профессоровъ, натуралистовъ и медиковъ, въ Казани были иностранцы, которые, какъ извѣстно, вообще любятъ окружать себя тоже иностранцами или инородцами, предпочитая ихъ русскимъ. Этотъ обычай въ Казани, въ большей или меньшей степени, остался и до сихъ поръ. Кажется, изъ всѣхъ этихъ служителей татаръ, въ наше время, выдавался пониманіемъ дѣла служитель при физіологической лабораторіи—Латыфъ. На сколько внимательно приходилось относиться къ выбору служителей при лабораторіяхъ, можно судить по слѣдующему случаю:

Digitized by Google

служитель, съ досады, распорядился такъ, что профессору былъ принесенъ на лекцію—вмѣсто стекляннаго сосуда, баллона, съ кислородомъ—баллонъ со смѣсью кислорода и углеводороднаго газа (этилена). Какъ это было сдѣлано, не существенно, важно то, что на лекціи, въ аудиторіи, наполненной студентами, произошелъ сильный взрывъ, по счастію, главная масса осколковъ баллона полетѣла въ сторону противоположную отъ студентовъ, но профессоръ пострадалъ довольно сильно. Случай этотъ былъ года за два до моего поступленія въ университетъ, подробности я слышалъ отъ самого виновника взрыва, въ минуту откровенности—на него не пало и тѣни подозрѣнія.

Изъ другихъ факультетовъ, кажется хуже всѣхъ обставленъ былъ научными силами факультетъ юридическій, такъ, по крайней мѣрѣ, приходилось слышать. На ряду съ крупными именами, извѣстными всѣмъ и понынѣ, называли, между прочимъ, одного исправлявшаго должность ординарнаго профессора, который читалъ свои лекціи по тетрадкѣ, и изъ года въ годъ каждую лекцію заканчивалъ тѣмъ же словомъ, на какомъ останавливался и въ предъидущіе года. Разсказывали, будто этотъ профессоръ говорилъ, что онъ готовъ читать лекціи по какому угодно предмету, такъ какъ „книги всегда найдутся“. Этотъ архаическій профессоръ, впрочемъ, практику своего предмета зналъ, повидимому, основательно и пользовался своеобразною популярностью: я помню, что, будучи старшиною присяжныхъ, при разборѣ одного запутаннаго уголовнаго дѣла, основаннаго, главнымъ образомъ, на косвенныхъ уликахъ, профессоръ, во время чтенія обвинительнаго акта, укоризненно по-

Digitized by Google

качалъ головою въ сторону членовъ судебной палаты, которые были на хорахъ залы суда—этому придавали потомъ большое значеніе; послѣ долгихъ перипетій, подсудимый былъ оправданъ. Впрочемъ, и студенты юристы у насъ, слушателей „положительныхъ наукъ“ авторитетомъ не пользовались—я думаю, все это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что факультетъ этотъ какъ то медленно освобождался отъ архаическаго колорита, который придавали ему въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій профессора, странными разсказами о которыхъ наполнены устныя и печатныя воспоминанія бывшихъ казанскихъ студентовъ. Обновленіе факультета началось уже съ того времени, когда молодыхъ и талантливыхъ мѣстныхъ ученыхъ стали посылать аа границу, но процессъ обновленія шелъ лишь постепенно.

Медицинскій факультетъ славился именами: Адамюка—окулиста, Виноградова, Ковалевскаго—физіолога. О профессорѣ судебной медицины, Гвоздевѣ, разсказывали, что онъ пѣшкомъ обошелъ всю Англію, посѣщая ассизы въ различныхъ мѣстахъ. Предъ самымъ введеніемъ въ Казани новыхъ судебныхъ учрежденій, Гвоздевъ на университетскомъ актѣ 5 ноября 1869 года сказалъ рѣчь о значеніи судебно-медицинской экспертизы. Впослѣдствіи, на засѣданіяхъ суда присяжныхъ, онъ часто выступалъ въ качествѣ эксперта, и съ нимъ, при его знаніяхъ и опытности, серьезно приходилось считаться представителямъ прокуратуры. Студенты медики его, повидимому, любили, но лекціи Гвоздева нерѣдко вызывали смѣхъ въ виду странной дикціи профессора, напр.: „крестьянинъ ѣхалъ, шелъ дождь—и голова его колотилась о край телѣги“. Или. „шелъ па-

Digitized by Google

роходъ,—остановился у пристани,—вышелъ на берегъ—пошелъ по дорогѣ“ и т. п. Профессоръ акушерства Козловъ читалъ съ большимъ пафосомъ, иногда ложился на большой столъ посреди аудиторіи и, сильно жестикулируя, старался иллюстрировать то явленіе, о которомъ разсказывалъ,—изъ года въ годъ, говорятъ, онъ повторялъ: „входъ въ малый тазъ имѣетъ видъ червоннаго туза, но не русскаго червоннаго туза, а иностраннаго (профессоръ стремительно подходилъ къ доскѣ и рисовалъ червоннаго туза), а иностранный червонный тузъ отличается отъ русскаго тѣмъ, что у него нѣтъ вотъ этого хвоста“. Нѣкоторыя странности не мѣшали Козлову прекрасно знать свое дѣло,—съ теченіемъ времени, когда появились молодые ученые по той же спеціальности, Козлову случалось исправлять ихъ ошибки и онъ говорилъ: „вотъ, знать не хотятъ Александра Илларіоновича, а надѣлаютъ глупостей, къ нему же бѣгутъ“. Къ сожалѣнію, были причины, по которымъ не всегда можно было прибѣгать къ Александру Илларіоновичу Козлову и его опытности.

На филологическомъ факультетѣ мы слышали имена: Булича, Корсакова, Осокина; кромѣ университетскихъ, здѣсь были профессора изъ духовной академіи—они читали одновременно въ академіи и въ университетѣ. Въ 1875 году на университетскомъ актѣ говорилъ рѣчь Милославскій, профессоръ философіи въ академіи и въ университетѣ, человѣкъ молодой и, какъ приходилось слышать, весьма талантливый. Разсказывали, что по окончаніи акта профессоръ физіологіи Ковалевскій сказалъ, что будетъ отвѣчать ему въ слѣдующемъ году и мы съ нетерпѣніемъ ожидали 5 ноября 1876 года. Кромѣ

Digitized by Google

обычной публики и университетскихъ студентовъ, собралось много настоящихъ и бывшихъ студентовъ академіи, нѣкоторые изъ нихъ были священники. Ковалевскій славился искуснымъ чтеніемъ лекцій и въ данномъ случаѣ поддержалъ свою славу,—предметъ рѣчи былъ: „какъ смотритъ физіологія на жизнь вообще и на психическую жизнь въ особенности“. Мы горячо апплодировали Ковалевскому, видя въ его рѣчи побѣду реальной философіи надъ метафизикой, въ городѣ многіе возмущались содержаніемъ ея, сколько я помню и соображаю теперь, въ сущности весьма безобиднымъ; говорили, что студенты устроили на актѣ демонстрацію; Милославскій, въ видѣ протеста, поспѣшилъ напечатать свою рѣчь отдѣльнымъ изданіемъ. Вскорѣ, какъ водится, все это улеглось и было забыто.

Помнится, на этомъ актѣ четыре золотыя медали были выданы студентамъ медикамъ за работы по физіологіи, физіологической химіи, фармакологіи. Двухъ изъ этихъ лауреатовъ Потѣхина и Дохмана уже нѣтъ въ живыхъ, объ одномъ, Никольскомъ, я не имѣю свѣдѣній,—Миславскій занимаетъ кафедру физіологіи въ родномъ университетѣ. Пріятно вспомнить о молодыхъ тогда труженикахъ, пріятно вспомнить и объ ихъ учителяхъ. Припоминая прошлое, я не могу не остановиться на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось трудиться тогда профессорамъ университета. Въ то время и разговора не было о гонорарѣ за лекціи, посторонніе заработки могли имѣть только тѣ изъ профессоровъ медицинскаго факультета, которые были практическими врачами, другіе же должны были довольствоваться казеньымъ жалованьемъ, размѣры котораго съ современ-

Digitized by Google

ной точки зрѣнія представляются болѣе нежели скромными. Жизнь тогда была дешевле, но не слѣдуетъ преувеличивать этой дешевизны, такъ какъ она касалась преимущественно лишь такихъ предметовъ, какъ дрова, молоко, мясо и яйца. Хлѣбъ и квартиры были не дешевле, а другіе предметы жизненной необходимости были дороже, чѣмъ теперь. Между тѣмъ, наши профессора жили, читали лекціи, занимались наукою, и конечно должны были пріобрѣтать научныя сочиненія, которыми нерѣдко ссужали насъ; многіе изъ нихъ были семейные люди, а независимымъ состояніемъ между ними пользовались лишь немногіе. Намъ разсказывали, что въ Кіевѣ и Харьковѣ профессора принимаютъ участіе въ финансовыхъ и коммерческихъ дѣлахъ, но мы не могли представить профессоровъ въ роли директоровъ банка или акціонернаго общества, кромѣ того, у насъ былъ на глазахъ примѣръ, какъ трудно одновременно заниматься чтеніемъ лекцій въ университетѣ и веденіемъ сложнаго городскаго хозяйства: при этомъ должны страдать интересы того или другого дѣла—въ данномъ случаѣ страдалъ университетъ. Мы понимали лишь возможность для профессора, человѣка науки, отдавать часть своего времени на безкорыстное служеніе обществу, напр., принимая на себя обязанности земскаго или городскаго гласнаго: общественными дѣлами мы вообще интересовались. Двое изъ моихъ товарищей отправились однажды на засѣданія губернскаго земскаго собранія, и, къ своему удивленію, открыли, что изъ всей Казани, они одни интересуются земскими дѣлами.

Въ Казань семейство наше пріѣхало изъ Воронежа въ 1871 году. Я поступилъ въ 4-й классъ второй гим-

Digitized by Google

назіи, и, хотя былъ въ возрастѣ полудѣтскомъ, невольно пытался объяснить себѣ, чѣмъ отличается этотъ „университетскій“ городъ отъ Екатеринбурга, Перми, Тулы, Воронежа—городовъ, какъ извѣстно, не университетскихъ—гдѣ мы жили раньше. Профессоровъ и, вообще, ученыхъ я всегда представлялъ себѣ какими то особенными людьми, а тутъ сразу два разсадника науки и ученыхъ—университетъ и духовная академія. Но, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Казань, по мѣрѣ расширенія нашего знакомства, представленія мои о профессорахъ въ значительной степени измѣнились: затѣмъ разыгралась въ мірѣ университетскихъ ученыхъ громкая исторія, вслѣдствіе которой изъ университета ушли сразу шесть профессоровъ, въ томъ числѣ Имшенецкій, впослѣдствіи, членъ академіи наукъ. Очевидно, и ушедшіе и оставшіеся, стараясь оправдать себя въ казанскомъ обществѣ, другъ передъ другомъ въ долгу не оставались: все это производило странное впечатлѣніе на мою молодую душу. Вмѣстѣ съ этимъ, я видѣлъ, что въ Казани легко доставать книги для чтенія, легко получать доступъ на публичныя лекціи—все это нельзя было не оцѣнить. Постоянно чувствовалось, что въ городѣ существуютъ какіе то особенные интересы. Двое изъ нашихъ учителей читали лекціи въ университетѣ, и я, сравнивая ихъ съ учителями тѣхъ же предметовъ въ гимназіяхъ, гдѣ я раньше учился, не могъ не замѣчать разницы. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей ходили на университетскіе диспуты. На Пасхѣ открывались университетскіе музеи для всего казанскаго населенія. Въ нашей гимназіи были ученики, которые носили имена казанскихъ профессоровъ, считавшихся мѣстными знаме-

Digitized by Google

нитостями или составившими свое имя въ наукѣ и литературѣ.

Все это отдѣльные штрихи, которые дополняли другъ друга въ картинѣ казанской общественной жизни, какъ бы слабо ни была она развита. Отъ времени до времени отецъ приносилъ книги, принадлежавшія перу мѣстныхъ ученыхъ, и доступныя по содержанію для меня въ то время—потомъ мнѣ приходилось встрѣчаться съ авторами этихъ книгъ. Для подростка, какимъ я былъ, все это имѣло, и, конечно, имѣетъ существенное значеніе. Воздавая должное должному, я считаю необходимымъ отмѣтить, что, въ моихъ глазахъ, университетъ въ Казани не имѣлъ прямаго вліянія на общество, по составу весьма разнородное. Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго ясно, что, напр., въ той сферѣ, какую описываетъ Салтыковъ въ „Губернскихъ Очеркахъ", наука не могла занимать первенствующаго положенія, а въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ подлинные герои „Губернскихъ Очерковъ" и журнала „Искры" еще не сошли со сцены общественной дѣятельности, съумѣвъ устроиться, и при новыхъ порядкахъ. въ судебныхъ учрежденіяхъ и въ губернской администраціи: одинъ изъ выдающихся героевъ „Губернскихъ Очерковъ" былъ исправникомъ въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи, какъ разсказывали, еще въ 1874 году. Впрочемъ, рядомъ съ ними выдвинулись и новые дѣятели, уже совершенно иного склада, питомцы казанскаго университета. Въ 1870 году, съ открытіемъ въ Казани судебнаго округа, мѣстные юристы заняли мѣста въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ, оправдывая, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, оказанное имъ довѣріе.

Digitized by Google

На предъидущихъ страницахъ я забылъ упомянуть о двухъ крупныхъ представителяхъ математической науки, въ казанскомъ университетѣ, постараюсь пополнить пробѣлъ въ своихъ „отрывкахъ“ и избѣгнуть упрека въ забывчивости.

Профессоръ П. И. Котельниковъ читалъ механику. Онъ былъ современникомъ Лобачевскаго, хотя и гораздо моложе его, и воспитанникомъ профессорскаго института, который былъ устроенъ при дерптскомъ университетѣ, по приказанію Императора Николая I; назначаемы были въ этотъ институтъ, для приготовленія къ профессорскому званію, талантливѣйшіе молодые люди изъ русскихъ университетовъ, кажется, самимъ государемъ. Вѣроятно, въ связи съ этимъ, у проф. Котельникова замѣтно было, и иногда выражалось съ опредѣленностью, особенное, благоговѣйное, чувство къ Николаю I. Въ моемъ представленіи, П. И. Котельниковъ является старичкомъ лѣтъ подъ 70, невысокаго роста, слегка сгорбившимся, но еще бодрымъ. Мы считали его хорошимъ профессоромъ и добрымъ человѣкомъ. Курсъ его былъ небольшой, но хорошо составленный. Разсказывали, что прежде П. И. часто читалъ публичныя лекціи, которыя всегда пользовались успѣхомъ, такъ какъ профессоръ читалъ ихъ живо, занимательно и иллюстрировалъ удачно выбранными примѣрами. Проф. Котельниковъ любилъ иногда пошутить. Однажды, на диспутѣ, исполняя обязанности декана, за его отсутствіемъ, онъ закончилъ диспутъ живою рѣчью, составленною такимъ образомъ:.. „окончивъ курсъ, диспутантъ былъ оставленъ консерваторомъ ботаническаго кабинета при университетѣ,—но этотъ консерваторъ оказался ярымъ либераломъ въ наукѣ:

Digitized by Google

привыкнувъ подвергать испытаніямъ природу, онъ рѣшился и себя подвергнуть испытанію на степень магистра“.. и т. д. Я помню, на лекціи П. И. какъ то сказалъ: „строка Тайлора, или Тэйлора—англичане произносятъ *А* такъ и этакъ“. Наши предшественники разсказывали, что прежде проф. Котельниковъ къ этому прибавлялъ: „а у насъ такъ нельзя—напр., *частный* значитъ совсѣмъ не то, что *честный*“. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ предпослѣднихъ дней дѣятельности профессора Котельникева, и начала дѣятельности профессора математики, А. В. Васильева, который былъ приглашенъ въ Казань, тотчасъ по окончаніи курса въ С.-Петербургѣ, обративъ на себя вниманіе еще на студенческой скамьѣ замѣчательнымъ мемуаромъ, помнится, по Высшей Алгебрѣ. На вступительную лекцію молодаго приватъ-доцента собрались всѣ студенты математики, лекторъ произвелъ пріятное впечатлѣніе спокойнымъ и яснымъ изложеніемъ предмета лекціи, программу которой мы получили предъ ея началомъ—это была лекція pro venia legendi—кромѣ того, подкупающимъ образомъ дѣйствовала юность начинающаго ученаго: онъ былъ, навѣрное, ровесникомъ большинства своихъ будущихъ слушателей—А. В. Васильевъ долженъ былъ читать на третьемъ и четвертомъ курсахъ—и моложе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣдующая дѣятельность профессора Васильева въ Казанскомъ Университетѣ, какъ извѣстно, оправдала наше первое впечатлѣніе. Мнѣ приходилось потомъ встрѣчаться съ А. В. Васильевымъ въ семействѣ одного изъ почтенныхъ казанскихъ жителей, Н. Н. Г.—В., но знакомъ я съ нимъ не былъ.

Digitized by Google

Я говорилъ уже, что профессора охотно ссужали насъ книгами, и это мы очень цѣнили. Жизнь въ такомъ сравнительно небольшомъ городѣ, какъ Казань, при отсутствіи лихорадочной суеты большихъ городовъ, имѣла ту хорошую сторону, что давала возможность профессорамъ свободно отдаваться избраннымъ ими занятіямъ. При такихъ условіяхъ, бывало не рѣдко, что студентъ, придя за книгою, которую обѣщалъ профессоръ, къ нему на квартиру, встрѣчалъ радушный пріемъ и въ разговорѣ имѣлъ возможность выяснить то, что представлялось ему не совсѣмъ понятнымъ на лекціи. Говорить о пользѣ такихъ разговоровъ для обѣихъ сторонъ, я думаю, нѣтъ нужды, это ясно само собою. Такимъ образомъ, профессора знакомились съ составомъ курса, оказывали на него вліяніе, и могли ясно видѣть недостатки и достоинства своего метода преподаванія. Студенты, разумѣется, дорожили ласкою профессоровъ, старались оправдать довѣріе, получая во временное пользованіе книгу, и невольно заинтересовывались тѣми сторонами предмета, которыя раньше не были ими замѣчаемы. Такъ какъ книги, получаемыя студентами, бывали обыкновенно на иностранныхъ языкахъ, то часто студенты начинали изучать тотъ языкъ на которомъ написана книга, чтобъ лучше усвоить ея содержаніе. Чаще всего студенты обращались за совѣтами къ Ѳ. М. Суворову и А. В. Васильеву, которые, вмѣстѣ съ М. А. Ковальскимъ и П. И. Котельниковымъ, представляли ядро немногочисленнаго тогда математическаго разряда. Какъ хорошо относились нѣкоторые профессора къ студентамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая: проф. Больцани, зная, что одинъ студентъ, который занимался у него въ кабинетѣ (мой товарищъ по курсу), нуждается въ стипендіи, и выдержалъ отлично

Digitized by Google

всѣ экзамены, за исключеніемъ одного, изъ котораго получилъ отмѣтку 3 (три), позвалъ этого студента къ себѣ, далъ ему сборникъ задачъ по дифференціальному исчисленію, велѣлъ сдѣлать лѣтомъ побольше задачъ изъ этой книжки и представить въ августѣ декану подробныя ихъ рѣшенія, обѣщая на совѣтѣ факультета похлопотать за него, что и исполнилъ. Профессора Больцани замѣнилъ Р. А. Колли, человѣкъ очень добрый и участливый,—жена его, обладая прекраснымъ голосомъ, пѣла на концертѣ, устроенномъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. На этомъ концертѣ я не былъ, но слышалъ, что онъ прошелъ очень хорошо: между прочимъ, здѣсь принималъ участіе студенческій хоръ, который въ печатной программѣ концерта былъ названъ „хоромъ любителей"—тогда студенты считались оффиціально отдѣльными посѣтителями университета, не составляя какой либо корпораціи. Подобный же „хоръ любителей" принималъ участіе въ спектаклѣ такого же благотворительнаго характера; давали популярную въ то время пьэсу: „Перемелется—мука будетъ". Содержаніе этой пьэсы касается университетской жизни: даровитый сынъ мучнаго торговца отлично оканчиваетъ курсъ въ университетѣ и получаетъ коммандировку за границу; передъ заграничною поѣздкою онъ проводитъ лѣто на урокѣ въ имѣніи петербургскаго вельможи, князя, влюбляется въ его дочь, встрѣчаетъ сочувствіе—на этой почвѣ разыгрывается драма. Пьэса эта, отвѣчая взглядамъ того времени на жизнь, университетъ и его общественное значеніе, науку, нравилась въ Казани и часто была на сценѣ также и потому, что въ первомъ ея дѣйствіи появляются студенты, товарищи героя пьэсы. На спектаклѣ, о которомъ я говорю,

Digitized by Google

на сценѣ явились настоящіе, а не бутафорные, студенты, и пѣли хоромъ наиболѣе популярныя и любимыя студенческія пѣсни—студенты въ то время не носили форменнаго платья, и въ программѣ спектакля было сказано, что „любители“ исполнятъ нѣсколько музыкальныхъ нумеровъ въ первомъ дѣйствіи пьэсы. Въ концѣ дѣйствія студенты стали качать на рукахъ и понесли актера, который игралъ героя пьэсы, а одинъ студентъ началъ плясать. Публикѣ это очень понравилось, но нѣкоторые изъ моихъ товарищей были недовольны. Такъ, или иначе —но я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ спектаклѣ.

Спектакли, концерты имѣли цѣлью, по возможности, улучшить существованіе студентовъ, которое оставляло желать много лучшаго. Въ настоящее время, какъ я слышалъ, въ Казани существуетъ интернатъ для университетскихъ студентовъ, въ мое время объ этомъ и рѣчи не было, только старые сторожа при университетѣ увѣряли, что въ былыя времена, когда существовали казенные студенты, жившіе въ зданіи университета, имъ было лучше, нежели современнымъ, но этому никто не вѣрилъ. Студенты нанимали комнаты, иногда со столомъ, у чиновниковъ, мелкихъ купцовъ, мѣщанъ—кромѣ того, существовали меблированныя комнаты удешевленнаго типа, спеціально студенческія, напр, знаменитый въ своемъ родѣ Марусовскій домъ, выходившій на двѣ улицы и состоявшій изъ огромнаго количества квартиръ, занятыхъ большею частью студентами. Лишь очень немногіе изъ пріѣзжихъ студентовъ устраивались у знакомыхъ болѣе или менѣе порядочно; огромное большинство, представляя собою, съ точки зрѣнія квартирныхъ хозяевъ,

Digitized by Google

товаръ, годный для эксплоатаціи всякаго рода, помѣщались въ комнатахъ сырыхъ и угарныхъ. Хозяева и хозяйки студенческихъ квартиръ нерѣдко сами терпѣли убытки, когда оказывалось, что студентъ, зажившійся въ теченіе продолжительнаго времени, дѣлался несостоятельнымъ, и, конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, пользовались минутою, стараясь вознаградить себя за прежніе убытки. Но я долженъ сказать, что обыкновенно студенты, даже сильно задолжавшіе, расплачивались съ хозяевами, какъ только ихъ обстоятельства поправлялись, иногда, спустя продолжительное время, по окончаніи курса. Не смотря на то, что жизнь въ Казани была вообще не дорога, при бѣдности большинства студентовъ, необходимость вносить опредѣленную плату въ опредѣленные сроки часто ставила ихъ въ критическое положеніе. У меня былъ знакомый студентъ, который въ теченіе года обратилъ на себя вниманіе профессора своею дѣловитостью во время занятій въ кабинетѣ, а на экзаменѣ отвѣчалъ настолько плохо, что профессоръ лишь изъ особого снисхожденія могъ поставить ему удовлетворительную отмѣтку, при чемъ выразилъ свое неудовольствіе. Профессоръ не зналъ, что этотъ студентъ во время экзаменовъ ночевалъ въ кабинетахъ университета на сдвинутыхъ вмѣстѣ стульяхъ, благодаря сердоболію консерваторовъ этихъ кабинетовъ, а питался въ теченіе нѣсколькихъ дней предъ экзаменомъ этого профессора, почти исключительно чаемъ, не имѣя возможности пообѣдать въ какой нибудь кухмистерской. Вообще, вопросъ квартирный и вопросъ продовольствія студентовъ носили очень острый характеръ, не находя въ большинствѣ случаевъ удовлетворительнаго рѣшенія, главнымъ образомъ

Digitized by Google

при отсутствіи средствъ и постоянныхъ заработковъ у студентовъ. Въ мое время одни лишь сибиряки образовывали всѣ вмѣстѣ, человѣкъ сорокъ, общество взаимопомощи, необходимость котораго представлялась совершенно естественною, тѣмъ болѣе, что при такихъ условіяхъ была возможность правильно распредѣлять пособія, получаемыя съ родины, имѣя въ виду наиболѣе нуждающихся—пособія эти являлись въ видѣ сборовъ съ концертовъ и спектаклей, которые устраивались въ разныхъ городахъ Сибири въ пользу учащейся молодежи. Бывало, напр., такъ, что одну комнату занимаютъ четыре человѣка, всѣ не имѣютъ ни средствъ ни заработковъ, изрѣдка получаютъ кое что изъ семьи, отъ родныхъ; одинъ, при содѣйствіи стараго знакомаго и сослуживца отца, обладая хорошимъ почеркомъ, получилъ мѣсто писца въ Окружномъ Судѣ за 15 руб. въ мѣсяцъ и поддерживаетъ такимъ образомъ себя и всѣхъ своихъ товарищей, изъ которыхъ одинъ вольнослушатель университета и въ то же время готовится къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, а другой сильно выпиваетъ. Уроками жить было очень трудно, такъ какъ въ этомъ отношеніи была сильная конкурренція, вслѣдствіе того, что уроки могли давать, и давали, не только студенты университета, но и студенты ветеринарнаго института, гимназисты и семинаристы, гимназистки старшихъ классовъ. При такихъ условіяхъ, молодежь жила, училась, кончала курсъ, иногда совершенно надрывая свои силы и здоровье. Какъ примирить съ такою обстановкою кутежи? На это отвѣтить и очень легко, и очень трудно.... Въ тѣ времена не разъ поднимался въ печати вопросъ относительно того, на сколько полезна, и вообще полезна ли, обще-

Digitized by Google

доступность высшаго образованія, при чемъ не рѣдко являлись проэкты различнаго характера въ этомъ направленіи, на которыхъ я останавливаться не буду, тѣмъ болѣе, что время показало, насколько осуществимы были эти проэкты, но въ данномъ случаѣ у всѣхъ предъ глазами былъ существующій фактъ, предъ которымъ нельзя было не остановиться и съ которымъ приходилось считаться.

Чувство общительности, свойственное молодежи и стремленіе къ самообразованію въ общемъ направленіи, не спеціальнаго характера, были причиною образованія кружковъ для чтенія по опредѣленной программѣ. Одинъ изъ моихъ товарищей организовалъ такой кружокъ и пригласилъ меня. Мы собирались всего раза два, читали политическую экономію Милля, но скоро все дѣло какъ то расклеилось—впрочемъ, организаторъ распавшагося кружка и я продолжали бывать поочередно другъ у друга исключительно для занятій англійскимъ языкомъ, параллельно съ этимъ слушая лекціи въ университетѣ у лектора этого предмета, Бересфорда. Это было уже передъ моимъ отъѣздомъ изъ Казани. Устраивались ли подобные кружки впослѣдствіи, и каковъ былъ характеръ ихъ, мнѣ неизвѣстно. Вообще-же, какъ я не разъ говорилъ, въ Казани было много средствъ для развитія своего образованія: библіотеки, хорошо составленныя и не дорогія, публичныя лекціи въ университетѣ, наконецъ—обширная университетская библіотека.

Извиняясь предъ читателями въ отрывочности своихъ воспоминаній, я попрошу позволенія остановиться на нѣкоторыхъ современныхъ мнѣ студенческихъ типахъ различнаго характера. Мой добрый пріятель П., студентъ-

Digitized by Google

медикъ, представлялъ собою какое то воплощеніе честности и любви къ ближнему. Въ университетъ поступилъ онъ изъ семинаріи, и уже на первомъ курсѣ сталъ извѣстенъ, какъ студентъ, выдающійся по своимъ способностямъ. Впослѣдствіи онъ получилъ золотую медаль и, конечно, пріобрѣлъ бы почетную извѣстность, еслибъ не скончался тридцати съ чѣмъ то лѣтъ. По своимъ успѣхамъ онъ имѣлъ право на стипендію, и воспользовался этимъ правомъ для того, чтобъ всю стипендію цѣликомъ отдавать своему товарищу. Какъ относилось къ II. студенчество, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: студенты задумали устроить кассу для помощи нуждающимся товарищамъ, необходимыя для этой цѣли средства были собраны посредствомъ концерта и спектакля; затѣмъ, не имѣя права устроить эту кассу сами, студенты передали всѣ деньги въ распоряженіе II., съ тѣмъ, чтобъ онъ выдавалъ изъ нихъ ссуды товарищамъ, по указанію такихъ же представителей отъ курсовъ всѣхъ факультетовъ, какіе были выбираемы для управленія библіотечными дѣлами. „Фондъ II.“, какъ его называли, существовалъ до самой его смерти и оказалъ въ свое время не мало существенной пользы помощью тѣмъ студентамъ, которые раньше должны были обращаться къ ростовщикамъ, получая ссуды подъ залогъ вещей съ уплатою большихъ процентовъ и безъ всякой пощады, въ случаѣ просрочки. Въ семействѣ студента П, который жилъ у родителей,—отецъ его былъ священникомъ въ Казани—мнѣ пришлось встрѣтиться съ М., который былъ товарищемъ П. по факультету: оба они ходили на лекціи, усердно занимались въ анатомическомъ театрѣ, лабораторіяхъ, клиникѣ, сдавали экзамены, но трагизмъ

Digitized by Google

положенія М. заключался въ томъ, что онъ не пріобрѣлъ въ семинаріи правъ необходимыхъ для того, чтобы быть студентомъ университета, и оставался вольнослушателемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что, пріѣхавъ въ Казань, вскорѣ очутился совершенно безъ денегъ, питался сушеною рыбою—воблою, которая продавалась на улицахъ по 2 коп., и чернымъ хлѣбомъ, да и то, повидимому, въ умѣренномъ количествѣ, такъ какъ передъ сномъ долженъ былъ ходить продолжительное время по улицамъ Казани для того, чтобы, утомившись, крѣпче заснуть и не чувствовать голода. Зимою 1876 года студентамъ медикамъ IV-го курса было предложено держать выпускной экзаменъ вмѣстѣ со студентами V-го курса, такъ какъ начались серьезныя приготовленія къ войнѣ съ Турціею. М., вмѣстѣ съ другими, держалъ, и выдержалъ, всѣ экзамены и былъ приглашенъ впослѣдствіи въ одинъ изъ губернскихъ городовъ для завѣдыванія больницею, которая устраивалась городскимъ управленіемъ по случаю войны. М. принялся за это съ такою любовью и вниманіемъ дѣла, что вскорѣ губернскія и городскія власти обратились къ министру, графу Д. А. Толстому, который пріѣхалъ въ этотъ городъ, съ просьбою даровать М. аттестатъ зрѣлости, чего министръ, конечно, сдѣлать не могъ. Затѣмъ мнѣ ничего не приходилось слышать о М., но, много лѣтъ спустя, просматривая списокъ членовъ одного съѣзда естествоиспытателей и врачей, я нашелъ въ числѣ ихъ врача М., мнѣ захотѣлось провѣрить себя—оказалось, что это былъ мой старый знакомецъ, который, какъ я слышалъ, и понынѣ здравствуетъ и, конечно, приноситъ посильную помощь страждущему человѣчеству.

Digitized by Google

Нужно сказать правду, казанское студенчество искони пріобрѣло извѣстность своими кутежами и выпивками, косвенное—(пожалуй, впрочемъ, и прямое)—указаніе на это мы находимъ въ воспоминаніяхъ казанскихъ студентовъ изъ различныхъ періодовъ существованія университета. Я жилъ въ семьѣ, по своему характеру и наклонностямъ, не находилъ ничего привлекательнаго въ пьянствѣ и кутежахъ, естественно, въ нихъ не участвовалъ, но къ товарищамъ я стоялъ всегда очень близко, многое видѣлъ и многое слышалъ. И теперь, сопоставляя прошлое съ настоящимъ, вижу здѣсь много преувеличеній. Какъ извѣстно, въ толпѣ, въ обществѣ, одинъ шумящій человѣкъ производитъ бо́льшее впечатлѣніе, нежели сто человѣкъ, которые молчатъ. Съ этой точки зрѣнія, представляется понятнымъ, почему кучки кутящихъ и бушующихъ студентовъ въ такомъ сравнительно небольшомъ городѣ, какъ Казань, при отсутствіи другихъ интересовъ, заставляли о себѣ говорить, а большинство людей, склонное къ обобщеніямъ, говорило, что „всѣ студенты кутятъ и буйствуютъ". Кромѣ того, необходимо помнить, что юношѣ, который сдѣлался студентомъ, изъ вчерашняго школьника, попалъ на свободу, хочется показать себѣ и другимъ, что онъ сталъ уже взрослымъ человѣкомъ, а такъ какъ аттрибутами взрослыхъ людей, по представленіямъ многихъ, является право на кутежи и пьянство, то отсюда слѣдуютъ и естественныя заключенія. Необходимо, кромѣ того, помнить, что большинство казанскихъ студентовъ пріѣзжали изъ другихъ городовъ, часто весьма отдаленныхъ, найти знакомства въ мѣстномъ обществѣ было трудно, сидѣть одному въ пустой комнатѣ

Digitized by Google

скучно—студенты любили бывать въ театрѣ, гдѣ была хорошая драматическая труппа, а съ 1874 года и опера, и верхніе этажи театральной залы были всегда студентами переполнены, но это не всегда было имъ доступно. Между тѣмъ, если въ карманѣ есть пять копѣекъ, можно пойти въ излюбленную студентами Bier—Halle („биргалку") на Николаевской площади, хозяина которой они называли „Дарвиномъ"—находя похожимъ лице этого лысаго старика на портретъ знаменитаго натуралиста. Я лично считаю этого „Дарвина" положительно вреднымъ для студенчества моего времени: своимъ напускнымъ радушіемъ, разсказами бывалаго человѣка (онъ, кажется, служилъ на судахъ военнаго флота), умѣніемъ во время принять участіе въ оживленномъ спорѣ, во время спѣть не дурнымъ басомъ пѣсню, онъ добился того, что студенты у него сидѣли цѣлыми вечерами, а иногда и цѣлыми днями, пили пиво сами, угощали другъ друга, вели живыя бесѣды, составляли хоры, и незамѣтно напивались до пьяна. Это, конечно, очень печально, но если, напр., припомнить описаніе студенческой жизни въ германскихъ университетахъ, гдѣ питье пива, сопровождаемое пѣніемъ пѣсенъ, составляетъ своего рода культъ, можно придти къ такому заключенію, что въ Германіи студенты интересуются одними кутежами, а это, конечно, невѣрно. Я припоминаю, какъ одинъ мой товарищъ, зайдя въ какой то погребокъ на святкахъ, нашелъ тамъ цѣлую компанію въ разнообразныхъ костюмахъ, не соотвѣтствующихъ времени года—одинъ изъ этой компаніи, окончившій курсъ, на юридическомъ факультетѣ, сидѣлъ въ соломенной шляпѣ: онъ, что называется, „застрялъ" въ Казани,

Digitized by Google

истративъ на пирушку, по случаю окончанія курса, тѣ деньги, которыя были назначены на дорогу—примѣры этому бывали, но дѣлать изъ этого слишкомъ смѣлыя обобщенія было бы несправедливо, тѣмъ болѣе, что это бываетъ, вѣдь, и не со студентами только. Къ явленіямъ такого рода нужно прибавить также склонность молодежи хвалиться своими подвигами по части кутежей, обыкновенно, въ преувеличенномъ видѣ—все это, вмѣстѣ взятое, бросало извѣстный колоритъ на студенческую жизнь, придавая ей нерѣдко ложное освѣщеніе. Я не имѣю въ виду компаній безнадежно спившихся людей, которыя существовали въ Казани, какъ существуютъ, конечно, и въ другихъ городахъ: въ этихъ компаніяхъ участвовали студенты, но большею частью „бывшіе студенты"—типъ совершенно загубленныхъ жизнью людей—мелкіе чиновники и проч.; пріурочивать такія компаніи преимущественно къ университету и къ студенчеству было бы, конечно, ошибкою. Я помню, какъ пріѣхалъ къ отцу бывшій его сослуживецъ по Пермской губерніи, окончившій курсъ въ Казани по юридическому факультету, человѣкъ уже тридцати слишкомъ лѣтъ; пріѣхалъ онъ изъ Туркестанскаго края, гдѣ служилъ послѣднее время, и разсказывалъ о своемъ намѣреніи поступить на медицинскій факультетъ—намѣреніе это онъ привелъ въ исполненіе, но вскорѣ пребываніе въ хмѣлю сдѣлалось его нормальнымъ состояніемъ. Одинъ мой знакомый, студентъ старшаго курса, съ улыбкою декламировалъ:

„Математикъ . . . . . овъ
Каждый день нездоровъ
Съ похмѣлья".

Digitized by Google

строки эти были сложены про него самого. О другомъ разсказывали, что, когда на экзаменѣ органической химіи онъ затруднился назвать какой то алькоголь, профессоръ сказалъ: „да, вѣдь вы имъ постоянно пользуетесь“.—„Водка“! радостно воскликнулъ студентъ (si non e vero, e ben trovato). Все это было, но это бывало и не въ одной Казани. Обвинять казанскихъ студентовъ въ какомъ то особенномъ, а главное въ повальномъ, пьянствѣ, мнѣ кажется, было бы несправедливостью.

Университетъ въ началѣ 1870-хъ годовъ, какъ и теперь, производилъ впечатлѣніе своею величественною внѣшностью снаружи и во дворѣ, гдѣ расположены анатомическій театръ, библіотека, обсерваторія, физическій кабинетъ съ метеорологическою станціею, химическая лабораторія, физіологическая лабораторія. Въ стѣнахъ обсерваторіи показано направленіе меридіана гор. Казани. Мы ходили въ обсерваторію на лекціи проф. Ковальскаго, который тогда былъ нашимъ деканомъ. Читалъ онъ очень хорошо и былъ извѣстенъ, какъ гроза на экзаменахъ. Однажды онъ показывалъ намъ въ телескопъ Сатурна и туманность, состоящую, по его словамъ, изъ раскаленнаго водорода. По срединѣ двора стоялъ плювіометръ, а на крышѣ физическаго кабинета—анемометръ, кромѣ того были протянуты какія то проволоки, назначеніе которыхъ намъ было неизвѣстно. Противъ университета, на площади находилась клиника.—Мнѣ показывали основателя казанской клиники, профессора Елачича—въ мое время онъ уже былъ въ отставкѣ, но практикою все еще занимался, и я нерѣдко видѣлъ его: въ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ, лѣтомъ въ зной въ оленьей дахѣ, что производило

Digitized by Google

впечатлѣніе—о немъ разсказывали, какъ о казанской медицинской знаменитости, профессорѣ многихъ современныхъ намъ профессоровъ на медицинскомъ факультетѣ въ Казани.

Научная обстановка университета невольно дѣйствовала на молодую душу, тѣмъ болѣе, что знанія, которыя она обѣщала, можно было получать здѣсь безъ затрудненій: необходимо было лишь аккуратно ходить на лекцію, въ кабинеты и лабораторіи. Научная обстановка и научная жизнь университета, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, производили свое дѣйствіе, парализуя вліяніе той атмосферы, существованіе которой приходится допустить, хотя бы въ частностяхъ, чтобъ не впасть въ противорѣчіе съ фактами, и которая оказывала свое вліяніе на людей слабохарактерныхъ, или на такія натуры, которыя ждутъ толчка въ извѣстномъ направленіи, чтобъ развернуться во всю ширь. Нужно припомнить ту жизнь, на фонѣ которой обрисовывался университетъ: жизнь Поволжья, Заволжья, едва затронутыхъ реформами шестидесятыхъ годовъ—Урала и Зауралья, не затронутыхъ этими реформами. Крайнія противорѣчія, которыя характеризуютъ эту часть Россіи съ точекъ зрѣнія географической, этнографической, исторической, бытовой, конечно, заставляютъ съ собою считаться—на такой почвѣ возникаютъ явленія самаго разнообразнаго характера, въ частности—явленія, другъ друга исключающія, между которыми можетъ быть такая же разница, какая могла быть, напр., между стоящимъ на горѣ университетомъ и расположенною тутъ же подъ горою пивною лавкою казанскаго „Дарвина“. Вопросъ, затронутый мною мимоходомъ, невольно, имѣетъ большое значеніе,

Digitized by Google

но разработка его не можетъ входить въ мои очерки минувшей жизни казанскаго университета да, отчасти, и вообще казанской жизни тридцать лѣтъ тому назадъ.

Въ 1875 году стали появляться въ газетахъ извѣстія о томъ, что въ турецкихъ областяхъ, Герцеговинѣ и Босніи, происходятъ какія-то волненія. Первоначально на эти извѣстія обратили вниманіе въ Казани лишь очень немногіе, хотя разговоры кое-гдѣ и происходили. Затѣмъ послышались рѣчи болѣе опредѣленнаго характера, и однажды появилось объявленіе о концертѣ въ пользу герцеговинскихъ семействъ, бѣжавшихъ въ Сербію отъ жестокости турокъ, начались сборы пожертвованій; въ университетѣ, съ тою же цѣлью, было прочитано нѣсколько публичныхъ лекцій—все это дѣлалось по иниціативѣ высшаго казанскаго общества. Но, насколько, вообще, мало представляли себѣ въ Казани—въ чемъ же именно дѣло—видно, напр., изъ того обстоятельства, что на панихиду по Ю. Ф. Самаринѣ, который скончался 19 марта 1876 года, въ университетскую церковь собралось 5—10 человѣкъ. Профессоръ богословія, который служилъ обѣдню и панихиду, сказалъ при этомъ небольшое, но хорошо обдуманное слово. Какъ извѣстно, въ теченіе лѣта произошелъ рядъ крупныхъ событій, послѣ того, какъ за герцеговинцевъ вступились Сербія и Черногорія. Въ половинѣ августа, возвращаясь изъ Спасскаго уѣзда, гдѣ я провелъ часть лѣта, дорогою отъ пристани въ городъ, я встрѣтилъ нѣсколько дрожекъ, направлявшихся къ пристани, на нихъ ѣхали, между прочимъ, знакомые мнѣ студентъ медикъ старшаго курса Никольскій и ординаторъ клиники Соловьевъ; замѣтивъ ихъ озабоченность и серьезный взглядъ, когда

Digitized by Google

мы обмѣнивались поклонами, я рѣшилъ, что они входятъ въ составъ санитарнаго отряда, который, какъ я уже слышалъ, отправляется въ Сербію—такъ оно и было. Въ составъ отряда входили также доцентъ Студентскій, врачъ Шлихтингъ и другіе. По мѣрѣ того, какъ Казань, послѣ вакаціи, стала наполняться студентами, сдѣлалось замѣтнымъ какое то особенное оживленіе. Къ концу августа Казань вообще оживляется, такъ какъ многіе возвращаются изъ деревень, съ дачъ, но теперь чувствовалось что то особенное. На первомъ же большомъ гуляньѣ въ общественномъ саду бросилось въ глаза появленіе кружекъ Славянскаго Благотворительнаго Общества—лица, которыя ходили съ этими кружками по аллеямъ сада, просили жертвовать „на славянъ". Въ циркѣ дано было представленіе въ пользу того же Общества, и въ антрактѣ оркестръ, состоявшій въ значительной части изъ чеховъ, съигралъ хорватскій маршъ, который, впрочемъ, не повторили, не смотря на требованіе публики. На гуляньѣ, устроенномъ также въ пользу этого общества, стали уже раздаваться крики: „да здравствуютъ сербы". Значительное участіе во всемъ этомъ принимали студенты и нѣкоторые профессора. Но вскорѣ между студентами обнаружилось и другое направленіе, діаметрально противоположное: „изъ за чего вы горячитесь? намъ нужно заботиться о своихъ" и проч. „Описывать подробно этотъ разладъ я не буду, такъ какъ, вообще, нѣтъ ничего болѣе печальнаго, какъ быть свидѣтелемъ разладовъ, все равно, гдѣ бы они ни происходили, въ чемъ бы они ни выражались. Въ это время, зайдя къ одному своему пріятелю, я узналъ, что онъ собирается ѣхать въ Сербію добровольцемъ. На

Digitized by Google

стѣнѣ у него висѣла мишень, а въ углу стояла гимнастическая палка, какою пользуются солдаты при обученіи штыковому бою. Оказалось, что мой пріятель и его будущіе спутники ежедневно собирались вмѣстѣ для обученія строю и бою на штыкахъ, подъ руководствомъ отставнаго штабсъ-капитана, который хотѣлъ ѣхать съ ними. Всего ихъ было человѣкъ 10—12. Останавливаясь на этомъ эпизодѣ, я долженъ сказать откровенно, что эти добровольцы представляли собою людей, за исключеніемъ штабсъ капитана, очень молодыхъ, которые или не знали, что съ собою дѣлать, или же не отдавали себѣ отчета въ томъ, что они собираются дѣлать. Студенты относились къ нимъ, вообще, сочувственно, что совершенно понятно, тѣмъ болѣе, что въ это время обратное теченіе едва лишь намѣчалось. Добровольцевъ проводили съ большимъ торжествомъ, на пристань собралось многочисленное общество. Служили молебенъ, при чемъ почти всѣ присутствующіе пѣли, собирали деньги. Когда пароходъ тронулся, пѣніе возобновилось,— при этомъ одинъ доброволецъ сталъ стрѣлять изъ револьвера, что на многихъ произвело непріятное впечатлѣніе, такъ какъ тогда уже стали проскальзывать въ газетахъ извѣстія о томъ, что добровольцы во время пути позволяютъ себѣ черезъ чуръ многое: страшно пьютъ, стрѣляютъ, не думая о томъ, куда падаютъ пули и проч. Впослѣдствіи мы имѣли о нашихъ добровольцахъ самыя скудныя свѣдѣнія, потому что отъ нихъ доходили одни лишь открытыя письма. Потомъ стало извѣстно, что одинъ изъ добровольцевъ отправилъ на имя студента П., о которомъ я говорилъ выше и который принималъ живое участіе въ снаряженіи казанскаго

Digitized by Google

отряда,—длинное и подробное письмо, но письмо это, повидимому, такъ въ Сербіи и осталось. Казанскіе добровольцы уѣхали въ августѣ; въ Сербіи погибли, кажется, только двое: штабсъ-капитанъ и одинъ студентъ татаринъ, остальные къ декабрю вернулись всѣ и, мало по малу, принялись за мирныя занятія, нѣкоторые, впрочемъ, поступили вольноопредѣляющимися въ войска. Разсказывали, что казанскіе татары, по примѣру русскихъ, въ тайнѣ снарядили нѣсколько человѣкъ своихъ и послали ихъ помогать единовѣрнымъ—туркамъ, противъ сербовъ. Изъ нашихъ добровольцевъ, тѣ, которые съ особеннымъ рвеніемъ стремились въ Сербію, вернулись оттуда наиболѣе разочарованные. Довольно характерно, что трактиръ „Лондонъ“ предъ отъѣздомъ добровольцевъ, въ періодъ наибольшаго одушевленія, сталъ называться „Бѣлградъ“—а, по возвращеніи ихъ изъ Сербіи, получилъ названіе „Владиміръ“ вѣроятно, на Клязьмѣ. Въ заведеніи „Дарвина“ вернувшійся доброволецъ разсказывалъ о сраженіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе, въ присутствіи доцента Н., человѣка пожилаго и одинокаго, который часто заходилъ къ „Дарвину“ выпить пива и посмотрѣть на молодежь. Н. просилъ позволенія облобызать рану героя—увѣряли, что рана представляла слѣдъ давняго ушиба и много смѣялись,—но я въ этомъ эпизодѣ видѣлъ болѣе трогательнаго, нежели смѣшнаго. Когда, немного лѣтъ спустя, неисправимый идеалистъ, доцентъ Н. скончался, у него осталось наличными деньгами 90 копѣекъ. О добровольцѣ разсказывали, что онъ поступилъ въ армію и обнаружилъ выдающуюся храбрость.

Digitized by Google

Осенью 1876 года, когда послѣдовалъ русскій ультиматумъ, остановившій движеніе турецкой арміи на Бѣлградъ, послѣ пораженія сербовъ при Дюнишѣ, студентамъ двухъ старшихъ курсовъ медицинскаго факультета, какъ я говорилъ выше, было предложено готовиться къ сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ—это произвело болѣе сильное впечатлѣніе, нежели всѣ предшествовавшія выраженія сочувствія славянамъ, для всѣхъ стало ясно, что подготовляется нѣчто серьезное. Но, я не чувствую себя въ силахъ и въ правѣ выходить изъ области отрывочныхъ воспоминаній.

Какъ то, въ апрѣльское утро, поднимались на клиническую гору, по дорогѣ въ университетъ, я и ассистентъ проф. Ковалевскаго, Ш., разговаривая между собою—къ намъ подошелъ университетскій священникъ, поздоровался и, улыбаясь, сказалъ: „навѣрное, о войнѣ толкуете—теперь, если двое идутъ и разговариваютъ, то, непремѣнно, о войнѣ“. Мы, дѣйствительно, толковали о войнѣ, извѣстіе о началѣ которой пришло въ Казань, кажется, вечеромъ на слѣдующій день; привожу этотъ эпизодъ для характеристики времени. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 25 лѣтъ, изъ юноши я сдѣлался почти старикомъ и, передумывая о войнѣ 1877—1878 годовъ, въ разные періоды, соотвѣтствующіе различнымъ возрастамъ моей жизни, прислушиваясь къ чужимъ мнѣніямъ и сужденіямъ, я лишь теперь начинаю понимать значеніе и смыслъ начинавшагося грознаго событія, наступавшаго съ роковою и неотразимою силою, отклонить которое никто и ничто не были въ состояніи: оставалось только, по мѣрѣ силъ и возможности, смягчить силу и послѣдствія удара, къ чему всѣ и стремились—

Digitized by Google

одни сознательно, другіе безсознательно. Молодые врачи выпуска 1877 года вскорѣ получили назначенія и отправились въ разныя стороны. Пароходы отправились отъ устья Казанки, увозя военныя части. Мы стали получать письма отъ знакомыхъ и отъ товарищей изъ различныхъ мѣстностей европейскаго и азіатскаго театра военныхъ дѣйствій. Впослѣдствіи они вернулись, возмужавъ, пріобрѣтя запасъ опытности, рядомъ съ этимъ, разочарованія, неизбѣжныя при ближайшемъ столкновеніи съ жизнью, особенно въ военное время, когда положительныя и отрицательныя стороны человѣческаго характера развертываются съ особенною силою. О многомъ тяжело и вспоминать, но не подлежитъ сомнѣнію, что казанскій университетъ въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, оправдалъ свое назначеніе служить родинѣ по мѣрѣ силъ среди мира и среди войны.

Въ 1877 году я уѣхалъ изъ Казани и съ того времени бываю тамъ лишь наѣздами, но, пріѣхавъ въ Казань, всегда захожу въ университетъ, вижу, какъ онъ обстраивается, заводитъ новые кабинеты, лабораторіи. Число студентовъ при мнѣ не превышало 500, теперь ихъ, навѣрное, гораздо болѣе 1000. Но, повидимому, и теперь, какъ и при мнѣ, въ числѣ студентовъ татары представляютъ лишь исключеніе, въ этомъ отношеніи они остаются вѣрными своей обособленности. Изъ другихъ инородцевъ Поволжья, повидимому, болѣе всего поступаютъ мордвины; у меня были товарищи чуваши, изъ окончившихъ курсъ во второй гимназіи, но курса въ университетѣ они не кончили: одинъ умеръ отъ чахотки, другой—въ домѣ умалишенныхъ; по моимъ наблюденіямъ и по словамъ многихъ, съ кѣмъ приходилось

Digitized by Google

говорить, города и городская жизнь гибельно дѣйствуютъ на этихъ дѣтей и поклонниковъ природы, жителей полей и лѣсовъ по преимуществу. Многіе изъ моихъ товарищей и современниковъ по университету теперь профессора, директоры, земскіе врачи и другіе дѣятели на пользу общую. Со многими изъ нихъ я встрѣчаюсь, о другихъ приходилось не разъ говорить, и я радовался, слушая добрые о нихъ отзывы людей постороннихъ. Большинство моихъ наставниковъ уже сошло со сцены университетской жизни, кафедры нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣщены талантливыми учеными и изъ другихъ университетовъ, которые своею дѣятельностью украшаютъ казанскій университетъ, поддерживаютъ его значеніе, упроченное временемъ и силами нѣсколькихъ поколѣній людей науки.

Научныя учрежденія обладаютъ тѣмъ преимуществомъ предъ многими другими учрежденіями въ человѣческомъ обществѣ, что они развиваются и совершенствуются вмѣстѣ съ наукою, а наука развивается непрерывно и безпредѣльно. Въ теченіе ста лѣтъ, истекающихъ со дня основанія казанскаго университета, онъ изъ скромной школы, мало чѣмъ отличавшейся отъ старшихъ классовъ гимназіи, какъ это видно изъ „воспоминаній“ С. Т. Аксакова, развился въ высшее учебное заведеніе, стоящее на высотѣ своего положенія. Недостаткомъ всякаго рода „воспоминаній“ является присущій имъ личный элементъ, отъ котораго почти невозможно избавиться — невольно подчиняясь этому чувству, я не могу не сказать, что, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, я попалъ въ кружекъ, группировавшійся около А. М. Бутлерова. Здѣсь мнѣ приходилось встрѣчаться

Digitized by Google

съ бывшими профессорами казанскаго университета— Н. П. Вагнеромъ и Н. Н. Зининымъ. Первый, какъ и А. М. Бутлеровъ, былъ въ то время профессоромъ С. Петербургскаго университета, второй, какъ и А. М. Бутлеровъ, былъ членомъ Академіи Наукъ. Испытывая высокое наслажденіе въ бесѣдѣ съ этими лицами, я постоянно помнилъ, что всѣ они начали свое научное поприще въ Казани, подобно вѣнскому астроному Литтрову, подобно Григоровичу, Васильеву и многимъ другимъ. Всѣ они сдѣлали въ свое время вкладъ въ ту сокровищницу таланта, знанія, ума и труда, какою является казанскій университетъ. Онъ непрерывно обогащается этими сокровищами, благодаря силамъ около него сосредоточеннымъ, дѣлится ими съ каждымъ, приходящимъ за наукою и знаніемъ и не оскудѣетъ, какъ не оскудѣвалъ до сихъ поръ.

С. Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Содержаніе.

Вмѣсто предисловія. . . . . 3.

Основаніе Казанскаго Университета и первые годы университетской жизни. С. Т. Аксакова. . . . 7.

Университетъ въ 1830-хъ годахъ.

„Заволжскій Муравей". И. Пономарева. . . . 15.
О Н. М. Ибрагимовѣ, о Казанскомъ литературномъ обществѣ, о Солнцевѣ и др. . . . . 30.
Изъ воспоминаній Мамаева . . . . . 39.

Университетъ въ 1840-хъ годахъ.

Изъ воспоминаній И. И. Михайлова. . . . . 50.
Воспоминанія о Д. И. Мейерѣ—изъ статей проф. Загоскина и В. Н. Назарьева. . . . . 61.

Университетъ въ 1850-хъ годахъ.

Отрывокъ изъ статьи „Моя юность" (Воспоминанія о профессорахъ и студентахъ). М. Воронова. 77.
Воспоминанія о Ф. О. Елачичѣ А. Г. Князева. 98.

Digitized by Google

Воспоминанія о Григоровичѣ, о Бутлеровѣ, объ Ешевскомъ и др. А. Гацискаго. . . . . 105.
По поводу письма П. Д. Боборыкина изъ Дерпта студентамъ Казанскаго Университета С. Г. . . . . 118.
О проф. Григоровичѣ—изъ ст. проф. Успенскаго. . . . . 124.
„Былое изъ жизни Казанскаго Университета 1856—1860 г.г.“ Проф. Д. А. Корсакова. . . . . 136.

Университетъ въ 1860-хъ и въ 1870-хъ годахъ.

Воспоминанія о профессорахъ и студентахъ въ началѣ 1860-хъ годахъ. Л. О. . . . . 191.
Изъ воспоминаній о Казани и Казанскомъ Университетѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Ст. В. Смоленскаго. . . . . 237.

Университетъ въ 1870-хъ годахъ.

„Отрывки изъ воспоминаній“. (1874—1877 г.г.) С. Г. . . . . 274.

Digitized by Google

Digitized by Google

18.- D/7 aut

169023/4

M-1849(1)

Digitized by Google